

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Тан Юе

Тропы в речи современной русской и китайской молодёжи

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,
доцент А. Л. Новиков

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ ТРОПОВ В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	13
1.1. Теоретические основы изучения тропов в лингвистике	13
1.1.1 Дефиниции термина «троп»	13
1.1.2 Из истории изучения тропов	15
1.1.3 Исследование тропов в российской лингвистике	19
1.1.4 Исследование тропов в китайской лингвистике	27
1.2 Тропы как основные типы семантической деривации	33
ВЫВОДЫ	54
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЁЖНАЯ РЕЧЬ	56
2.1. Определение молодёжной речи	56
2.1.1 Структура национального языка	57
2.1.2 Просторечие и социолекты (арго, жаргон и сленг)	68
2.1.3 Определение молодёжной речи	76
2.2. Характеристики молодёжной речи в русском и китайском языках	83
ВЫВОДЫ	106
ГЛАВА 3. ТРОПЫ В РЕЧИ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ..	108
3.1. Семантическая деривация в конструкциях с существительными в молодёжной речи	109
3.1.1 Метонимия в конструкциях с существительными в речи русской и китайской молодёжи	109
3.1.2 Метафора в конструкциях с существительными в речи русской и китайской молодёжи	119
3.2. Семантическая деривация в конструкциях с глаголами в молодёжной речи	130
3.2.1 Метафора в конструкциях с глаголами в речи русской и китайской молодёжи	130

3.2.2 Метонимия в конструкциях с глаголами в речи русской и китайской молодежи	137
3.3. Семантическая деривация в конструкциях с прилагательными в молодежной речи	143
3.3.1 Метафора в конструкциях с прилагательными в речи русской и китайской молодежи.....	143
3.3.2 Метонимия в конструкциях с прилагательными в речи русской и китайской молодежи.....	148
ВЫВОДЫ	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	158
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	180
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	183
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	186
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	219

ВВЕДЕНИЕ

Учение о тропах развивалось в соответствии с общей теорией риторики, начиная с античности. В результате исследований в этой области было сформулировано основное определение тропа как механизма речи, посредством которого меняется значение слов или словосочетаний. Выделены разнообразные виды тропов, такие как метафора, метонимия, гиперболола, сравнение, олицетворение и др., которые долгое время рассматривались исключительно как средства создания образности.

По мере развития теории знака и образования лингвистики как самостоятельной науки семантический аспект изучения тропа привлекает всё большее внимание учёных. Так, тропы активно исследуются в семантико-когнитивном аспекте: раскрывается процесс функционирования тропов в качестве основных типов семантической деривации, т. е. переноса значений слов или словосочетаний.

Молодёжная речь является одним из субъязыков национального языка; это лексико-фразеологическая подсистема, основанная на фонетической и грамматической базе национального языка, включающая в себя широкий набор нестандартных и неформальных языковых средств. Источниками этих средств являются национальные языковые ресурсы – прежде всего литературный язык, затем социальные диалекты, фонд устаревшей лексики, а также иностранные языки. В процессе пополнения словарного запаса молодёжью широко используются морфолого-словообразовательные и лексико-семантические способы, в том числе способы семантической деривации. В этой связи **актуальность** выбранной темы исследования определяется следующими факторами:

– в последние годы в лингвистике непрерывно растёт интерес к сравнительно-сопоставительному изучению культуры народов, которая находит непосредственное отражение в языке;

– несмотря на бурное развитие семантико-когнитивного подхода, недостаточно глубоко исследованной остаётся тема семантической деривации в молодёжной речи;

– молодёжная речь характеризуется богатым лексиконом, в котором представлен широкий спектр субстандартных языковых средств, обладающих высокой степенью выразительности и образности. Это обстоятельство делает её идеальным материалом для изучения тропов как основных типов семантической деривации.

На этом фоне сопоставительное исследование функционирования тропов как основных типов семантической деривации в разноструктурных языках – русском и китайском – представляется актуальным.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что из-за типологических различий между русским и китайским языками сложно обнаружить в молодёжной речи полное совпадение мотивирующих и мотивированных значений слов, образованных в результате семантической деривации. Тем не менее, на фоне имеющихся различий проявляются очевидные структурные сходства, что позволяет провести корректный и объективный сравнительно-сопоставительный анализ этих лексических единиц. На основе результатов такого анализа можно выявить основные типы семантической деривации, характерные для русской и китайской молодёжной речи.

Вследствие этого **цель** работы заключается в выявлении и сопоставлении особенностей употребления тропов как основных типов семантической деривации в речи русской и китайской молодёжи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) на основе анализа литературы уточнить и охарактеризовать понимание тропа в российской и китайской лингвистике, выявить его основные разновидности, обладающие сходством в двух языках, для установления общего объекта двуязычного сопоставительного исследования;

2) проанализировать семантико-синтаксические характеристики тропов, рассматриваемых как основные типы лексической семантической деривации; описать тропы через параметры их значения;

3) определить понятия «молодёжь» и «молодёжная речь», проанализировать словообразовательные и лексико-семантические характеристики речи русской и китайской молодёжи;

4) описать процесс семантической деривации в конструкциях с существительными, глаголами и прилагательными, связанный с тропеическими средствами, в речи молодёжи двух стран;

5) сопоставить особенности семантической деривации, связанные с тропеическими средствами выражения в речи молодёжи двух стран, выявить их сходства и различия.

Объектом диссертационного исследования являются тропы, употребляемые в речи современной русской и китайской молодёжи.

Предмет исследования – особенности употребления и функционирования тропов в качестве основных типов семантической деривации в речи русской и китайской молодёжи.

Материалом исследования диссертационной работы послужили лексические единицы, образованные тропеическими средствами, преимущественно метафорой и метонимией. В работе проанализированы материалы, полученные путём анкетирования студентов РУДН; количество русскоговорящих респондентов составляет 217, количество китайскоговорящих респондентов – 196.

Также, были использованы примеры, отобранные из словарей молодёжного жаргона, сленга и интернет-языка, таких как «Словарь современного молодёжного жаргона» М. А. Грачева (М., Эксмо, 2006), «Словарь народно-разговорной речи города Архангельска. Т. 2. Ч. 2. Молодёжный жаргон Архангельска 1996–2018» О. Е. Морозовой (САФУ, 2019), «Словарь интернет-языка Синьхуа» Ван Лэй (Коммерческая пресса, 2012), «Ключевые слова интернет-культуры» Шао Яньцзюнь (SDX, 2018) и др.

В качестве вторичных источников в работе использованы материалы диссертаций, посвящённых изучению молодёжного жаргона и сленга [Бахтина, 2011; Чжао Либо, 2019 и др.]; а также примеры из Интернет-источников: например, 10 популярных слов, ежегодно публикуемых редакционным отделом китайского

журнала «Яовэнь цзяоцзы» (<https://app.readoor.cn/app/dt/pd/1531881192?s=1>); главное «слово года» в России, представляемое ежегодно Институтом русского языка им. А. С. Пушкина (https://www.pushkin.institute/news_archive/2023-12/)

В итоге было отобрано 1002 лексических единиц из речи русской молодёжи и 648 лексических единиц из речи китайской молодёжи, из которых общий объём лексических единиц, образованных тропеическими средствами в русском языке составляет 707, в китайском языке – 477.

Методы и методология исследования обусловлены целью и задачами диссертации. Использовались общенаучные методы, такие как классификация и систематизация, анализ, синтез, обобщение; сравнительно-сопоставительный метод применялся в целях выявления сходства и различия процессов семантической деривации на основе тропов в речи русской и китайской молодёжи. Для сбора материалов для анализа речи русской и китайской молодёжи применялся онлайн опрос в варианте анкетирования российских и китайских студентов РУДН.

В ходе исследования мы опирались главным образом на методы Московской Лексико-типологической группы (MLexT), нацеленные на сопоставление лексического состава разноструктурных языков и объема значения лексем, представляющих в каждом из них то или иное семантическое поле [Рахилина, Резникова, 2013]. Основным методом исследования значений в рамках MLexT следует концепции Московской семантической школы (МСШ): выявление семантических признаков лексем путем анализа сочетаемости квазисинонимов, на основе которого выделяются семантические параметры слова – релевантные для ситуации типов аргументов, такие, как тип субъекта и объекта для глагола или носителя признака для прилагательных, а также и других параметров, влияющих на ситуации. Такой подход позволяет описать процесс семантической деривации слова на основе параметров значения, а также сопоставить его производные значения, функционирующие в речи молодёжи двух стран при изменении определённых параметров значений.

Степень разработанности темы. Исследование тропов развивалось вместе с теорией риторики и стилистики, которой посвящены труды многих европейских,

российских и китайских учёных (Ж. Дюбуа, Ж. Женетт, Ф. Пип, А. Тринон; В. И. Аннушкин, В. В. Виноградов, И. Б. Голуб, В. И. Горелов, М. Н. Кожина, В. П. Москвин, И. В. Пекарская, А. А. Потебня; Ван Гуошэн, Ван Сицзе, Гу Юегуо, Лю Хуаньхуэй, Чэнь Ваундао, Чжан Гун, У Лицюань и др.) В процессе развития этих наук немалое внимание было уделено изучению отдельных видов тропов и фигур речи, об этом свидетельствуют многочисленные работы таких учёных (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ли Ханьлэй, А. Л. Новиков, С. В. Лопаткина, О. В. Раевская, А. Ричардс, Н. А. Сырма, Шу Динфан и др.)

В риторике и стилистике троп традиционно понимается как оборот речи, используемый для украшения текста и усиления его выразительности. По мере развития когнитивной науки троп активно изучается в когнитивной лингвистике, где под ним понимается один из способов мышления человека, через который познается, репрезентируется окружающий мир. Этой теме посвящены работы многих западных, российских и китайских учёных (W. Croft, G. Lakoff, K. Panther, G. Radden, L. Talmy, А. Вежбицкая; А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, А. В. Игнатенко, О. И. Калинин, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, Б. А. Серебренников, И. А. Стернин, В. Н. Телия, А. П. Чудинов; Ван Инь, Ли Фуинь, Шу Динфан и др. Эти исследования расширяют традиционное понимание тропов, обеспечивая теоретическую основу для более глубокого анализа функционирования главных типов тропов.

Кроме этого, часть российских ученых сосредоточена на изучении семантического аспекта тропов, исследуя их как основные типы семантической деривации. Этот подход, по сути, следует традиции когнитивной лингвистики, реконструирует на семантическом уровне типичную элементарную ситуацию, означаемую словом, что служит основанием для сравнения семантически близких слов, а также производных значений этих слов. Основные результаты подобных исследований представлены в работах ряда российских учёных. (Ю. Д. Апресян, Л. А. Новиков, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина, Р. И. Розина и др.); также в работах китайских лингвистов (Пэн Юйхай, Цай Хуэй и др.) Однако большинство учёных

уделяют внимание процессам семантической деривации в литературном языке, и лишь немногие работы посвящены изучению этих механизмов в сленге.

Анализ научных материалов показывает недостаточную изученность семантической деривации в молодёжной речи, так как большинство исследований в данной области в основном сосредоточены на определении границ и объёма самого понятия молодёжной речи и на выявлении источников обогащения её словаря. Основываясь на работах, посвященных национальному и литературному языку (Е. Н. Бекасова, В. В. Виноградов, А. И. Горшков), а также на исследованиях молодёжной речи, сленга и жаргона (Э. М. Береговская, Е. В. Горчакова, М. А. Грачёв, Т. В. Ерохина, А. Д. Швейцер, О. И. Максименко, А. Ю. Романов, Г. А. Судзиловский, В. В. Химик и др.), мы рассматриваем молодёжную речь как лексико-фразеологическую подсистему сопоставляемых языков с определённой функционально-стилистической окраской. Мы анализируем её морфолого-словообразовательные и семантико-лексические характеристики; следуя методологии МСШ и MLexT, рассматриваем тропы как основные типы семантической деривации в речи современной русской и китайской молодёжи.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём проводится сопоставительный анализ процессов семантической деривации в речи русской и китайской молодёжи, в результате которого выявлены основные направления переноса значений и типы вторичных значений слова.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней систематизированы основные типы семантической деривации в конструкциях с существительными, глаголами и прилагательными, используемых в речи русской и китайской молодёжи. С помощью сравнительно-сопоставительного анализа выявлены сходства и различия процессов семантической деривации, в которых отражаются семантико-стилистические характеристики молодёжной речи, а также психофизиологические и психологические характеристики самой молодёжи. Полученные в ходе исследования и описанные в работе результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения особенностей словопроизводного процесса в речи молодёжи России и Китая, а также в речи молодёжи других стран.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты данного исследования могут быть внедрены в образовательный процесс по направлениям «Филология», «Лингвистика», «Журналистика», «Межкультурная коммуникация» и др., например, в курсы по сопоставительно-типологическому и общему языкознанию, а также в курсах семантики, когнитивной лингвистики и стилистики. Кроме того, полученные данные могут использоваться как дополнительный актуальный материал для расширения словарного запаса студентов в рамках преподавания русского и китайского языков как иностранных.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Молодёжная речь представляет собой особую лексико-фразеологическую подсистему с определённой функционально-стилистической окраской. Лексический состав молодёжной речи обычно пополняется преимущественно за счёт морфолого-словообразовательных и лексико-семантических средств, при этом наблюдается сочетание двух типов средств. Лексические единицы, образованные на основе тропеических средств, составляют основную часть молодёжного лексикона, из чего следует, что метафора и метонимия являются важным источником пополнения словарного запаса русской и китайской молодёжи.
2. Несмотря на тот факт, что в речи молодёжи двух стран присутствуют лишь отдельные примеры слов с полностью совпадающими исходными и переносными значениями, сопоставительный анализ показал, что процессы образования метафорических и метонимических значений, рассматриваемых как универсальные типы семантической деривации, сходны в русской и китайской молодёжной речи. При этом, в обоих языках метафорическая деривация часто сопровождается метонимическим переносом.
3. В процессе семантической деривации в речи русской и китайской молодёжи наблюдается характерное направление переноса значений из неодушевлённой сферы в одушевлённую. В этом процессе характеристики природных явлений и неодушевлённых предметов используются для описания человека. При этом производные значения часто фиксируются на объектах, тесно связанных с

жизнью молодёжи. Использование метафоры и метонимии в молодёжной речи позволяет молодым людям обогащать свой словарный запас и создавать более яркие образы.

4. Семантическая деривация в речи молодёжи двух стран имеет немало различий. В китайской молодёжной речи, по сравнению с русской, ограничено число примеров номинативных конструкций в группе «свойство–носитель». Для конструкций с глаголами в русской молодёжной речи характерно только одно направление метонимического сдвига, а в китайской молодёжной речи возможно и направление «действие/ деятельность → происшествие». В адъективных конструкциях в русской молодёжной речи большее количество метонимических примеров в группе «физическое свойство человека → нефизическое свойство человека», а в китайской молодёжной речи – в группе «размер-дистанция».
5. Сходства и различия процессов семантической деривации в двух языках обуславливаются множеством факторов, таких как структурные особенности обоих языков, также и культурные факторы: национальные традиции, современная массовая культура и субкультуры. Но прежде всего на процесс функционирования тропеических средств оказывают влияние психологические и социальные характеристики самой молодёжи: стремление дистанцироваться от взрослого мира, склонность к иронии над окружающими и самоиронии, включенность в различные субкультуры и др.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы (219 источников).

Во **введении** актуализируется выбранная тема и формулируется рабочая гипотеза, определяются цель и задачи исследования, его объект и предмет, а также обосновываются научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость. Кроме того, Введение содержит описание использованных материалов и методов исследования и представляет основные положения, выносимые на защиту.

В **главе 1** представлен аналитический обзор литературы, посвящённой изучению тропа, рассмотрено его общее понятие, выявлены основные виды тропов, описанные в русской и китайской лингвистике, а также рассмотрен семантико-когнитивный подход к изучению тропов.

Глава 2 посвящена определению молодёжной речи: выявлено соотношение между такими понятиями, как «молодёжная речь», «литературный язык», «социолект» и пр., проанализированы словообразовательные и лексико-семантические характеристики речи молодёжи обеих стран.

В **главе 3** рассматривается процесс семантической деривации в речи молодёжи двух стран, а также проводится сопоставительный анализ их сходств и различий.

В **заключении** приводятся основные выводы и результаты проведённого исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения.

Обоснованность и достоверность диссертационного исследования подтверждены обширной теоретико-методологической базой, включающей труды российских и китайских филологов; а также данными, полученными в ходе анализа языкового материала с применением комплекса научно-исследовательских методов.

Апробация работы. Основные положения настоящего исследования нашли отражение в 9 научных публикациях, 2 из которых – в журналах, рекомендованных «Перечнем РУДН», 1 статья – в издании, индексируемом в международной базе данных Web of Science, 4 статьи – в сборниках научных статей, индексируемых в системе научного цитирования РИНЦ, и 2 статьи – в сборнике международной научной конференции.

ГЛАВА 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ ТРОПОВ В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Теоретические основы изучения тропов в лингвистике

1.1.1 Дефиниции термина «троп»

«Троп» представляет собой классический объект изучения античной риторики и стилистики, в рамках которой изучается перенос значений слов, словосочетаний и др. Термин *троп* часто соотносится с понятием «фигура речи», оба они являются важными, неотъемлемыми частями лингвистического исследования.

Несмотря на длительную историю изучения данного понятия, лингвистам не удалось достигнуть единогласия в вопросах его определения и классификации. Учёные придерживаются различных взглядов при определении рода, вида и числа тропов. Приведём несколько словарных дефиниций *тропов*.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой *троп* определяется как «стилистический перенос названия, употребление слова в переносном (не прямом) его смысле в целях достижения большей художественной выразительности [Ахманова, 1969, с. 481].

«Языкознание. Большой энциклопедический словарь» под редакцией В. Н. Ярцевой приводит наиболее распространённое понимание термина *троп*: это «(поворот, оборот речи) – согласно длительной традиции, понятие поэтики и стилистически, обозначающее такие обороты, которые основаны на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении и используются для усиления изобразительности и выразительности речи» [Языкознание, с. 520].

Как отмечается в «Экспериментальном системном толковом словаре стилистических терминов», *троп* – это «ментальный и языковой механизм, состоящий в уподоблении одного элемента универсума другому посредством переноса наименования или трансформации значения» [Никитина, Васильева, 1996, с. 138].

Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина определяют риторическую фигуру в широком смысле: это «всякое специальное средство усиления изобразительности. <...> Различают целостные, недискретные и дискретные фигуры». Они относят *троп* к недискретным фигурам, так как он «построен на сопоставлении денотатов двух или нескольких знаков и, следовательно, отражённых в них референтов или референтных ситуаций окружающей действительности». В основе сопоставления лежат тождество явлений (перифраза), их сходство (метафора), смежность (метонимия) или контраст (антифразис), в результате сопоставления получается третье – более сложное представление [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 120].

Т. В. Матвеева отмечает, что *троп* – «средство выразительности, основанное на переносе значения. <...> Слово, словосочетание, предложение, обозначающие какой-либо предмет, явление, ситуацию, используются для обозначения другого предмета, явления, ситуации. Общепринятое и новое значения совмещаются, возникает образ...» [Матвеева, 2014, с. 351].

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под редакцией М. Н. Кожинной *троп* определяется как «стилистический приём, заключающийся в употреблении слова (словосочетания, предложения) не в прямом, а в переносном значении. <...> Это могут быть отношения сходства, и тогда мы имеем дело с метафорой, сравнением, олицетворением, или отношения контраста, как в оксюморе и антифразисе. Это могут быть отношения смежности, как в метонимии. Или отношения, носящие количественный (а не качественный) характер и выраженные с помощью синекдохи, гиперболы и мейозиса» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2016, с. 559].

Общность вышеизложенных дефиниций термина *троп* заключается в понимании его как стилистического приёма или средства, образованного на основе переноса значений языковых единиц в целях усиления выразительности или изобразительности.

Различия определений состоят в следующем:

– используются разные критерии языковых единиц: в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой указывается на перенос значений

слов; в других источниках отмечаются слово и словосочетание; в последних двух источниках (словарях Т. В. Матвеевой и под редакцией М. Н. Кожинной) включается ещё и предложение;

- в различных дефинициях к тропам относятся разные стилистические средства;

- разграничение между понятиями «троп» и «фигура речи» остаётся нечётким: одни исследователи понимают фигуру речи в широком смысле [Хазагеров, Ширина, 1999]; другие – наоборот, в узком;

- под *тропом* понимается не просто стилистический приём: С. Е. Никитина и Н. В. Васильева понимают троп как языковой и ментальный механизмы; Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина, а также Т. В. Матвеева обращают внимание на психологическую природу тропа. В процессе использования тропов не только изменяется семантика языковых единиц, но и рождается и новое представление.

Эти различия хорошо отражают основные разногласия в среде лингвистов, возникшие в течение длительного изучения тропа. Как справедливо отмечено в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», «количество тропов существенно колеблется в зависимости от тех критериев, по которым они выделяются» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2016, с. 559]. Именно поэтому в ходе многолетних исследований лингвисты по-разному понимают *троп* и *фигуру речи*, относят к этим двум категориям разные стилистические приёмы и рассматривают *троп* с различных точек зрения.

1.1.2 Из истории изучения тропов

Длительную историю изучения *тропа* можем разбить на несколько этапов.

Первый этап в изучении *тропа* – риторика Античности и Средних веков (V век до нашей эры – XV век)

Риторика античности сформировала ораторское искусство, породившее *троп* как средство речевой выразительности, украшения речи. Он впервые был обозначен в работе античного ритора Квинтилиана: «Тропы суть двоякого рода. I. Одни употребляются для большего выражения. <...> II. Другие для украшения.

Троп есть выразительная перемена или искусный перенос слова или речи от собственного значения на другое» [Квинтилиан, 1834, с. 102].

Но ещё до Квинтилиана в «Риторике» Аристотеля были упомянуты отдельные виды тропов, такие как метафора, сравнение, эпитет и др. Согласно мнению древнего философа, «метафора в высокой степени обладает ясностью, приятностью и прелестью новизны. <...> Нужно употреблять в речи подходящие эпитеты и метафоры, а этого можно достигнуть с помощью аналогии» [Аристотель, 2002, с. 945]. «Сравнение есть также метафора, так как между тем и другим существует лишь незначительная разница» [там же, с. 952].

В работе «Риторика для Геренния» были рассмотрены разновидности фигур речи и фигур мысли, в которые включены тропы в их современном понимании (хотя сам термин *троп* в данном труде не упоминается). Неизвестный автор считает, что «достоинство обеспечивается применением фигур речи и фигур мысли. Украшение фигурами речи состоит в тонкой полировке недостатков самого языка. Украшение фигурами мысли происходит не от слов, но от самого предмета, какое-то благородство имеющего» [Первая судебная риторика..., с. 105].

В трактате Цицерона «Брут, или О знаменитых ораторах» было отмечено греческое происхождение термина *троп*: «Греки считают украшением речи переносные выражения, которые они называют “тропами”, и такие обороты мысли и речи, которые у них называются “фигурами”» [Цицерон, 1972].

В труде александрийского грамматика Трифона «О тропах» *троп* определяется таким образом: «речь, построенная с отклонением от говоримого в общепринятом значении в большей степени, чем это необходимо, для украшения» [цит. по: Караченцева, 1999, с. 45]. Здесь приведена чёткая рубрикация и толкование 14 основных тропов и 27 дополнительных видов, в которые включены *стилистические фигуры*, по современному определению.

Риторические исследования Византийского периода и Средних веков обусловлены тесной связью науки с религией, которая в той или иной степени препятствовала развитию риторики, в связи с чем количество трудов в этот период было достаточно ограниченным.

В «Книге о тропах и фигурах» Беда Достопочтенного рассматриваются часто встречающиеся риторические средства, включая 13 тропов [цит. по: Ненарокова, 2003]. Трактат «О тропах, или Об оборотах речи» Георгия Хировоска, объём которого весьма невелик, содержит в себе описание 27 риторических терминов (тропов и фигур). Особое значение этот труд приобрёл в славянском переводе, включённом в «Изборник Святослава» 1073 г., оказав влияние даже на поэтику «Слова о полку Игореве» [цит. по: Максимович, 1991].

Второй этап в изучении *тропа* – эпоха Нового времени (XVI–XIX века)

В эпоху Возрождения изучение тропов вызывало интерес многих учёных, в связи с чем количество разновидностей тропа значительно увеличилось, но сама дефиниция термина *троп* изменилась незначительно.

К примеру, Ричард Шерри в «A Treatise of Schemes and Tropes (Трактате о схемах и тропах)» отмечает, что под *тропом* понимается перенос слов или предложения с собственных значений в другие, соответствующие по сходству [Sherry, 2009, p. 40]; в «A Treatise of the Figures of Grammar and Rhetorike (Трактате о грамматических и риторических фигурах)» автор разграничивает 120 видов тропов и фигур речи [приводится по: Гу Юегуо]. Генри Пичем в «The Garden of Eloquence (Саде красноречия)» разграничил троп и фигуру речи: «Троп – это изменение слова или предложения от правильного и естественного обозначения к другому, не собственному, но, тем не менее, вероятному» [Peacham, 1577]. В работе перечисляются 184 фигуры, в том числе 19 тропов. Герхард Фосс в «Commentariorum rhetoricorum sive oratoriarum institutionum (Риторическом комментарии, или Наставлении ораторам)» подразделил тропы на первичные и вторичные. В список первичных включены метафора, метонимия, синекдоха и ирония [приводится по: Москвин, 2013].

Третий этап в изучении *тропа*: в рамках современной стилистики и лингвистики (XIX–XXI века)

Во второй половине XIX века интерес к изучению риторики ослабевает, однако в 60-х годах XX века теория тропа получает новое развитие. В «Manual of English Grammar & Composition (Руководстве по грамматике и сочетанию английского

языка)» Джона Несфилда (John Nesfield) описывается механизм работы человеческого мозга при употреблении риторических фигур в широком смысле [Nesfield, 1908]. Автор труда «Les Figures du discours (Фигуры дискурса)» Пьер Фонтаньер (Pierre Fontanier) отмечает тесную связь между тропом, словом и мыслью: «Троп – это новое значение слова, отличающее от предыдущего, при употреблении к новой идее» [Fontanier, 1977, p. 39].

В начале XX века началось развитие неориторики, риторическая теория снова привлекла внимание научного общества во главе с А. Ричардсом и К. Берком. Согласно мнению Ричардса, неориторика направлена на понимание речи, это наука о значении [Richards, 1965, p. 23]: значение оформляется на основе абстракции и обобщения отдельных конкретных объектов, и задача риторики заключается в сравнении значений двух слов. Ричардсом внесён вклад в понимание механизма работы тропов, в частности метафоры: это не отклонение от нормальных механизмов, а «вездесущий принцип языка» [ibid, p. 92], и «значение является результатом одновременного сосуществования оболочки и содержания (метафоры) и не может возникнуть без их взаимодействия, <...> относительная важность ролей оболочки и содержания в создании значения разных типов метафоры различна» [ibid, p. 100].

Во французской лингвистике центральной темой исследования были поэтический язык и лингвистический анализ литературных произведений. В 1967 году французский теоретик структурализма Ц. Тодоров в своей статье «Тропы и фигуры» предпринял попытку классифицировать поэтические отклонения от нормы (аномалии) по уровням языка: «Мы различаем четыре группы аномалий, относящиеся к следующим областям: отношение звук – смысл; синтаксис; семантика; отношение знак – референт» [цит. по: Общая риторика, с. 21].

В «Общей риторике» представлены исследования бельгийских исследователей, продолживших эту попытку. В них изложены авторские термины, используемые для описания традиционных фигур в широком смысле: *метаплазмы*, *метасемемы*, *метатаксис*, *металогизмы*, что позволяет преодолеть неясности в понимании терминов *троп* и *фигура речи*. Все эти четыре *метабола* являются формами

реализации риторической функции на различных уровнях языка, соответственно, акцентируется внимание на дифференциальных признаках фонем и графем (метаплазмы), сем (метасемемы), дискурса (метатакис) и экстралингвистической области (металогизмы).

По мере развития современной теории лингвистики, изучение тропа не ограничивается риторикой, поэтикой и стилистикой, термин рассматривается в общей теории знаковых систем [Есо, 1986; Женетт, 1998], а также в семантике, психолингвистике и когнитивной лингвистике [Lakoff 1993, 2003; Talmy 2000; Croft, Cruse, 2004] и в других её теоретических разделах.

В исследование этой проблемы внесли большой вклад как российские, так и китайские лингвисты. Понимание *тропа*, в частности механизма его работы, в соответствии с изучаемыми сферами также меняется. Поэтому в следующих подразделах в целях уточнения дефиниции термина *троп* представлены обзоры исследований по этому вопросу в российской и китайской лингвистике.

1.1.3 Исследование тропов в российской лингвистике

Как было изложено выше, изучение *тропа* началось с исследований по риторике. Риторическая теория в России известна давно, но до XVII века учебников по риторике в стране не было. Как считает В. И. Аннушкин, в истории русской риторики можно выделить 6 периодов:

- с 1615/20 по 1690/95 годы – первая русская «Риторика» 1620 года;
- с 1745/50 по 1790/1800 годы – Ломоносовский период;
- с 1790/1800 по 1850/60 годы – расцвет русской учёной риторики, связанный со становлением науки словесности;
- с 1850/60 по 1920 годы – период новой теории и истории словесности, становление языкознания и литературоведения;
- с 1920 по 1985/90 годы – создание на основе старой риторики целого ряда дисциплин, таких как культура речи, лингвистика текста, функциональная стилистика, прагматика и др.;

– с 1985/90 годы до настоящего времени – риторический «бум» [Аннушкин, с. 21].

Важные перемены в изучении *тропа* произошли в XX веке, поэтому первые 4 периода, выделенные В. И. Аннушкиным, можно объединить в один период, продолжающийся с момента зарождения риторической теории в 1615/20 годах до 1920 года.

Первый период ознаменовался появлением русского учебника по исследуемой тематике – перевода латинской «Риторики» Ф. Меланхтона, в которой под *тропом* понимается следующее: «Слово от истинного свойственного естества и описания переменяется или обращает к подобной вещи или к ближней» [цит. по: Аннушкин, с. 56]. В разделе «О красноглаголании» «Риторики» М. Усачёва рассматриваются виды тропов и фигур речи [см. там же]. В третьей части сочинения С. Яворского «Риторическая рука» изложено описание разновидностей тропа и фигуры речи, например: «Тропос есть глагола или слова от свойственного знаменования в чуждее с силою перемена» [там же, с. 106].

Кроме того, в это время появляется труд М. В. Ломоносова «Краткое руководство к красноречию», имеющий большое значение для изучения *тропа*. Согласно мнению автора, «украшение есть изобретённых идей пристойными и избранными речениями изображение» [Ломоносов, 1952, с. 246], а пристойность речи приобретена через «перенесение речений или предложений от собственного знаменования к другому, которые у греков называются тропами и разделяются на тропы речений и предложений» [Ломоносов, 1952, с. 250].

Сочинение А. С. Никольского «Основания российской словесности. Часть 2. Риторика» содержит рассуждение об украшении и тропах: «Троп есть употребление слова в переносном или не собственном значении, по причине какого-нибудь отношения или сходства онаго с собственным» [Никольский, 1809, с. 23]. Н. Ф. Кошанский понимает *троп* как «перенесение слова (иногда и мысли) от собственного значения к несобственному по четырём случаям: по подобию (метафора), по качеству (метонимия), по количеству (синекдоха) и по противоположению (ирония)» [Кошанский, 1854, с. 107].

В этот период в России постепенно формировалась новая дисциплина – *словесность*, наука об изложении мыслей, о слоге и стиле, в которую входят грамматика и риторика [Аннушкин, 2023]. Уже в 50-х годах XIX века риторика подвергается критике со стороны многих учёных, стала рассматриваться как формально-схоластическое учение, её место занимают понятия художественной стилистики, поэтики и эстетики [см. там же].

По инициативе А. А. Потебни учёные обращаются к проблемам стилистики, акцентируя внимание на языке художественной литературы. А. А. Потебня, рассматривая отношения между образом и тропом, разграничил так называемое ближайшее и дальнейшее значения слова: «ближайшее этимологическое значение слова всегда включает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе» [Потебня, 2012, с. 177]. Последовательно автор выделяет внешнюю форму слова (звук), внутреннюю форму слова (ближайшее значение), а собственное значение слова (субъективное содержание). По словам А. А. Потебни, внутренняя форма слова, это представление человека об определённом предмете или явлении, которое изменяется и исчезает в процессе развития языка. Таким образом, в языке существуют образные (имеющие живое представление) и безобразные (лишённые ближайшего значения) слова [Потебня, 1990, с. 140–148].

На основе этого А. А. Потебня устанавливает тождество слова и художественного образа, который в своём развитии сохраняет внешнюю форму, в то время как внутренняя – изменяется. Подобным же образом работает троп, в котором внутренняя форма забывается, слово пополняется новыми значениями, поэтому автор отметил, что «в тропах реализуется процесс поэтического мышления человека, <...> есть всегда скачок от образа к значению» [там же, с. 16, 288].

Второй период характеризуется быстрыми темпами развития теории языкознания. Изучение *тропа* развивается благодаря общей теории знаковых систем. В 20-х годах XX века художественная речь оказывается в фокусе изучения российской лингвистики, и в 20–30-х годах стилистика становится

самостоятельной научной дисциплиной, описывающей взаимоотношения и взаимодействия разных словоформ, слов и конструкций внутри единой структуры языка [Виноградов, 1963, с. 5] и разделяемой на стилистику языка, речи и художественной литературы. В то же время развивается поэтика – наука о построении литературных произведений. Предметы изучения стилистики и поэтики пересекаются, стимулируя развитие теории тропа.

Согласно мнению Б. В. Томашевского, «в тропах разрушается основное значение слова; обыкновенно за счёт этого разрушения прямого значения в восприятие вступают его вторичные признаки. <...> Тропы имеют свойство пробуждать эмоциональное отношение к теме» [Томашевский, 1999, с. 52]. Автор продолжил деление тропов, которое предложил А. А. Потебня, относя метафору и метонимию к двум основным видам тропа.

Р. О. Jakobson рассматривает тропы как базовые отношения между языковыми знаками: *комбинация* и *селекция*. «Любой знак встречается в комбинации с другими знаками; <...> селекция предполагает возможность замены одного варианта на другое». Комбинация основывается на отношении смежности, в то же время селекция – на степени сходства между знаками [Jakobson, 1996, с. 32–33]. Следовательно, метонимия и метафора представляют собой два основных способа образования предложения, более того, художественной литературы и произведений искусства в широком смысле.

Ю. М. Лотман разделяет мнение Р. О. Jakobsona, считая, что тропы «составляют суть творческого мышления, <...> один из его элементов имеет словесную, а другой зрительную природу» [Лотман, 1992, с. 169]. Риторические фигуры, или тропы, получили расширенное понимание у Лотмана (эти термины являются для него синонимами) – как замена семантических единиц другими знаками, однако «заменяющее и заменяемое не только не является адекватным, но обладают прямо несовместимостью» [там же, с. 172]. Это сложное явление, на которое оказывают влияние культурные, психологические и другие факторы и семантический эффект которого обеспечивается несовместимостью. «Троп есть механизм порождения семантической неоднозначности, механизм, вносящий в

семиотическую структуру культуры необходимую ей степень неопределённости» [там же, с. 175].

Ю. М. Скребнев относил проблему переименования (то есть тропы) к общей семасиологии: «любой троп, в отличие от узуального, общепринятого обозначения предмета, представляет собой совмещение двух семантических планов в единице формы» [Скребнев, 1975, с. 117]. На основе структуры языковых знаков автор разграничил синтагматическую и парадигматическую семасиологии. <...> Первая изучает набор существующих в языке параллельных форм предложений; вторая – выбор языковых наименований из числа парадигматически наличных [см. там же, с. 108, 116]. Именно ко второй относится *троп*, в котором меняется содержательный предметно-логический план высказывания. Кроме того, Скребнев ограничил понимание *тропа*, под которым подразумевал лишь те фигуры, в которых «расхождение между традиционным и фактически употреблённым наименованием носит качественный характер» [там же, с. 121], то есть метафору, метонимию и иронию.

Согласно мнению И. В. Арнольд, в стилистике принято подразделять средства на изобразительные и выразительные, то есть на тропы и фигуры речи, однако такое деление оказывается условным, так как выразительные средства также могут создать образ. «Суть тропов состоит в сопоставлении понятия, представленного в традиционном употреблении лексической единицы, и понятия, передаваемого этой же единицей в художественной речи при выполнении специальной стилистической функции» [Арнольд, 2016, с. 123]. Более того, И. В. Арнольд полагал, что интерес современной стилистики заключается не в разграничении отдельных тропов, а в выявлении их общего механизма. Так что исследование полужетонированных структур (структур с нарушением лексической или грамматической сочетаемости в целом [Арнольд, 2016, с. 136]) способствует развитию теории тропов.

Интересное, на наш взгляд, мнение высказал Т. Г. Винокур, подчеркнувший ситуативно-речевую характеристику тропа, который принадлежит к узуально-стилистическим комплексам. Прежде всего автор разграничил два понятия – приём и средство: стилистический приём «в качестве элемента узуально-стилистического

комплекса есть и система форм, и система значений, <...> непереносный этап реализации стилистически значимого употребления языка» [Винокур, 2016, с. 94], в основе которого лежат конкретные стилистические (языковые) средства, в том числе и образные, к каковым относится троп. Далее автором отмечается важность контекста и коммуникативного аспекта стилистического средства: «специфика стилистического значения такова, что любые его характеристики выводят нас из предметно-логической области номинации в область коммуникативно-языковых ценностей, т. е. стилистическое значение – единица не системы, а узуса» [там же, с. 69]. Рассматривая стилистическое значение в употреблении, Т. Г. Винокур подчеркивал фактор человека, согласно мнению которого, стилистический узус строг к ограничениям коллективного характера, в отличие от общеязыковой образности, одним из признаков стилистического узуса является новизна употребления [там же, с. 186]. Таким образом, узусально-употребительная образность тесно связана с носителями языка, отражая их постоянный социальный статус; а также с внеязыковой ассоциацией этих носителей в конкретной ситуации, сохраняя существенные приметы времени.

М. Н. Кожина считает *троп* средством словесной образности: это «явление лексико-семантическое, это разные случаи употребления слова в переносном значении. Однако, как известно, не всякое переносное значение является для современного языкового сознания образным» [Кожина, 2020, с. 205]. В работе различаются разные степени образности метафоры: метафоры общеязыкового характера; метафоры, сохраняющие «свежесть»; и метафоры собственно поэтические, которые отличаются индивидуальным характером. Автор подчёркивает новизну и оригинальность образности, поэтому рассматривает использование тропов в разных сферах общения, но прежде всего в художественной литературе.

В данный период теория *тропа* получила развитие в рамках общей теории знаковых систем, стилистики и поэтики, поэтому лингвисты уделяют большое внимание изучению семантического аспекта тропов, их смысловой двуплановости, а также связи тропов с образностью речи. Кроме того, в это время были созданы

работы, посвящённые исследованию тропов в аспектах семантики [Шмелёв, 1973; Апресян, 1995а; Новиков, 1982; Гинзбург, 1985], синтаксиса [Мурзин, 1984; Арутюнова, 1978а; 1978b; 1979], картины мира и гносеологии [Жоль; Роль человеческого фактора в языке ..., 1988]; а также изучению отдельных тропов ([Бондаренко, 1980; Везерова, 1984; Бирих, 1987; Скляревская, 1987] и др.).

Согласно мнению Д. Н. Шмелёва, «семантическая целостность многозначного слова обеспечивается присутствием в его значении общего “семантического ядра”, <...> значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определённым отношениям на основе семантических ассоциаций (метафора, метонимия)» [Шмелёв, 1973, с. 71]. Троп здесь понимается как устойчивое взаимоотношение между разными значениями, представляет собой обобщённые формулы семантической структуры полисемии. В то же время Ю. Д. Апресян рассматривает семантическую деривацию как особый тип словообразовательных процессов, среди которых метонимические переносы характеризуются регулярностью, метафорические переносы – нерегулярной полисемией [Апресян, 1995а, с. 187–191].

Л. А. Новиков разделяет мнение Д. Н. Шмелёва и Ю. Д. Апресяна: «Значения многозначного слова связаны ассоциативно, разбросаны по отдельным микрополям и не представляют единого понятийного целого» [Новиков, 1982, с. 190]. В своём развитии слово продолжает приобретать новые значения, рождаются новые лексико-семантические варианты, отношения между которыми характеризуются регулярностью и повторяемостью. «Известны два основания связи лексико-семантических вариантов в структуре многозначного слова: связь по смежности (метонимия) и связь по сходству (метафора)» [Новиков, 1982, с. 195].

Л. Н. Мурзин разграничивает три основных типа семантической деривации: смещение, метонимизацию и метафоризацию [Мурзин, 1984, с. 47]. Автор анализирует механизм метонимизации и метафоризации с точки зрения образования предложения: «при метонимизации устраняется независимый компонент, <...> сохранившийся зависимый компонент перемещается в позицию компрессированного, переодевается в его грамматическую одежду; в то же время в

основе метафоры лежит контаминация двух предложений. <...> Метафора предикативна по природе, в центре её находится глагол» [там же, с. 49]. Аналогичного мнения придерживается и Н. Д. Арутюнова: троп как лексико-стилистический приём формируется на основе окказионального переименования, и «в синтагматическом аспекте вторичное окказиональное переименование сопровождается нарушением потенциальной сочетаемости» [Арутюнова, 1977, с. 94]. В то же время «метафора связана прочными узлами с позицией предиката (то есть определения), <...> идентифицирующая лексика переносится в сферу предикатов, создавая классическую, самую метафорическую метафору», в то время как метонимия «привязана к идентифицирующей функции» [Арутюнова, 1999, с. 348].

Согласно мнению В. Н. Телии, метафора и метонимия представляют собой основные способы формирования смысла вторичных наименований в создании языковой картины мира, среди которой «свободные номинативно-производные лексические значения основаны на метонимии, несвободные – фразеологически связанные или синтаксически обусловленные – на метафоре» [Телия, 1977, с. 190]. Автор отмечает сравнительную объективность языковой метафоры: «Синтагматические пресуппозиции несут информацию о классах возможных для них формальных объектов, <...> в силу такого рода объективированных коннотативных мотиваций, переосмысление слова, субъективное в момент творения, основанное на общих знаниях данного языкового коллектива» [там же, с. 193]. Другими словами, за языковой метафорой стоит фоновое знание говорящих. В то же время метонимия – это «извлечение какого-либо свойства из уже оязыковлённого отражения действительности в силу его смежности» [там же, с. 210]. Кроме того, в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке» представлена тесная связь между тропом и языковой картиной мира. Помимо метафоры и метонимии, в данной работе упомянута способность создания языковой картины мира посредством других тропов, таких как оксюморон, гипербола и литота [Роль человеческого фактора в языке..., 1988, с. 182].

Второй период изучения *тропа* отличается тем, что его понимание исследователями развивается по мере совершенствования самой теории языкознания, в которой затрагивается проблема механизма работы *тропа*, расширяются понятия отдельных его видов, в частности *метафоры* и *метонимии*, – всё это заложило основу развития теории тропов в следующем периоде.

Третий период изучения *тропа* характеризуется продолжением исследований в обозначенных выше направлениях, кроме того, в круг интересов российской лингвистики снова включена риторика. В это время были созданы работы, посвящённые изучению отдельных видов тропа [Новиков, 1996; Раевская, 1999; 2000; Фаттахова, 2018]; рассмотрению тропов в аспекте риторики и стилистики [Михальская, 1996; Лопаткина, 2004; Оганьян, 2006; Сырма, 2007; Пекарская, 2013; Маклокова, 2010; Москвин, 2013], в психологическом [Хазагеров, Ширина, 1999] и когнитивном аспектах [Кустова, 2004; Падучева, 2004; Бурмистрова, 2005; Никитин, 2003; 2007; Зубкова, 2010; Лингвистика конструкций, 2010; Рахилина, Резникова 2013]; исследованию семантики тропов [Королёва, 2002; Черникова, 2001; Кириллова, 2006], их связи с картиной мира [Кочешкова, 2004; Балашова, 2014], а также использованию тропов в текстах различных жанров [Желтухина, 2004; Суворова, 2019] и др.

1.1.4 Исследование тропов в китайской лингвистике

Использование тропов в китайском языке имеет длительную историю, начиная с доциньской эпохи.

Один из первых поэтических и песенных памятников – «Шицзин» (诗经) содержит 305 народных песен и стихотворений, относящихся к периоду XIX–VI веков до нашей эры. В творчестве этого периода можно выделить три основных жанры: песни царства, оды и гимны, в которых с высокой частотностью использовались три поэтических приёма: Фу (赋), Би (比), Син (兴), понимаемые исследователями по-разному.

По словам Конфуция, Пи (譬): это тот, кто сможет поставить себя на место другого по аналогии, является примером доброты [приводится по: Ли Зцехоу, 1998, с. 167].

В работе Мо Цзы также использовалось слово Пи (辟): Пи – это ссылаться на сторонние объекты для описания данного объекта, являющееся одним из методов аргументации [приводится по: Фан Юн, 2011, с. 387].

В работе «说文解字 (Словарь китайских иероглифов)» указано, что Пи (譬) – это сравнение; Син представляет собой начало [Сюй Шэнь, 1963, с. 51]. По мнению Чжэн Силона, Би – это сравнение одного объекта с другим; а Син – это выражение мысли посредством конкретных объектов [приводится по: Кон Инда, 1999, с. 12].

В работе «文心雕龙 (Резной дракон литературной мысли)» представлено, что Би – сравнение, аналогия; Син – начало статьи. При иллюстрации объекта нужно делать по аналогии, это называется Би; в начале статьи описывает другой объект с целью ссылки на тему, это называется Син. [Лю Се, 1962, с. 601]. Кроме того, в данной работе представлены другие приёмы, такие как парные построения (对偶) и гипербола (夸饰).

В «毛诗正义 (Комментарии к тексту Шицзина в передаче Мао Хэна)» объясняется, что несмотря на то что оба Би и Син являются описанием одного предмета с помощью другого, Би эксплицитен; а Син имплицитен [Кон Инда, 1999, с. 12].

По словам учёного династии Южное Сун, Фу – это повествование того, что происходит; Син – описание сторонних объектов в начальных строках с целью введения главных тем; Би – сравнение одного объекта с другим [приводится по: Ван Сяньжуй, 2007, с. 209–220].

В то же время Ли Чжонмэн (李仲蒙) считал, что Фу – это выражение эмоции посредством повествования конкретных событий; Би – это вложение чувства в конкретный объект; Син – это взволнованность от увиденного [приводится по: там же, с. 224]. К этому времени общепризнанное понимание этих трёх поэтических

приёмов было почти сформировано и в дальнейшем послужило основой для последующего развития китайской тропеической теории.

В настоящее время вышла работа «文则 (Правила сочинения)», посвящённая риторике в древней китайской литературе. В ней представлена подробная типология поэтических приёмов, в частности типология сравнения в широком смысле, перечисляются 10 типов сравнения.

В эпоху династий Мин и Цзин Древнего Китая появился ряд работ, посвящённых отдельным видам тропа. Так, в источнике «喻林 (Лес сравнения)» на основе классических работ было представлено большое количество примеров сравнений с тематической дифференциацией. В работе «分类字锦 (Классифицированные отточенные фразы)» содержатся взятые из древних классических работ примеры парных построений с подразделением выражений по количеству иероглифов. Однако в Древнем Китае систематическая работа по изучению тропов не проводилась. Сам термин *троп* не был в достаточной степени определён, несмотря на значительные усилия большинства учёных по изучению поэтических произведений, стилей, а также общих риторических проблем.

В конце XIX — начале XX веков в Китае произошли беспрецедентные перемены, оказавшие влияние не только на социальную обстановку, но и на китайский язык. Началось движение за объединение письменной и устной форм речи в китайском языке. В этот период китайские учёные стали активно изучать лингвистические теории зарубежных стран.

В 1905 году был опубликован «修词学教科书 (Учебник по риторике)» Тан Жэньчана (汤振常), в котором были разграничены термины *троп* и *фигура речи*: троп – это внутренний перенос, а фигура – внешнее изменение; троп сосредоточен на содержании, а фигура – на речи) [приводится по: Цзун Тингху, 1990].

В 1923 году вышла работа Тан Юэ (唐钺) «修辞格 (Риторические фигуры)», в которой содержится определение термина *фигуры речи*: Такие случаи, когда в целях усиления выразительности языка используется необычная форма выражения, называются риторическими фигурами [Тан Юэ, 1923, с. 1]. В ней перечислялись

27 риторических фигур, составляющих пять групп: основанные на сравнении (в том числе на сходстве и на различии), построенные на ассоциациях, образах, а также эвфемизмы.

В том же году вышла работа «修辞学发凡 (Основа риторики)» Чэнь Вуандао (陈望道), в которой риторические приёмы были разделены на две группы: активные и неактивные. Неактивные приёмы используются для выявления мысли автора стремятся к точности значения слова и естественности и непринуждённости стиля; в то же время в активных приёмах используются различные языковые средства выразительности. Активный приём основывается на самом языке (значении, произношении и написании), в него включаются различные языковые средства, в том числе и тропы; в книге насчитывается 38 средств. Типология Чэнь Вуандао оказала влияние на работы его последователей, такие как «修辞新例 (Новые примеры риторики)» Тань Чжэнби (谭正璧), «修辞学 (Риторика)» Хуан Цзинсюань (黄庆萱).

В 60-х годах XX века исследования по риторике снова получили развитие в китайской лингвистике и в 80–90-х годах достигли расцвета. В этот период был опубликован целый ряд работ, посвящённых типологии и сопоставлению фигур: «辞格辨异 (Различение фигур)» Чжэн Юаньхань, «辞格比较 (Сравнение различных фигур)» Пу Кань, «修辞格论析 (Анализ фигур)» У Шивэнь, а также работы, посвящённые истории риторики китайского языка. Кроме того, были составлены различные словари фигур речи: «汉语辞格大辞典 (Большой словарь тропов и фигур речи китайского языка)» Тан Сонбо и Хуан Цзяньлинь, в котором содержится 277 тропов и фигур речи; «汉语辞格大全 (Энциклопедия фигур китайского языка)» Ван Гуошэн, У Чжэньгуо, Ли Юймин; «汉语修辞格鉴赏辞典 (Словарь фигур китайского языка)» Хуан Цзяньлинь.

Среди этих работ следует обратить внимание на работу У Шивэнь (吴士文), в которой приводится определение риторических приёмов: «фигура речи в широком смысле представляет собой модель, образуемую в речевой деятельности, с

определёнными функциями, структурами, методами, и в то же время является парадигматической системой» [У Шивэнь, 1998, с. 13]. По сравнению с определением Чэнь, в данном толковании уделяется внимание функционированию, а также семантико-синтаксической структуре фигур в широком смысле. Согласно мнению автора, фигура речи должна производить на читателей сильное впечатление не за счёт формы, а за счёт содержания.

Авторы трёхтомного труда «中国修辞史 (История китайской риторики)» тщательно рассмотрели историю развития 12 основных тропов и фигур речи, проанализировали процесс изучения тропов во взаимодействии с богатой китайской историей и культурой. Учёные понимают троп и фигуры речи следующим образом: «различные тропы / фигуры речи, отличаясь степенью отражения культурной идентичности, всё же представляют собой форму сочетания языковых единиц, обусловленную определённой культурой, и в большей или меньшей степени подвергаются влиянию культуры и общества [Цзун Тингху, Чэнь Гуанлэй, 2007, с. 643]. Авторы рассматривают совокупность тропов как динамично развивающуюся систему, внутри которой различные тропы взаимосвязаны, часто наблюдаются случаи смещения тропов. На эту систему оказывают значительное влияние внешние факторы, в том числе социально-политические, культурные и др.

Следует отметить, что в указанный период внимание к грамматике и стилистике китайского языка проявляли не только китайские лингвисты, но и учёные за рубежом, включая А. М. Котова, Ю. Л. Кроля, М. Г. Прядохина и других. В работах упомянутых учёных, особенно в исследовании В. И. Горелова, подробно представлена история развития стилистики как самостоятельной дисциплины в Китае; установлены термины, включая 修辞, который в узком смысле означает украшение письменной речи, а в широком — упорядочивание речи и целесообразное использование речевых средств [Горелов, 1979, с. 10]; также описаны характеристики ряда стилистических приёмов китайского языка.

В 70–80-х годах прошлого века вышли в свет труды китайского писателя Цянь Чжоуншу (钱钟书), который в своих работах «诗可以怨 (В поэзии вскрывается присущее эпохе)» и «管锥编 (Очерки об идеях и поэзиях)» останавливался на общей риторической и лингвистической проблеме, ссылаясь на теории западных учёных. Автор обратил внимание на связь между сравнением, полисемией и когнитивной способностью человека и отметил, что сравнение – это проекция когнитивной модели на познаваемый объект [Гао Ваньюнь, 2006, с. 26, 134]. По словам автора, сравнение в широком смысле характеризуется 两柄 (двойственностью) – один и тот же объект может обладать либо позитивной, либо негативной стилистической окраской, в зависимости от отношения говорящего к этому объекту; и 多边 (вариативностью признаков) – в разных примерах сравнения описываются различные признаки одного и того же объекта.

К настоящему времени в китайской лингвистике поэтапно сложилась собственная риторическая система и сформировалось системное понимание тропа, а в конце XX — начале XXI века утвердилась теория когнитивной лингвистики, предлагающая новую методологию изучения тропов, в частности метафоры и метонимии.

В работах Ван Инь (王寅) и Ли Фуинь (李福印) представлено систематическое изложение западной теории когнитивной лингвистики, а также проведено сопоставление когнитивистики западных лингвистов с отечественными. Кроме того, в работе Ван Инь отмечается различие между фонетическим и идеографическим письмом, что обуславливает метафорический разрыв (metaphor gap) между западными и китайским языками, на что стоит обратить внимание дальнейшим исследователям [Ван Инь, 2006, с. 501].

В работе Шу Динфан (束定芳) представляются основные точки зрения современных западных лингвистов на метафору, её суть, синтаксические и семантические характеристики, функции и др. Автор, применяя западные теории к исследованиям китайского языка с учётом его специфики, разделил метафору на идентифицирующую и предикативную [Шу Динфан, 2008, с. 158]. Кроме того, в её

работе рассматривается сходство между метафорой, метонимией и сравнением в различных аспектах.

Работы Пэн Юйхай (彭玉海) [Пэн Юйхай, 2009; 2013; 2018], главным образом, посвящены изучению принципа интегральных лингвистических описаний и концептуальной метафоры в конструкциях с глаголами в русском и китайском языках на основе исследований московской семантической школы, в которых рассматривается когнитивный аспект метонимического переноса. В работе Цай Хуэй (蔡晖) обсуждаются различные интерпретации метонимических явлений с точки зрения стилистики, лингвистики, культурологии и когнитивистики [Цай Хуэй, 2009].

В современной китайской лингвистике продолжается исследование тропов в различных аспектах: психологическом [Го Айпин, 2010; У Лицюань, 2013], когнитивном [Се Чжицзюнь, 2000; Ли Юнчжун, 2005; Чэнь Сянлань, 2005; Ху Фанфан, 2008; Гун Дунфэн, 2011; Ли Ин, 2014; Цуй Яньхуэй, 2015; Цюй Хуэй, 2015; Го Ясинь, Фань Чжэньцян, 2018]; кроме того, вышли в свет работы, посвящённые изучению культурной специфики тропов [Ян Жунсян, 2015; Ло Тянь, Се Яцзюнь, 2021], рассмотрению конкретных разновидностей тропов [Си Цзяньго, 2008] и сопоставлению тропов в двух языках [Чэнь Цзясюй, 2004; Гаврилюк, 2017; Сунь Фуцин, 2018].

1.2 Тропы как основные типы семантической деривации

В представленном выше обзоре исследуется история изучения тропа в западной, русской и китайской лингвистике, а также его ключевые определения в таких научных областях, как риторика и стилистика. Тропы долгое время характеризовались нечёткостью определений и избыточностью типологии. Как было отмечено ранее, существует множество различных тропов, определения которых в русском и китайском языках значительно различаются. С развитием современной теории знаков и языка тропы стали предметом исследований по семантике и когнитивной лингвистике. Многие лингвисты считают, что тропы, в

частности метафора и метонимия, являются основным источником семантической многозначности и играют важную роль в семантической деривации.

Термин *деривация* имеет латинское происхождение: *derivation* означает 'отведение, отклонение'. Изначально этот термин использовался в естественных науках для обозначения отклонения от нормы или исходного состояния, изменения направления или ответвления. В лингвистике термин *деривация* первоначально использовался исключительно в словообразовательном смысле. По терминологии Е. Куриловича словообразование может быть двух типов в зависимости от отношений между производным и производящим: синтаксическая деривация означает образование слов, идентичных по значению производящим и отличающихся только синтаксической функцией; лексическая деривация включает в себя преобразование лексического значения производящей базы [Курилович 1962, с. 61–63]. По мере развития лингвистической теории, заметив близость процесса образования многозначности к процессу словообразования, лингвисты рассматривают переосмысление слова как особый тип словообразовательного процесса. Еще в 1951 году академик В. В. Виноградов классифицировал способы словообразования на морфологические и неморфологические. Морфологический способ подразумевает создание новых слов с использованием аффиксов. К неморфологическим относятся морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический способы. Последний характеризуется как создание нового слова в результате деления многозначного слова на омонимы [Виноградов, 1975, с. 156–207]. Термин *семантическое словообразование* впоследствии активно использовали такие лингвисты, как О. С. Ахманова, Е. А. Земская, В. Н. Немченко и другие.

Однако Е. А. Земская отнесла этот способ словообразования исключительно к диахроническим явлениям, подчеркнув, что переосмысление лексического значения является результатом длительного исторического развития и отличается от семантических переносов, являясь способом создания омонимии [Земская, 2011, с. 177]. В связи с этим Д. Н. Шмелёв использовал более точный термин, подчеркнув необходимость наличия связи между мотивирующим и мотивированным

значениями – *деривационные* или *эпидигматические* отношения, в котором под семантической деривацией подразумевается способ развития многозначности слова [Шмелёв, 1973, с. 191]. Таким образом, в узком смысле деривация представляет собой процесс образования вторичных языковых единиц исключительно посредством словообразовательных способов; в широком смысле деривация охватывает все уровни языкового строя, включая лексико-семантический уровень, то есть формирование вторичных значений слова путем переноса наименования, а также сужения и расширения области референции основного значения.

Семантическая деривация тесно связана с полисемией слова. Как указывает Е. В. Падучева, регулярная полисемия может быть представлена в виде семантической деривации, то есть как переход от первичного значения к производному [Падучева, 2004, с. 14]. С динамической точки зрения лексическая полисемия во многом является результатом семантической деривации, которая играет ключевую роль как в процессе формирования новых значений, так и в установленных словарных значениях слова. Здесь мы говорим о регулярной полисемии: по определению Ю. Д. Апресяна, регулярной можно считать полисемию, если данный тип семантических отношений между мотивирующим и мотивированным значением повторяется в ряде других слов [Апресян, 1995а, с. 190]. Полисемия является контекстно обусловленной, за исключением случаев речевой неоднозначности, по терминологии Ю. Д. Апресяна, которая возникает под влиянием экстралингвистической ситуации [там же, с. 177].

Вопрос описания лексической многозначности включает в себя рассмотрение семантического единства слова и разграничение полисемии и омонимии, которые характеризуются различной степенью взаимосвязи между значениями слова. В русской лингвистике применяется термин лексико-семантический вариант для обозначения слова в одном из значений. Однако отсутствие общего семантического ядра в лексико-семантических вариантах не позволяет объединять различные варианты в одно слово, поскольку семантическая связь между вариантами

основывается исключительно на периферийных элементах значения [см. Шмелёв, 1973, с. 70].

Для решения этой проблемы учёный предложил концепцию абстрактного общего значения слова, которое связано с указанием на признак, объединяющий различные группы явлений, при этом само название не закреплено за одной конкретной группой явлений. В рамках такого общего признака структура значений многозначного слова может быть следующей: либо одно из значений предполагает другое (переносное значение), либо между значениями существуют отношения невзаимоисключающей дизъюнкции (либо А, либо Б, либо А и Б одновременно проявляются в одном контексте), что и представляет собой проблему диффузности значений слова. По мнению ученого, отдельные значения, которые в определённых позициях чётко отграничиваются друг от друга, в других позициях могут быть совместимы и неразделимы. Это явление сложно отразить в лексикографических описаниях, что, по мнению Шмелёва, искажает представление о семантической структуре описываемых слов [см. там же, с. 80–98].

В работе Ю. Д. Апресяна высказывается возражение, согласно которому многозначность основана на представлении о дискретной организации лексических значений [Апресян, 1995а, с. 179]. Несмотря на возможное преувеличение дискретности значений в словарных статьях, диффузность не подрывает принцип дискретной подачи значений. Ю. Д. Апресян утверждает, что моносемия и омонимия являются двумя полюсами многозначности: моносемия характеризуется включительной дизъюнкцией, в то время как многозначность и омонимия – исключительной дизъюнкцией. Так, моносемия может одновременно реализовать значения 'а' и 'б' в тексте, в то время как многозначность и омонимия могут реализовать значения 'а' или 'б' только при намеренном использовании в художественном тексте (например, в случае каламбура, поэтической метафоры и т. д.) или в том случае, когда одновременно выражаются два дискретных значения. Вместе с тем полисемия и омонимия являются условными понятиями, основное различие между которыми заключается не в несходстве значений, а в семантическом единстве, совместимом с различием в трансформационных

потенциалах разных лексических значений. Некоторые случаи метафорически мотивированной полисемии легко могут быть отнесены к омонимии из-за отсутствия явно выраженной общей части [см. там же, с. 179–186].

С нашей точки зрения, диффузность и семантическое единство слова становятся предметом активного обсуждения среди лингвистов из-за сложности организации семантической структуры слова. С одной стороны, трудно отрицать объективное существование диффузности значений слова, поскольку даже самое детальное толкование в словарных статьях не может полностью реконструировать значение слова. С другой стороны, лексикографический подход к изучению семантики предполагает дискретное описание значения и иерархическое представление семантической структуры слова. Эффективность такого подхода подтверждается значительными работами в этой области [Мельчук, 1974; Апресян, 1974, 1995а, 1995b; Падучева, 2004, Рахилина, 2010, 2013; Холкина, 2014 и др.].

В лексикографическом описании дискретность значений может быть преувеличена, некоторые значения, выделенные в вышеупомянутых работах, иногда трудноразличимы для обычных носителей языка: часто их различие проявляется не в денотативном аспекте, а в сигнификативном. Типичными примерами являются такие случаи, которые могут быть описаны, с одной стороны, как факт моносемии, с другой – как проявление полисемии: параметрические прилагательные, существительные со значением шкалы определённого свойства и некоторые двухобъектные глаголы. Так, например, прилагательное *низкий* в словосочетаниях *низкий человек* и *низкий рост* может иметь одно и то же значение ‘маленький, небольшой рост’, однако в этом случае во втором примере значение прилагательного *низкий* совпадает со значением существительного *рост*. Существует и второй вариант объяснения: в сочетании *низкий человек* прилагательное *низкий* означает ‘маленький рост’, а в сочетании *низкий рост* – ‘низкая степень проявления свойства’, таким образом можно избежать повторения семантического компонента в толковании словосочетания, однако возникает необходимость в расщеплении значений, которые реализуются лишь в сочетании со определёнными словами. В ежедневных разговорах трудно заметить такие

различия, однако в лексикографическом описании второй вариант имеет свою ценность: он демонстрирует иерархическую систему семантической структуры слова, а также соотношение между различными словами и значениями.

В частности, это важно для решения вопроса об определении класса слов в китайском языке. В отличие от русского и других флективных языков, в китайском языке одно и то же слово может одновременно рассматриваться как глагол и как существительное из-за отсутствия морфологических показателей. Среди европейских лингвистов распространено мнение, что в китайском языке отсутствуют части речи – вместо этого в зависимости от синтаксической функции слова в предложении выделяются разные члены предложения. Однако в китайском языке соответствие между частями речи и членами предложения не является взаимно-однозначным: существительное может сочетаться с существительным в качестве определения, с глаголом в качестве обстоятельства или занимать позицию субъекта. Поэтому определение частей речи в китайском языке является актуальной и необходимой задачей. В этом процессе дискретное описание значения слова играет важную роль в квалификации слов, значения которых относятся к разным частям речи, как омонимов. Поскольку часть речи представляет собой совокупность слов, объединенных определёнными семантико-грамматическими свойствами, то слова с близкими грамматическими свойствами обладают сходством и в семантическом аспекте. В то же время значения разных частей речи отличаются в семантическом аспекте, поэтому дискретное описание значения помогает представить более полную картину лексики китайского языка.

Исходя из этого можно также заметить, что лексическое значение предопределяет семантико-синтаксические характеристики слова – об этом говорят многие лингвисты. Например, Д. Н. Шмелёвым было отмечено, что видоизменение семантики слова, связанное с его употреблением в разных лексико-семантических позициях, в сочетании с различными семантическими группами слов, делает возможным установление различных лексико-семантических контекстов употребления данного слова, или отдельных его значений [Шмелёв, 1973, с. 74]. Ю. Д. Апресян определяет лексическое значение как семантику знака (наивное

понятие) и ту часть его прагматики, которая включается в модальную рамку толкования [Апресян, 1995а, с. 65–79]. Также в работе Е. В. Падучевой говорится о том, что толкование, в качестве структурной формулы значения, должно быть достаточным для объяснения наблюдаемых особенностей языкового поведения слова, такими как корреляция между значением и глагольным видом; между значением и просодией; между значением и синтаксической сочетаемостью; между значением слова и его словообразовательным потенциалом [см. Падучева, 2004, с. 27]. В связи с этим при толковании слова нередко используется глубинно-синтаксическая структура, валентность слова, которая определяется посредством анализа обозначаемой им ситуации. В работе Ю. Д. Апресяна [1995а] лексическое значение определяется на основе таких понятий, как элементарное значение; актант, под которым понимается обязательный участник ситуации, представляющий собой переменную в толковании слова; семантическая роль, которая отражает отношение актанта к слову.

Аналогичным образом в работе Е. В. Падучевой рассматриваются актантная структура, диатеза и таксономический класс участника ситуации, обозначенной предикатными лексемами. Термином *диатеза* обозначается соответствие между семантическими ролями участников глаголов и их синтаксическими позициями, при этом семантическая роль определяется поведением участника в ситуации, обозначенной глаголом, а синтаксическая позиция определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего: субъект и объект находятся в центральной зоне внимания, а другие – на периферии, иногда даже за пределами периферии (за кадром) [см. Падучева, 2004, с. 58]. Актантная структура и диатеза, также таксономический класс участника, предопределяются значением предиката, изменяются вместе с последним.

Кроме этих двух характеристик, учёным выделяются ещё два параметра значения предиката: таксономическая категория и тематический класс (семантическое поле). В данном случае под параметром понимается признак, по которому слова объединяются в большие классы, в то же время слова одного и того же класса имеют нетривиальные сходства в языковом поведении [Падучева, 2003].

Принадлежность слова к тому или иному классу предопределяется его семантикой, под каждым признаком объединяются наборы возможных значений, то есть компоненты толкования. Выделяются два типа компонентов: принадлежащие к семантическому ядру слова (смысловые компоненты, повторяющиеся в значении большого числа слов) и принадлежащие к категории данной лексемы (категориальная принадлежность).

Разграничение категорий глаголов начинается с работ З. Вендлера, в которых агентивность выделяется из значения глаголов с субъектом. Далее, в работах Ч. Филлмора, агентивному субъекту противопоставляются природная сила, инструмент и событие, то есть неагентивный субъект. На основе этого глаголы классифицируются на три группы: действие, происшествие и процесс, – которые в работах Е. В. Падучевой представляют собой основные категории глаголов совершенного вида. Согласно Е. В. Падучевой, категория *действия* характеризуется деятельностью (действием с целью), каузацией и результатом, что позволяет отличать ее от других категорий: в *происшествии* отсутствует нацеленность, контролируемость, в *процессе* – отсутствует каузация. Парная форма несовершенного вида соответствующего глагола часто относится к категории деятельности, которая характеризуется актуальностью. Деятельность, как и действие, предполагает агентивный субъект, но отличается от действия неопределенностью. Деятельность также может иметь результат, но не соответствует специфицированной цели [см. Падучева, 2004, с. 30–41].

Таксономическая категория (далее – Т-категория) представляет собой онтологическую категорию глагола, она непосредственно связана с лексическим значением, коррелирует с актантной структурой глагола (например, категория действие и деятельность требует от глагола присутствие субъекта-агенса, а процесс и происшествие, наоборот, подразумевают наличие неагентивного субъекта). В то же время тематический класс более связан с семантическим ядром слова – это объединение слов с общим семантическим компонентом. Е. В. Падучева выделяет такие тематические классы глагола, как бытийные, фазовые, глаголы обладания, глаголы физического воздействия и др. Диатеза и таксономический класс участника

представляют собой второстепенные характеристики в лексическом значении глагола, они оказываются под влиянием двух других параметров. Диатеза и актантная структура изменяются вместе с изменением тематического класса или Т-категории глагола и представляют собой важные показатели лексического значения глагола. Таким образом, в работе Е. В. Падучевой представлено сравнительно целостное описание лексического значения глагола.

Сходный подход представлен в работах Г. И. Кустовой (2004), в которых анализируются не только глаголы, но и признаки имен и связанные с ними признаки ситуаций. В работе Р. И. Розиной (2005) также обсуждаются глаголы полного охвата, обладания, подгруппы глаголов движения, кроме того, в её исследовании содержатся важные рассуждения о семантическом развитии слова в литературном языке и сленге.

Говоря о параметрах имен существительных, необходимо включить в них тематические классы, категории и семантическую валентность. При анализе отглагольных имен существительных Е. В. Падучева выделяет такие Т-категории, как действие, процесс, событие, состояние, свойство [Падучева 2009, с. 317], что напоминает о Т-категории глагола. В статьях [Падучева, 2011; 2013] отмечается, что категория имени в значительной степени определяется набором сочетаемостных возможностей, в частности в сочетании с глаголами, составляющими квазисиноним мотивирующего глагола. В ходе анализа отглагольных существительных, относящихся к классу эмоций, выделяются такие категории, как событие, состояние, свойство, чувство, отношение. При анализе слов тематического класса речи выделяются действие, содержание (результат действия) и текст (субстанциональное содержание). Среди них категория «чувство» специально предназначена для класса эмоций, а категория «текст» актуальна при анализе слов класса речи. В процессе разграничения Т-категорий учёный опирается на регулярную многозначность отглагольных существительных: предикатное значение и референтное значение. Предикатное значение наследует глагольную валентность и может использоваться предикативно, а референтное значение часто выражает значение участника предиката, как S_2 или S_3 (по терминологии

Ю. Д. Апресяна и И. А. Мельчука). Поэтому неудивительно, что категории глагола повторяются при выявлении категорий имени.

Однако остается открытым вопрос о категориях «чувство» и «текст», которые, на первый взгляд, ближе к тематическому классу. И действительно в перечне классов имени существительных НКРЯ присутствуют классы с одинаковыми наименованиями. Как отмечалось в работе Е. В. Падучевой (2013), категории определяют грамматические аспекты поведения слова. Т-категория глагола связана с аспектными значениями, залогом, пассивной валентностью и пр., а актантная структура слова ориентируется на тематический класс. Следовательно, слова в категории чувства обычно сочетаются с глаголом *испытывать* и частично – с *доставлять*, но не сочетаются со словами *быть в* (состояние), *внушать* (отношение), *свойственен* (свойство), что является основным признаком для выделения категории чувства. В то же время для категории текста характерна возможность участия в конструкциях с глаголами *говориться*, *гласить*. Поскольку эти две категории выявляются в рамках определённых классов имени, предполагается, что это приближает их к классу. На наш взгляд, над ними, возможно, существуют категории более высокого уровня, которые присутствуют во всех тематических классах, как категория глагола. Однако на данный момент это ещё не установлено.

В исследовании Е. В. Рахилиной (2008) обсуждается лабильность имён существительных. В отличие от глаголов, существительные не имеют строгой привязки к конкретной ситуации, особенно это касается предметных имён. Однако стоит отметить, что лабильность имён неоднородна. Существуют отглагольные существительные, а также другие типы, более близкие к глаголам: реляционные имена, включающие минимум одного обязательного участника, и функциональные имена, валентность которых связана с встроенным в них предикатом. В связи с этим нетрудно понять, почему именно отглагольные существительные были выбраны Е. В. Падучевой в качестве объекта исследования: поскольку сочетаемостный потенциал слов обусловлен их семантическими характеристиками, возможно

разграничить значения предметных имён на основе наиболее часто встречающихся характерных сочетаний.

В качестве примера можно привести разграничение значений слов в конструкциях, означающих 'часть', в форме творительного падежа, в форме множественного числа и др. Было выявлено, что слова со значением части, сочетаемые в родительном падеже, представляют собой денотативно нефиксированную часть относительно целого, которая неделима на мелкие части и неотделима от целого; слова, сочетаемые с предлогами *от* и *с*, отделимы от целого и представляют собой дополнение к чему-либо. Анализ значений форм творительного падежа позволяет выявить, что слова со значением 'фиксированный маршрут движения' в форме творительного падежа могут обозначать 'траектории движения'; значение 'транспорт' в форме творительного падежа может быть выражено только наименованиями видов транспорта с определённым маршрутом; значение 'непрерывный период' выражается словами, обозначающими 'длительный промежуток времени'; значение 'инструмент' может быть выражено и наименованиями подвижных частей тела в форме творительного падежа. В процессе разграничения значений форм множественного числа были выявлены слова, выражающие значения 'вид', 'набор', 'группа'. Сходным образом в исследовании О. Н. Ляшевской имена существительные объединяются на основе количественного признака в различные таксономические классы: простые объекты, сложные объекты, пары, наборы, цельноформленные множества, вещества и материалы, совокупности [Ляшевская, 2004].

Таким образом, Е. В. Рахилина доказывает связь таксономических характеристик имени с типом семантической интерпретации некоторых грамматических форм, в том числе и значениями отыменных прилагательных. При изменении таксономических характеристик имён существительных меняется их сочетаемостная возможность в определённых грамматических формах или словообразовательная возможность – образование отыменных прилагательных. Вопрос заключается в том, служат ли эти характеристики основой для выделения Т-категории имени, так как в работе ученого они относятся к более детальным

семантическим характеристикам слова. Как было отмечено выше, согласно мнению Е. В. Падучевой, Т-категории имени связаны с грамматическим поведением, аспектуальным значением слова, определяют сочетаемость существительного и его возможность участия в определенных конструкциях. С этой точки зрения, вышеуказанные классы близки к понятию Т-класса. Например, если рассмотреть часть как Т-категорию предметных имен, то слова в этой категории могут участвовать в таких грамматических формах, как генитивная конструкция, предложные конструкции с *от, на, с, у*, выражая значение 'часть-целое'. Часть в качестве Т-категории может включать слова из разных тематических классов (при этом не принадлежит к отдельным классам) и представляет собой аспектуальное значение слова.

Е. В. Рахилина продолжает анализ значений адъективных словосочетаний. Согласно её мнению, в толковании большинства предметных имен (кроме названий животных) включается определённый предикат, описывающий стандартное использование соответствующего объекта. Это влияет на интерпретацию конструкции *А-ый X*, поскольку свойства А проявляются в стандартном процессе функционирования X; с другой стороны, проявление свойства А ограничивает значение X [см. Рахилина, 2008, с. 112–171]. В ходе исследования учёный рассматривает ограничение сочетаемости существительных с такими прилагательными, как размерные, цветовые, временные и температурные. На основе этих данных выделяются различные классы предметных имен: имеющие различия по вышеуказанным признакам и не имеющие таких различий, имя, относящееся к первому классу, имеет возможность сочетаться с соответствующим прилагательным. Другими словами, аналогично словам класса 'часть', которые с денотативной фиксированностью не используются в генитивной конструкции (ср. **глаза главы*), эти признаки проявляются в стандартном процессе функционирования объекта X, в то же время служат дифференциальными для объектов. Так, в языке присутствуют наименования «бесформенных», «бесцветных» объектов: например, невозможные без полного контекста сочетания **круглый арбуз, *серые напитки*. По каждому признаку определяются более

детальные подклассы. Например, на основе анализа сочетания прилагательного *старый* с предметными именами выделяются следующие подклассы: объекты, возникшие давно и постоянно меняющиеся; давно созданные объекты; объекты, завершившие свой жизненный цикл; старинные объекты, связанные с прошедшей эпохой; лица, подверженные возрастным изменениям; лица, чьи признаки развиваются со временем (например, лица с определёнными навыками); сменные должности; лица, связанные с прошедшей эпохой. Таким образом, у предметных имен, подобно глаголам, раскрывается свое аспектуальное значение.

Сходным примером служит механизм сочетаемости предметных имён с наименованиями материалов, который был обсуждён Е. В. Рахилиной в отдельной статье. На основе конструкции *X из У-а* существительные *У* выделяются на «стандартный / нестандартный материал изготовления». Предлог «из» вводит в качестве *У-а* только нестандартный, необычный для *X* материал [см. Воронцова, Рахилина, 1989]. Выделяемые по этому образу классы существительных нарушают таксономические границы и родовидовые отношения предметов – слова, относящиеся к одному классу, могут быть отнесены к разным группам по данному признаку. С этой точки зрения, на основе конструкции *А-ый X* было выявлено аспектуальное значение существительных, связанное с их онтологическими признаками (составная часть, форма, цвет, размер, материал и др.). На наш взгляд, их возможно отнести к Т-категориям предметных имен.

С одной стороны, в адъективных конструкциях, прилагательные ограничивают выбор имён существительных, с другой стороны, значение существительного также оказывает влияние на значение прилагательного, так как в таких конструкциях существительное представляет собой единственный участник прилагательного. Так, приведенный выше пример показывает, что значение прилагательного *старый* оказывается под влиянием существительного, с которым оно сочетается. Так, сочетаясь с наименованием лица, *старый* в большинстве случаев описывает возрастной признак человека ‘пожилой’, однако в зависимости от таксономической характеристики лица, например, с акцентом на его профессии, роде занятий и т. д., прилагательное *старый* может означать ‘опытный’. Таким

образом значение имен существительных также служит одним из важных семантических параметров прилагательного. Кроме того, прилагательные также имеют свои тематические классы: сравнительно полный список тематических классов прилагательных представлен в виде лексико-семантические помет прилагательных в НКРЯ, где выделяются такие классы, как размер, расстояние, количество, место, направление, время и др. Таким образом, мы можем описать значение слова по этим параметрам, что является основой для описания процесса семантической деривации слова.

Как было упомянуто ранее, семантическая деривация является процессом формирования вторичных, производных значений слов. В ходе этого процесса происходит изменение параметров значений. Метонимия и метафора, в общепринятом понимании, являются двумя типами семантической деривации, основанными на смежных и сходных отношениях между объектами. Эти два универсальных типа отношений служат основными источниками появления вторичных значений. Однако такое определение недостаточно для полного раскрытия их семантической сущности. Поэтому далее мы рассмотрим семантические модели метонимии и метафоры в конструкциях с глаголами, существительными и прилагательными на основе семантических параметров, их взаимосвязь с другими параметрами, а также процесс формирования производных значений.

По мнению Е. В. Падучевой, суть метонимии заключается в сдвиге фокуса внимания при одной ситуации, в которой один и тот же фрагмент действительности может быть концептуализирован по-разному, в результате чего «одни аспекты реальности акцентируются, актуализуются, другие затушевываются» [Падучева, 2004, с. 157]. В процессе метонимического переноса возможно менять набор и порядок синтаксических аргументов; возможны два типа переноса: диатетический и результативный.

- **Диатетический тип** – перемещение центра внимания с одного участника ситуации на другого; при этом меняются синтаксические позиции участников и – соответственно – их коммуникационные ранги, однако сохраняются их

семантические роли – таким образом фокус внимания переносится с одного участника на другого. Например: 1) *Разбойники убили крестьянина* 2) *Крестьянин был убит разбойниками* [там же, с. 62]. В предложении (2) лексема *крестьянин* занимает позицию субъекта, повышаясь до центра внимания; в то же время слово *разбойники* занимает периферийную позицию. Таким образом фокус внимания данного примера переносится с убийцы на пострадавшего, но роль глагола остается неизменной (ранговый сдвиг), следовательно, изменяется грамматическая форма глагола. В случаях, когда грамматическая форма глагола остается неизменной, меняется его аспектуальное значение: 1) *Я открыл дверь своим ключом* 2) *Новый ключ открыл дверь без труда* [там же]. В предложении (2) лексема *ключ* занимает позицию субъекта, повышаясь до центра внимания; в то же время *я* остаётся носителем действия *открыть* и субъектом оценки, хотя и отсутствует на синтаксическом уровне (то есть актантная структура глагола сохраняется). Таким образом фокус внимания в данном примере переносится с действия на свойство с неагентивным субъектом и происходит метонимический перенос глагола *открыть*. При этом заметим, что такой сдвиг категории глагола не меняет его принадлежность класса – меняется лишь аспектуальный аспект глагола.

Другой тип метонимического переноса касается лишь глагольной семантики.

- **Результативный тип** – перемещение центра внимания с исходного значения слова на логическое следствие данного слова, при котором семантический компонент может иметь в исходном употреблении слова статус тривиального следствия и в производном стать центральным [там же, с.158]. Например, 1) *Мы проехали 10 км.* 2) *Пассажир по рассеянности проехал свою станцию.* По сравнению с высказыванием (1), высказывание (2) более сосредоточено на результативном аспекте глагола *проехать*, что и вызывает метонимический перенос. При этом, как и в диатетическом типе, актантная структура глагола здесь полностью сохраняется.

В то же время смена значения вершинного предиката обусловлена и сменой таксономического класса участника, по мнению Е. В. Падучевой, – это в широком смысле метафорический перенос. Например: 1) *Дождь стучит по крыше* 2) *Кто-*

то стучит в дверь [там же, с. 159]. Таксономический класс субъекта глагола *стучать* превращается из природной силы (*дождь*) в живое существо (*кто-то*), таким образом вызывает изменение значения глагола, произошёл метафорический перенос слова *стучать*. Стоит отметить, что в этом случае класс глагола меняется со глагола звука на действие человека с целью подачи сигнала, т. е. семиотический глагол.

При этом метафорическому сдвигу часто сопутствует и ранговый сдвиг, таксономический сдвиг участника-субъект вызывает изменение Т-категории глагола. Например: 1) *Маша залила картошку водой*, 2) *Вода залила луга* [Падучева, 2004, с. 64], как видно, субъект меняется с агенса на природную силу, соответственно меняется Т-категории глагола с действия на процесс, и глагол из класса физического воздействия переходит в класс природного явления. Кроме этого, в примере (1) вода выступает в качестве средства, находясь на периферии фокуса; а во втором примере она становится каузатором и занимает центр внимания. Таким образом осуществляются метафорический и метонимический перенос на основе семантических параметров глаголов.

Из представленных выше примеров переноса значения глагола можно увидеть, что тематическая принадлежность участника, занимающего позицию субъекта глагола, влияет на категориальную принадлежность слова. В то же время изменение категории может не затрагивать семантическое ядро слова, не оказать влияние на его актантную структуру. Как например: *прорезать петлю* и *прорезать платье*, в которых класс субъекта и объекта глагола остаются такими же, субъект меняет семантическую роль – с целеполагающего субъект на не целеполагающего (субъект ответственности), соответственно, категория глагола меняется с действия на происшествие. Однако, по мнению Р. И. Розиной, данный тип переноса характерен лишь для литературного языка [Розина, 2005, с.156–162]. Так как в сленге человек служит целеполагающим субъектом, при изменении которого с человека на другие неагентивные классы обязательно происходит категориальный сдвиг.

Предполагаем, что данная модель также соответствует процессу семантической деривации в номинативных конструкциях. В работе

Е. В. Падучевой (2013) рассматривается соотношение тематической принадлежности слова и категориальной. Согласно мнению учёного, отглагольная имена *выражение* в категориях «действие» и «содержание» не относится к тематическому классу речи, например: 1) *избрать экстравагантный способ выражения чувств*; 2) *это было выражением внутренних противоречий*. Только в категории «текст» существительное *выражение* может быть отнесено к классу речи: 3) *откуда выражение «точить лясы»?* Однако мы считаем, что в этом контексте более важны различные значения слова *выражение*, то есть не категория в данном случае определяет тематическую принадлежность, а значение самого слова. Так, при переходе от (1) к (2) меняется участник слова *выражение*: объект действия заменяется его содержанием, потенциальный субъект меняется с человека на явление, в то же время исчезает указание на способ действия. В таком случае происходит метафорический перенос, который сопровождается категориальным сдвигом. При переходе от (2) к (3) меняется также тематический класс участника с класса ментальной сферы переносится на речь; в то же время потенциальный субъект уходит из ситуации.

В работе Г. И. Кустовой (2016) указано, что приобретение валентности «*по + дат. п.*» абстрактных имен является показателем смещения в зону речи (информации) или в зону параметров. Например, в словосочетаниях *требование прекратить огонь* и *требования по технике* происходит смена валентности, а с Т-категорией связано грамматическое поведение слова, поэтому в этом случае также происходит категориальный сдвиг (с действия на текст). При семантической деривации класс участника слова *требование* меняется, потенциальный субъект отглагольных существительных исчезает, меняется и класс самого слова с ментальной сферы на текст. Из этого предполагаем, что категориальный сдвиг имен существительных подразумевает смену класса их участника, т. е. метафорический перенос, в процессе которого имя существительное приобретает новую валентность. Метонимический перенос в номинативных конструкциях заключается в перестановке акцентов на участках валентности, как например *выпить пиво из стакана* и *выпить стакан (пива)*, в которых коммуникативный ранг вместилища

стакан повышается с периферии внимания на центр, а *пиво* вытесняется на позицию за кадром.

Е. В. Рахилина подробно анализирует метафору и метонимию в конструкциях с именами прилагательными. Подобно метафорической деривации в конструкциях с глаголами, признаковая метафоризация проявляется в случае смены таксономического класса участника, то есть имен существительных. Кроме того, исследователь различает физические и нефизические (т. е. связанные с ментальными, эмоциональными, социальными и др. характеристиками человека) свойства прилагательного, как обобщенные тематические классы прилагательного на более высоком уровне. На этом основании выделяются следующие часто встречающиеся признаковые метафоры:

- физическое свойство предмета → нефизическое свойство лица / абстрактного объекта (*гнилое яблоко* → *гнилой интеллигент*, *пустая коробка* → *пустое обещание*);

- физическое свойство лица → физическое свойство предмета (*голый человек* → *голые стены*);

- физическое свойство предмета → физическое свойство цвета / звука (*густой суп* → *густая темнота*, *грязная дорога* → *грязный звук*) [Рахилина, 2010, с. 411–415].

Заметим, что в вышеизложенных примерах таксономический сдвиг существительного вызывает метафорический перенос в адъективных конструкциях, типичным примером служит первая группа, в которой физический признак переносится на нефизический. Е. В. Рахилина отмечает трудность обоснования перехода $X \rightarrow X$ (например, «физическое свойство лица → физическое свойство предмета»): пример второго типа не просто найти в связи с тем, что трудно обнаружить физические свойства лица, не свойственные предметам (кроме физиологических свойств). В то время как абстрактному объекту не присущи физические свойства, поэтому в данный тип не включается «физическое свойство абстрактного предмета». Исследователь оставляет в классификации третий тип,

считая, что связь между плотностью и наличием посторонних нежелательных веществ с цветовым оттенком и звуковым тембром довольно далека.

Переход типа «нефизическое свойство → нефизическое свойстве» ещё сложнее обосновать в связи с трудностью определения исходного носителя признака. Учёный считает, что прилагательное в данном случае не меняет значение прилагательного, а лишь расширяет именной таксономический класс. Так как признак остаётся нефизическим, метафорический перенос происходит в существительном. Например, в словосочетании *ленивый человек* → *ленивый ветерок* прилагательное *ленивый* остаётся нефизическим свойством. Однако, на наш взгляд, данный пример может быть истолкован иначе: прилагательное *ленивый*, с одной стороны, описывает качество человека – ‘склонный к праздности, избегающий труда’; с другой стороны, указывает на скорость – ‘умеренный, медленный’, что позволяет перенести данный пример в группу «нефизическое свойство лица → физическое свойство природного объекта», так как скорость ветра не связана с ментальным или эмоциональным состоянием человека. В связи с этим мы считаем возможным существование такого типа метафоры.

При описании метонимического переноса в адъективных конструкциях Е. В. Рахилина предполагает, что, прилагательному свойственно захватывать из ситуации фоновых участников (помимо носителя признака), которые либо соотносятся с носителем признака как «часть-целое», либо являются пространственно-временными факторами (сирконстант). Эти факторы не проявляются в атрибутивной конструкции, однако имплицитно включаются в её концептуальную структуру и оказывают влияние на значение прилагательного. Как отмечалось выше, суть метонимии заключается в сдвиге фокуса внимания – диатетическом сдвиге, что вызывает изменение Т-категории прилагательного. Согласно мнению исследователя, различаются следующие типы признаковой метонимии аргументного типа (диатетического сдвига):

- физическое свойство части (в том числе элемента или части тела / одежды, материала) → физическое свойство целого (совокупности, одушевлённого существа, изделия из этого материала) (*мягкое сиденье* → *мягкий стул*, *крупные*

песчинки → *крупный песок*, *больное сердце* → *больной ребенок*, *ржавое железо* → *ржавый гвоздь*);

- характеристика физического свойства → характеристика объекта (*яркий цвет* → *яркая лента*, *вкус*, *запах*);

- нефизическое свойство абстрактного объекта → нефизический признак ситуации в целом (*глупые идеи* → *глупая книга*) [там же, 417].

Из данного типа исключен перенос свойства целого на свойство части, поскольку, как представлено выше, реляционные имена включают в себя как минимум одного участника, а имя целого при этом не предусматривает валентностей на части соответствующего объекта. Поэтому основное направление признаковой метонимии служит от части к целому.

Кроме отношений «часть-целое», фоновыми участниками являются пространственно-временные факторы, образующие метонимию следующих типов:

- признак объекта → время / место, когда реализуется этот признак (*голодный человек* → *голодный год*, *жаркий климат* → *жаркие страны*). В данной группе признак определённого существа превращается в признак определённого времени или места; в данную группу включаются и отношения «каузатор–результат», которые также скрываются в фоне;

- признак состояния → признак каузатора или результата состояния (*радостный человек* → *радостное событие*, *голодный человек* → *голодный обморок*); отметим, что перенос результата на признак подобен результативной метонимии в конструкциях с глаголами, однако данный результат не является имплицативным к исходному состоянию. К метонимии результативного типа относится:

- свойство / состояние → проявление свойства / состояния (*весёлый человек* → *весёлый смех*, *молодой человек* → *молодое лицо*) [Рахилина, 2010, с. 420–423].

В данный тип метонимии включается перенос «свойство одушевлённого существа → свойство части тела», который был исключен из метонимии аргументного типа в связи с отсутствием валентности имени целого. В данном типе свойство части тела является своего рода результатом, следствием свойства

одушевлённого существа. Например, невозможны такие сочетания, как **молодые руки, молодая талия*, так как свойство целого проявляется лишь в определённых частях или вообще не может быть приписано отдельным частям. В данный тип входит также перенос «физическое свойство лица → нефизическое свойство лица»: *старый человек → старый дипломат* (опытный), *крепкий человек → крепкий хозяйственник*, в котором свойство в переносном значении функционально значимо для определённой профессии или разных людей, является следствием такого свойства. Сходным типом является перенос «временной признак → целевой признак» (по терминологии А. Л. Новикова): *ночной столик, вечернее платье, выходной костюм* [см. Новиков, 1996 с. 70], а также перенос «размер → дистанция»: *высокое здание → высокое место*.

Таким образом, получено сравнительно полное и системное описание процесс метафоры и метонимии на основе семантических параметров, которое позволяет выявить особенность семантической деривации в конструкциях с именами существительными, прилагательными и глаголами при метафоризации и метонимизации.

ВЫВОДЫ

В данной главе рассмотрены различные определения тропа, а также сделан обзор исследований тропов российскими и китайскими лингвистами. Тропы, являясь объектом изучения в семантике, риторике, стилистике и когнитивной лингвистике, описываются с помощью различных методов, что приводит к варьированию их определения и типологии.

В результате аналитического обзора сформулирован ряд выводов.

В традиционной теории риторики и стилистики Запада и России под тропом понимаются стилистические средства, в которых слово, словосочетание или предложение употребляется в переносном значении, украшая текст. В древнекитайской словесности изучались отдельные тропы, но работ по их систематическому изучению не проводилось. В китайском языке термин 修辞学 соответствует термину *риторика*, а термины *троп* и *фигура речи* не всегда чётко разграничиваются: большинство учёных используют термин 修辞格, означающий и троп, и фигуру речи в общем смысле.

В современной российской лингвистике троп чаще всего рассматривается как основной тип семантической деривации и способ формирования регулярной многозначности. Кроме того, тропы рассматриваются как ментальный механизм, исследование которого позволяет понять его психологическую природу. В настоящее время китайская лингвистика широко использует западные концепции, включая теорию тропов. Систематическое изучение тропов в Китае началось чуть позже, чем в российской лингвистике.

В узком смысле термин *деривация* представляет собой процесс образования вторичных языковых единиц исключительно посредством словообразовательных способов; в широком смысле деривация охватывает все уровни языкового строя, включая семантический аспект языка, в процессе которого формируются вторичные значения слова путем переноса наименований, сужения и расширения области референции основного значения.

В качестве основных типов семантической деривации метафора и метонимия привлекают наибольшее внимание лингвистов, в том числе и лингвистов Московской семантической школы. В их работах проводится анализ лексической семантики, опираясь на синтаксически-семантические характеристики слов. Грамматическое поведение, сочетаемостный потенциал слова и другие характеристики во многом зависят от лексической семантики. Таким образом, возможно анализировать и сопоставить значений слов на основе их ограничений по сочетаемости и синтагматических связей, в этом процессе выделяется ряд семантических параметров – релевантных для ситуации типов аргументов, такие, как тип субъекта и объекта для глагола или носителя признака для прилагательных, а также и других параметров, влияющих на ситуации. Таким образом возможно описать семантический аспект слова посредством семантических параметров, которые определяют соотношение между глубинно-семантической ролью и актантной структурой слова.

Метафора и метонимия как основные типы семантической деривации также можно описать с помощью семантических параметров: метафорический перенос заключается в таксономическом переносе участника слова; метонимический перенос диатетического типа представляет собой перестановку акцентов на участниках, результативного типа – категориальный сдвиг самого слова.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЁЖНАЯ РЕЧЬ

Молодёжная речь, на первый взгляд, представляет собой чёткое и однозначное понятие, под которым подразумевается речь, используемая молодёжью. Тем не менее такое определение оказывается размытым: само понятие «молодёжь» не имеет чёткого ограничения; более того, по этому определению любые языковые единицы можно считать молодёжными, если их использует молодёжь, в таком случае мы не можем чётко ограничить данное понятие. С целью сопоставления языковых единиц в двух языках необходимо прежде всего проанализировать само понятие молодёжной речи, определить её лексико-семантические характеристики и статус в системе общенационального языка.

2.1. Определение молодёжной речи

При определении молодёжной речи необходимо учитывать как минимум два фактора: социальный: понятие «молодёжь» относится к социальному феномену, в связи с чем молодёжная речь имеет социальный характер (необходимо учитывать также психофизиологические и психические характеристики данной социальной группы); и лингвистический, в частности, стилистический фактор, поскольку главным объектом данного исследования является языковой феномен.

В XX веке, вслед за развитием лингвистики, разграничиваются язык (статический аспект языка) и речь (динамический аспект языка). В «Курсе общей лингвистики» Ф. Соссюра определяется речевая деятельность (*langage*) в целом, язык (*langue*) и речь (*parole*): речевая деятельность многоформенна и разносистемна, вторгаясь в несколько областей, <...> она, кроме того, относится и к индивидуальной, и к социальной сфере. [Соссюр, 1933, с. 34]. В то же время язык (*langue*) понимается как важнейшая часть речевой деятельности, он является социальным продуктом речевой способности, замкнутым целым; речь – индивидуальный акт воли и понимания [там же, с. 38]. Таким образом Ф. Соссюр исключил всё, что объединяется под названием «внешней лингвистики», из понятия языка, т. е. этнологические, исторические, политические факторы и др.,

считая центральной задачей лингвистики познание внутреннего организма языка, изучение системы.

Несмотря на тот факт, что Ф. Соссюр ограничивал язык как объект изучения рамками его статического аспекта, тем не менее предпринятое им разделение лингвистики имеет большое значение для развития лингвистики речи. Согласно мнению М. Н. Кожиной, в общем термине-понятии «язык» содержится и значение выражения мысли, мышления в процессе коммуникации [Кожина, 2020, с. 20], то есть функциональный аспект языка. Стилистика, формирующаяся как самостоятельная наука в 20–30 годы прошлого века, изучает средства речевой выразительности и закономерности функционирования языка [там же, с. 34]. В функциональной стилистике на основе сферы использования речи выделяются различные стили литературного языка, в том числе обиходно-разговорный стиль, который теснейшим образом связан с молодёжной речью.

В 20–30 годы прошлого века активно изучается функционально-стилистический и коммуникативный аспекты языка. Вместе со стилистикой в этот период развиваются такие дисциплины, как история литературного языка и культура речи. Важнейшей причиной этого является формирование национального литературного языка. На таком фоне лингвисты рассматривают национальный язык с лингвогеографической, лингвосоциологической, функционально-стилистической, исторической и др. точек зрения, изучая историю его формирования и факторы, влияющие на его развитие, в том числе расслоение национального языка.

Молодёжная речь, будучи сложным социолингвистическим феноменом, теснейшим образом связана с литературным языком и разговорной речью. В разделе 2.1.1 будут рассмотрены вопросы, связанные с расслоением национального языка, с разграничением литературной и разговорной разновидностей языка, что позволит определить само понятие молодёжной речи и выявить её взаимосвязь с другими разновидностями общенационального языка.

2.1.1 Структура национального языка

Национальный язык, по определению В. В. Виноградова, представляет собой общий язык нации, охватывающий все сферы общения нормированного

литературного языка, сложившегося на народной основе [Виноградов, 1978, с. 292]. С таким определением соглашается большинство лингвистов: в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой – «общий язык целой нации» [Ахманова, 1969, с. 532]; в словаре-справочнике лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой – «общий язык всей нации» [Розенталь, 1976, с. 140]. Разногласия лингвистов заключаются в дифференциации данного термина от таких терминов, как общенародный язык, народный язык, литературный язык; а также в вопросе расслоения национального языка. Среди этих разногласий наиболее важным является понятие литературного языка, которое занимает центральное место при исследовании национального языка, с его определением непосредственно связана структура последнего.

Понятие «литературный язык» понимается лингвистами по-разному, по мнению В. В. Виноградова, существуют три основных интерпретации данного термина: 1) литературный язык есть тот же общенародный язык, только «отшлифованный» мастерами языка; 2) литературный язык есть язык письменности, язык книжный, противостоящий живой речи, языку разговорному; 3) литературный язык есть язык, общезначимый для данного народа, в отличие от диалекта и жаргона, не обладающих признаками такой общезначимости [Виноградов, 1978, с. 289]. Первый взгляд на литературный язык устанавливает его связь с языком художественной литературы, второй – с традицией письменности, и третий – подчеркивает народную основу литературного языка, каждый из этих взглядов имеет немало сторонников среди лингвистов.

В. М. Жирмунский сопоставляет литературный язык с диалектом, подчёркивая диалектную основу национального языка. Согласно мнению учёного, «в условиях развития национального языка диалекты давно уже перестали быть единственным средством языкового общения, <...> общенациональный литературный язык получил в настоящее время всеобщее распространение, вытесняя местные диалекты или утверждаясь рядом с ними как “высшая форма”, которой местные диалекты подчинены как “низшая форма”» [Жирмунский, 1956, с. 27]. Кроме того, Жирмунский указывает на существование *полудиалекта*, под которым понимается

результат взаимодействия литературного языка и диалектом, «в зависимости от местных условий, от социальных различий, от уровня образования, такой полудиалект в различной степени нивелируется, отходит от местного диалекта и приближается к национальной норме, образует более или менее прочную, сложившуюся систему признаков или остается зыбким, переходным образованием» [там же, с. 28]. Жирмунский возражает против рассмотрения письменной практики как основы национальных норм языка, так как сама эта практика также отражает результат концентрации местных диалектов, между ней и разговорной речью наличествует диалектическое взаимодействие, подчёркивая, что литературный язык, это общая, нормализованная в фонетическом, грамматическом и лексическом отношении письменная и устная форма общенационального языка [см. там же, с. 28–31].

Л. В. Щерба также останавливается на противопоставлении литературного языка и диалекта, тем не менее лингвист считает, что «есть противоположение более глубокое, которое в сущности и обуславливает те, которые кажутся очевидными. Это противоположение литературного и разговорного языка» [Щерба, 1957, с. 115]. Лингвист подчёркивает, что литературный язык – один для всех, тогда как диалект обслуживает только определенную группу людей [там же, с. 117], следовательно, литературный язык носит наддиалектный характер, служит особым типом диалекта, поэтому противопоставление «литературный язык – диалект» является несостоятельным. Между тем литературный язык не позволяет отступлений от нормы; а разговорная речь полна различными изменениями нормы. Вместо локализованных дифференций, лингвист предпочитает рассматривать литературный язык с функционально-стилистической, социальной точки зрения: «чем большее число диалектов местных и особенно социальных объединяет данный литературный язык, тем сложнее его стилистическая структура» [там же, с. 117]. Согласно мнению Щербы, «особо стоят три соотносительных слоя слов – торжественный, нейтральный и фамильярный, к которым можно прибавить и четвёртый – вульгарный», ... «русский литературный язык выковал себе очень сложную, а потому и отзывчивую систему выразительных средств» [там же, с. 121].

В работе проф. Р. А. Будагова обобщается эволюция понимания термина *литературный язык* с XIX в. – от искусственного явления, исторически не меняющегося, до исторической категории. Согласно мнению автора, литературный язык – это обработанная форма общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закреплёнными нормами [Будагов, 1961, с. 6]. В работе подчёркиваются историческая изменчивость и относительность представления о «закреплённости» норм литературного языка. Кроме того, было отмечено типологическое разнообразие литературного языка, внутри которого возникают подразделения на письменный и разговорный «языки» – автор предлагает использовать термины *письменный* и *разговорный стиль* для преодоления терминологической запутанности, поскольку в отличие от просторечия и диалектной речи, разговорный стиль оказывается обработанным, представляющий собой одну форму литературного языка [см. Будагов, 1967, с. 12]. Согласно мнению Р. А. Будагова, противопоставление «литературный язык – диалект» является относительным, зависит от исторических условий: с одной стороны, разговорная речь, основанная на диалекте и частично использующая диалектные формы, противопоставляется литературному языку; с другой стороны, разговорная речь, произносимая со строгим учётом всех норм литературного языка, скорее окажется его союзником [там же, с. 19].

А. И. Горшков под литературным языком понимает исторически сложившийся, обработанный, упорядоченный и нормированный язык, служащий средством общения во всех сферах общественной деятельности человеческого общества и являющийся языком художественной, общественно-публицистической и научной литературы [Горшков, 1965, с. 9]. Лингвист придерживается третьего взгляда по классификации Виноградова, считая, что в целом народный язык нельзя противопоставлять литературному, так как именно народный язык является источником, основой литературного языка [там же, с. 12]. Одновременно учёный подчёркивает, что народный язык не представляет собой совершенно однородного явления, а является совокупностью диалектов, включая в себя просторечие, территориальные, социальные диалекты и жаргоны, каждый из которых является

отдельной нелитературной разновидностью речи, противопоставленной литературному языку, но их противопоставление не препятствует взаимодействию между ними [там же, с. 12–13].

Академик В. В. Виноградов определяет литературный язык таким образом: общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной [Виноградов, 1978, с. 288]. Это одно из самых обобщённых определений литературного языка, охватывающее большие сферы использования литературного языка. В данное определение включается широко признанная гипотеза о двух типах литературного языка: письменно-книжном и устно-разговорном.

Значительный вклад внес В. В. Виноградов в исследование истории русского литературного языка, в частности в изучение вопросов его происхождения. Он уделяет внимание исторической изменчивости литературного языка: «в середине века и в новое время литературные языки развивались по-разному» [там же, с. 289]; разделяет историю литературного языка на два периода: донациональный и национальный: в отличие от литературного языка донационального периода, национальный литературный язык вырабатывает единые общенациональные наддиалектные нормы [Виноградов, 1967, с. 43]. По его мнению, древнерусский литературный язык, подобно современному, разделяется на два типа: книжно-славянский, основанный на старославянском языке и народно-литературный, созданный на восточнославянской почве. Два типа древнерусского литературного языка выступают как «две функционально разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения» [Виноградов, 1978, с. 101–102]. Таким образом, учёный рассматривает две формы – письменно-книжную и устно-разговорную, основное внимание уделяя первой и отмечая, что становление норм разговорной формы национального литературного языка – сложный и длительный процесс [Виноградов 1967, с. 56].

В работе Е. Г. Ковалевской представлено достаточно развёрнутое описание литературного языка лингвистами прошлого века. Согласно мнению автора, существует два типа литературного языка: разговорный и книжный. В литературном языке представлены средства выражения, общие для обоих типов, стилистически нейтральные, межстилевые, а также языковые элементы, закрепленные за каким-либо одним типом литературного языка [Ковалевская, 2012, с. 19]. Важным для нас является взгляд автора на разграничение термина *разговорная речь* в словосочетаниях «живая разговорная речь» и «разговорный тип литературного языка». Мы употребляем наименование *разговорный* и для обозначения одной из двух функциональных разновидностей национального языка (противопоставление: литературный язык – живая разговорная речь), и для обозначения одного из типов литературного языка (противопоставление: разговорный – книжный типы литературного языка) [там же, с. 21].

Такое разграничение учитывает двойственность разговорной речи, отмеченную Р. А. Будаговым и соответствует двум типам литературного языка, выделенным В. В. Виноградовым: с одной стороны, русский литературный язык постоянно контактирует с живой народной (разговорной) речью, которая является базой для его развития; с другой стороны, разговорная форма (тип) литературного языка представлена в устной речи его носителей, обычно характеризуется эмоциональностью и экспрессивностью. Вместе с тем живая разговорная речь также неоднородна, она имеет две формы – литературную и нелитературную, на границах которых расположены диалекты, интердиалекты, жаргоны и просторечие. Другими словами, живая разговорная речь и разговорный тип литературного языка теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодействуют. В то же время литературный язык представляет собой систему различных функциональных стилей, его стилистическая дифференциация тесно связана с полифункциональностью [там же, с. 30].

Вопрос о полифункциональности литературного языка рассматривается в «Стилистике русского языка» М. Н. Кожинной: как уже было сказано выше, функциональная стилистика ориентируется на коммуникативный и

функциональные аспекты языка. Термин *стиль* получил достаточно развернутое и широко признанное определение: по словам В. В. Виноградова, стиль – это общественно осознанная, функционально-обусловленная, внутренне объединенная совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа [Виноградов 1955, с. 73].

Продолжая эту мысль, М. Н. Кожина утверждает, что иногда язык представляют как совокупность подъязыков (субъязыков), имея в виду среди них и функциональные стили. В действительности в сознании общественных индивидов, очевидно, имеется одна система языка с его полисемией и вариативностью единиц и норм. Кроме того, имеется представление о правилах использования языка в определённых сферах и ситуациях, т. е. экстралингвистически обусловленных принципах отбора и сочетания языковых средств [Кожина, 2020, с. 105]. Таким образом, под функциональными стилями понимаются принципы отбора и сочетания языковых средств в соответствии с сферами и ситуациями использования языка.

М. Н. Кожина предлагает выделять функциональные стили на основании форм общественного сознания (науки, политики, права, религии, искусства), поскольку язык есть действительное сознание, <...> и каждой формой общественного сознания соответствует определённый вид деятельности и социально значимая, типизированная и традиционная сфера общения со сложившимися принципами употребления языковых средств [там же, с. 123]. Таким образом, в работе М. Н. Кожиной выделяются следующие стили литературного языка: научный, деловой, публицистический, художественный, религиозный и разговорно-обиходный, среди которых, разговорно-обиходный стиль используется в сфере бытовых отношений, в области отношений людей вне их непосредственно производственной и общественно-политической деятельности, под которым ещё подразделяются диалогическая форма речи, беседы и монологическая речь [там же,

с. 133]. Она подчёркивает, что функционально-стилевое расслоение языка представляется в виде полевого структурирования, в пограничной зоне которого пересекаются и взаимодействуют разные стили. Другими словами, не все тексты представляется типичными стилиевыми характеристиками, стилистическая специфика отдельных языковых средств ещё сложнее заметить.

Для решения этого вопроса учёный разделяет стилистические коннотации на экспрессивно-эмоциональные, экспрессивно-оценочные и функционально-стилистические, последняя указывает на сферу употребления, является неотделимой частью от значения языковых единиц. Но в сравнении с первыми двумя яркость функционально-стилистической окраски обычно слабее, она заметна в конкретном высказывании. М. Н. Кожина отмечает, что не каждая единица языка, используемая в высказывании, обладает соответствующей стилистической окраской: создается общий «преобладающий тон» речи, «окрашивающий» её в целом, несмотря на отдельные иностилевые единицы [там же, с. 92]. Иными словами, отдельные языковые единицы приобретают функционально-стилистическую окраску именно в конкретном тексте, следовательно, подчёркивает исследователь, само по себе явления стиля – явление текстовое (иначе говоря, речевое) [там же, с. 111].

Сходный взгляд выражается в работе В. В. Одинцова: он заключает, что традиционное составление перечня лексико-грамматических средств в стилистике оказывается не эффективным, «необходимо описать особенности функционирования этих стилей, соотнести стилеобразующие факторы и языковые средства, показать роль экстралингвистического» [Одинцов, 1980, с. 17]. Согласно мнению автора, в структуре текстов обнаруживаются два основных композиционно-стилистических типа изложения, подачи содержания: научно-деловой, информационно-логический, с одной стороны, и беллетризованный, экспрессивный – с другой [там же, с. 78].

В «Русской стилистике» проф. А. И. Горшков рассматривает принципы выделения разновидностей (стилей) литературного языка разными лингвистами, в том числе В. В. Виноградовым, М. Н. Кожиной и В. В. Одинцовым. Академик

Виноградов предлагает выделять стили в зависимости от функции – общения, сообщения или воздействия – и называет такие стили, как обиходно-бытовой и обиходно-деловой; официально-документальный и научный; публицистический и художественно-беллетристический [Виноградов, 1963, с. 6]. М. Н. Кожина считает такую классификация неудачной, так как сама проблема языковых функций недостаточно разработана и решается неоднозначно [Кожина, 2020, с. 123].

А. И. Горшков отмечает, что в классификации В. В. Виноградова одной функции соответствуют несколько стилей, что приводит к нечёткости их разграничения. Классификацию М. Н. Кожиной он также считает несовершенной, так как она основывается на экстралингвистических факторах: выделенных ею стилей меньше, чем сфер деятельности людей, в связи с чем приходится подразделять в каждом стиле «подстили», что приводит к появлению разных перечней стилей у разных учёных [Горшков, 2006, с. 265–266].

Поддерживая мнение В. В. Одинцова, проф. А. И. Горшков предлагает свой вариант выделения стилистических разновидностей литературного языка, исключив из них разговорную и противопоставив разговорный язык литературному (что согласуется и с позицией Л. В. Щербы, и с разграничением литературного языка и живой разговорной речи Е. Г. Ковалевской). А. И. Горшков считает, что при рассмотрении разговорного языка, необходимо учитывать способ его организации, а не только состав языковых единиц (присутствие диалектных признаков в фонетике и лексике), – разговорный язык организован преимущественно в форме диалога. Подобно литературному языку, разговорный язык также носит наддиалектный характер; в нём смешиваются и стираются черты территориальных диалектов; он используется в разговоре, «состоящем из взаимных реакций между двух общающихся между собой индивидов, реакций нормально спонтанных, определяемых ситуацией или высказыванием собеседника» [там же, с. 269].

Таким образом, проф. Горшков рассматривает разговорный язык как устную разновидность употребления языка, в котором выделяются следующие подтипы: территориальный диалект, полудиалект, социально-профессиональный диалект, просторечие и общий разговорный язык [там же, с. 272–273]. По сравнению с

изложением в «Истории русского литературного языка», в работе «Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика» проф. Горшков выделяет более отчётливое понимание разговорного языка, не используя обобщенный термин *народный язык*, даёт более развернутые характеристики данного явления с функционально-стилистической точки зрения.

Е. Н. Бекасова придерживается оппозиции «диалект-литературный язык», рассматривая литературный язык в функциональном аспекте, по её мнению, «становление ранних типов функционального членения языка связано с противопоставлением речи повседневного бытового общения и обработанных форм языка» [Бекасова, 2006, с. 12]. Другими словами, функционально-стилевая стратификация опирается на диалект, на основе которого появляются наддиалектные типы языка, противопоставленные самому диалекту. Исследователь выделяет следующие основные типы наддиалектных форм: язык устного поэтического творчества, язык религии, язык устного права, городское койне, просторечие и литературный язык. Но эти типы не являются взаимоисключающими: в частности, Е. Н. Бекасова отмечает, что городское койне нередко служит важной предпосылкой формирования литературных языков, в то же время, просторечие, становится общим койне для разных городов, является межзачинным типом между литературным языком и диалектом, играющим важную роль в обогащении литературного языка [см. там же, с. 12–16]. Автор ещё раз подчёркивает важность изучения исторического аспекта развития конкретных разновидностей языка, «каждый компонент функциональной парадигмы, в том числе диалект и ЛЯ, – это категории исторические, следовательно, на разных этапах своего исторического развития они имеют разный набор признаков и могут возникать, видоизменяться или утрачиваться в определённых исторических условиях» [там же, с. 19].

Выделенные Е. Н. Бекасовой разновидности не противоречат концепции проф. Горшкова: последний использует более широкое понятие «разговорный язык», рассматривая оппозицию двух наддиалектных разновидностей языка («разговорный–литературный») и ориентируясь на функциональный аспект языка; а первая – на социально-функциональной основе рассматривает оппозицию

«диалект – тип наддиалектной формы языка», не относя диалект к одной общей наддиалектной форме. Несмотря на расхождения лингвистов по поводу конкретных подтипов стилей, оба они указывают на противопоставление кодифицированного языка и ненормативной формы языка.

В. В. Химик, вслед за Е. Г. Ковалевской, различает два термина: *разговорная речь* – это спонтанный поток устной речевой коммуникации, а *разговорный стиль* – это осознанный выбор говорящего, риторический приём, который применяется говорящим по необходимости [Химик, 2015, с. 462]. В качестве одного из типов национального языка разговорная речь может включать любые единицы: нейтральные, книжные, разговорно-литературные, в том числе и нелитературные, вплоть до обценных. Она разделяется на публичную речь – которая требует обязательной ориентации на языковую норму, допуская слабосниженные, разговорно-литературные стилистические средства; и обиходную разговорную речь – направленную на определённый и обычно узкий круг адресатов, включающую в себя бытовую и прецессионную. Кроме того, проф. Химик обратил внимание на понятие «разговорность», под которым понимается определяющий признак языковой единицы, речевого действия или текста, <...> разговорность обычно представлена специальными средствами языка: интонационно-фонетическими, грамматическими, лексическими, которые находятся на периферии языковой нормы или за её пределами [там же, с. 464].

Таким образом, исследователь разграничил функциональную разновидность языка, функциональный стиль языка и функционально-стилевую окраску языковых единиц, рассматривая разговорную речь в широком её понимании – как одну из разновидностей национального языка, под которой можно подразделять разные функциональные стили. Языковая единица может быть стилистически окрашена по-разному, но не обязательно используется в определённых стилях и разновидностях языка. При разграничении стилей разговорной речи *общему разговорному языку* по терминологии А. И. Горшкова соответствует выделенная В. В. Химиком *публичная речь*, в которой подчёркивается нормативность. Следует заметить, что в классификации В. В. Химика выделяются только бытовая и

профессиональная разговорная речь, игнорируются территориальный и социальный признаки, основное внимание уделено функционально-стилевым характеристикам, тогда как в работе А. И. Горшкова уделяется больше внимания вопросам социальной дифференциации речи.

2.1.2 Просторечие и социолекты (арго, жаргон и сленг)

По мнению проф. Химика, термин *просторечие* вызывает наибольшие разногласия среди лингвистов, что демонстрируют представленные выше определения (например, проф. Горшков рассматривает данное явление как разновидность разговорного языка). В. В. Химик отмечает, что «практикующий преподаватель привык называть этим словом любые единицы, если они находятся за пределами языковой нормы» [там же, с. 467]. В исследованиях по истории русского языка под просторечием понимается «живая языковая стихия, противопоставляемая как книжно-литературной стихии, так и стандартизированному языку древне- и старорусской деловой письменности» [Городское просторечие..., 1984, с. 3].

Существование различных определений термина *просторечие* отражает два традиционных подхода к его пониманию: с одной стороны, это речь малообразованных лиц, в которой отсутствуют территориальные признаки; с другой стороны, это совокупность стилистических средств сниженной экспрессии. Согласно мнению В. Д. Девкина, изучение просторечия – это проблема социолингвистическая, в которой необходимо учитывать личностные и социальные характеристики собеседников, их установки, намерения, общий опыт, предыстории, и условия протекания разговора, так как (как уже упомянуто выше) стилистическая окраска создается не только собственно языковыми средствами, а комплексом факторов, в том числе и экстралингвистических [там же, с. 17]. В одной из работ проф. Химика отмечается, что просторечие соотносится с «третьей культурой» – так называемой городской, массовой, популярной культурой, представляя собой звено между традиционно-народной и книжно-элитарной культурами, что также необходимо учитывать при определении просторечия.

Таким образом, исходя из социокультурной точки зрения, проф. В. В. Химик понимает просторечие как разновидность национального языка, занимающую промежуточное положение между литературным языком и местными диалектами; это специфическая сфера использования разговорной речи, состоящая из общеупотребительной части социальных и профессиональных подъязыков, элементов деревенских говоров, иноязычных заимствований и традиционных мещанизмов, вульгаризмов, а также обсценной лексики [Химик, 2000, с. 10]. При описании просторечия В. В. Химик отмечает, что в него, наряду с лексиконами социальных и профессиональных подъязыков, деревенскими говорами, иноязычными заимствованиями, входят и социальные подъязыки, для наименования которых традиционно используются недостаточно четко разграниченные термины – *арго*, *жаргон* и *сленг*.

В русской лингвистической традиции эти термины, в частности *арго* и *жаргон*, используются для обозначения близких понятий и нередко считаются синонимами. Например, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова сказано, что «жаргон...тоже, что арго. *Школьный ж.*» [ТСРЯ, т. 1, с. 846]; «Словарь современного русского литературного языка» определяет *жаргон* как «условный говор, предназначенный для обособления говорящих на нем от остальной части общества, характеризующийся наличием искусственно образованных слов и выражений; арго» [ССРЛЯ, 1955, т. 4, с. 34]; в Малом академическом словаре читаем: «жаргон, условный язык какой-л. небольшой социальной группы, отличающийся от общенародного языка лексикой, но не обладающий собственной фонетической и грамматической системой; арго» [СРЯ, 1957, т. 1, с. 472]; в «Справочнике лингвистических терминов» жаргон описан таким образом; «жаргон, то же, что арго, но с оттенком уничижения» [Розенталь, 1976, с. 90].

Под термином *жаргон* чаще всего понимается социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией [СЭС, 1989, с. 433]; (см. также [ЛЭС, 1990, с. 43; Ожегов, 2006, с. 190; Шведова, 2011, с. 229]). Термин *арго* также нередко описывается как социальная разновидность речи, условные слова и выражения (см. [СЭС, 1989, с. 73;

Ожегов, 2006, с. 28]). Несмотря на близость определения двух понятий в словарных статьях, *арго* в узком понимании преимущественно ориентируется на речь уголовного мира, понимается как речь деклассированная, например нищих, воров, мошенников, картёжных шулеров и т.п. (см. [Быков, 1991, с. 50; ЛЭС, 1990, с. 151; Саляев 1998, с. 6]).

В работе В. А. Саляева отмечается, что разграничение *жаргона* и *арго* заключается в степени открытости–изолированности соответствующих сообществ: *жаргон* рассматривается как социолект, используемый в обиходе открытых профессиональных или возрастных групп; *арго* создается в среде в той или иной мере изолированной, противопоставленной остальному обществу [там же]. Сходного мнения придерживается ряд лингвистов: ещё в работе В. М. Жирмунского было отмечено, что специфическим отличием *арго* от других видов жаргона является его профессиональная функция. <...> *арго* является тайным языком, конспиративным, засекреченным [Жирмунский, 1936, с. 119]. В. Д. Бондалетов подчёркивает, что условные языки (*арго*) представляют собой лексические системы, предназначенные для выполнения преимущественно конспиративной (эзотерической, криптофорной) функции [Бондалетов, 1987, с. 72].

Проф. Химик также утверждает, что *арго* – это закрытая лексическая подсистема специальных номинаций, обслуживающих узкие социально-групповые интересы, чаще всего профессиональные; жаргон – полуоткрытая лексико-фразеологическая подсистема, применяемая той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества [Химик, 2004, с. 23]. Кроме того, он предлагает рассматривать *арго* как совокупность рациональных номинаций – терминоидов, которые служат ядром жаргона [Химик, 2000, с. 13–16].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что *жаргон* имеет более широкое употребление по сравнению с *арго*, следовательно, лингвисты зачастую используют термин *жаргон* как наименование родового понятия, в рамках которого существуют различные варианты: например, В. Д. Бондалетов выделяет следующие социальные разновидности национального языка: собственно профессиональные «языки», групповые или корпоративные жаргоны, условные

жаргоны деклассированных [Бондалетов, 1966, с. 9–10]; Б. А. Серебрянников различает профессиональные лексические системы, групповые или корпоративные жаргоны, жаргоны деклассированных и условные языки [Серебрянников, 1970, с. 479].

Противоположное мнение выражает проф. В. С. Елистратов, который предлагает широкое понимание *арго* как разновидности поэтики [Елистратов, 1995, с. 17] и в зависимости от степени герметизации выделяет отдельные подсистемы арго: жаргон, интержаргон, просторечие и др. Исследователь подчёркивает, что понятие «арготизм» значительно шире, чем стилистически маркированная лексема или какое-либо специфическое выражение, в него включены ещё и определённая фонетическая манера произношения или какое-либо невербальное средство [там же, с. 211]. Предлагаемое В. Елистратовым определение арго, на наш взгляд, кажется слишком широким, пересекается с просторечием и даже с разговорным языком. Но ценным для нас служит понимание учёным арго как стилистически маркированной лексической системы. Отметим, что такой подход наблюдается в большинстве выше представленных определений, в том числе и определений жаргона. Несмотря на то, что эти два явления понимаются как социальные разновидности национального языка, в них отсутствуют признаки наличия особой фонетики и собственной грамматики – их характеристики проявляются преимущественно в лексике.

Как отмечает Б. А. Ларин, *арго* принадлежит к смешанным языкам... Оно имеет свою фонетику и морфологию, хотя и не особую, не оригинальную [Ларин, 1928, с. 71]. Таким же образом рассуждает и Л. И. Скворцов – жаргон в его понимании – это, в сущности, «жаргонно окрашенная» лексика, возникающая в силу установки на интимный, фамильярно-сниженный стиль речи при социально-речевой общности той или иной группы носителей [Скворцов, 1964, с. 48]. Недаром проф. Химик понимает жаргон и арго как лексические подсистемы специальных номинаций, которые представляют собой важные источники просторечия.

Термин *сленг* появляется в русской лингвистике сравнительно поздно. Имея английское происхождение, он называет неоднородное понятие и по-разному

интерпретируется в западной лингвистике. Например, в Оксфордском словаре было отмечено четыре основных типа понимания *сленга*: а) специальный лексикон, используемый группой людей с низкой, дурной репутацией, вульгарный тип языка; б) специальный лексикон или фразеология отдельных профессий; в) язык сугубо разговорного типа, речь ниже уровня стандартного языка образованных людей, состоящая из новых слов или из слов, употреблённых в специальном значении; г) оскорбление, грубость [приводится по: Coleman, 2012, с. 12], среди которых нельзя не заметить определённую близость к терминам *жаргон* и *просторечие*.

В английской лингвистической традиции по данному термину не достигнуто единогласия; войдя в русскую лингвистику на рубеже 60–70 гг. XX века, термин *сленг* приобретает ещё больше разнообразных интерпретаций. Обобщая мнения западных учёных, И. Р. Гальперин отмечает, что сленгу нет места в литературном языке. Расхождение мнений англоязычных лингвистов заключается в том, что под термином *сленг* они объединяют слова и фразеологизмы, совершенно разнородные с точки зрения их стилистической характеристики и сферы употребления [Гальперин, 1956, с. 109]. Исследователь выражает сомнение в существовании сленга как особого лексического слоя, считая, что неологизмы, чаще всего эмоционально окрашенные лексемы, которые часто относят к сленгу, на самом деле попадают в данный ряд из-за их кратковременного употребления, что недостаточно для приобретения ими явной стилистической окраски.

Г. А. Судзиловский, в свою очередь, добавляет, что эмоциональная окраска (преимущественно негативная) считается основным признаком при определении принадлежности той или иной лексико-фразеологической единицы к сленгу в зарубежной лексикографии [Судзиловский, 1973, с. 10]. Автор считает данный критерий субъективным и поэтому недостаточным, однако не отрицает самого существования данного понятия.

Наиболее развернутое определение сленга в русской лингвистике было дано В. А. Хомяковым: «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой

специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргослэнга преступного мира, с другой – слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [Хомяков, 1969, с. 76]. Две выделенных автором лексические группы соответственным образом называются *специальным* и *общим сленгом*. Таким образом, В. А. Хомяков рассматривает *сленг* как родовое понятие по отношению к *жаргону* и *аргослэнгу* в их узком понимании, а также большей части *просторечия*, характеризующегося ярко эмоционально-экспрессивной и оценочной окраской.

Такой же точки зрения придерживается и А. Д. Швейцер, отметивший удобство термина *сленг*, позволяющего объединить в рамках единой категории единицы, отвечающие определенному набору признаков (сниженная тональность, эмоционально-экспрессивная окраска, противопоставленность литературному языку, ограниченность лексико-семантическим уровнем). Возвращаясь к западной традиции, Швейцер утверждает, что социальные диалекты, включающиеся в себя профессиональные диалекты, групповые (корпоративные) жаргоны, а также жаргоны (аргослэнг) деклассированных элементов общества, обычно относятся к *специальному сленгу*, противопоставляемому *общему сленгу*, входящему в общеупотребительное просторечие [Швейцер, 1983, с. 167–168].

В свою очередь, М. М. Маковский в одном из своих ранних исследований также ориентируется на широкое понимание сленга, определяя его как исторически сложившийся на базе разговорной диалектной речи вариант лексических, произносительных и грамматических норм английского языка, которые, будучи тесно связаны между собой, не образуют законченной и симметричной системы, переплетаясь, с одной стороны, с разговорными нормами стандартного английского языка (первый уровень), а с другой – со смежными (чисто лексическими слоями второго уровня) [Маковский, 1962, с. 112].

Однако, в работах позднего периода автором предпринята попытка отграничить сленг от жаргонных и профессиональных элементов языка: по его мнению, *сленг*, реализующийся на уровне разговорной речи (фонетика, грамматика,

лексики), отличен от жаргонных и профессиональных элементов языка генетически и функционально [Маковский, 2009, с. 23]. Исследователь подчеркивает, что сленг никогда не являлся принадлежностью тех или иных профессиональных коллективов или узких социальных групп, не использовался с целью сделать непонятной речь говорящих (подобно жаргону), основной особенностью сленга является общность для всех социальных групп [там же], в этом смысле Маковский отвергает понятие специального сленга.

Общность сленга также была подчеркнута и Л. И. Скворцовым: он не даёт конкретного определения данного понятия, но отмечает, что жаргон в расширительном смысле этого термина отчасти напоминает то, что в английском языке называют «сленгом», когда относительная языковая замкнутость обусловлена определенной социальной общностью [Скворцов, 1964, с. 47]. Автор указывает на сложное взаимодействие между социальными диалектами: по его мнению, близким к сленгу является понятие «жаргонизированное просторечие» [см. Скворцов, 1964, с. 31], которое тесным образом связано с интержаргоном. Под интержаргоном он подразумевает междужаргонную лексику, основной жаргон – промежуточное языковое образование, впитывающее в себя лексику отмирающих корпоративных жаргонов и элементы жаргонов профессиональных. «Из интержаргона (а не непосредственно из арга) черпает молодёжный слэнг арготические по происхождению элементы» [там же, с. 105–106]. Таким образом, учёный считает сленг более широким понятием, которое включает в себя элементы жаргона, и то же время видовым понятием по отношению к просторечию. В процессе эволюции жаргонной лексики и фразеологии к сленгу и просторечию происходит нейтрализация самого жаргонизма, а также усвоение слов или выражений из интержаргона [Скворцов, 1977, с. 36].

Т. В. Ерохина указывает на субъективность установления различия между литературно-разговорными и сленговыми единицами. Несмотря на расплывчатость границ между разными лексическими пластами, Ерохина предлагает использовать термин *сленг* для обозначения лексики, которая осознается носителями языка как находящаяся вне литературного языка, и одновременно не относящаяся к арга,

профессиональным жаргонам или табу [Ерохина, 1987, с. 7], подчеркивая широкую распространенность и понятность сленговых единиц для разных социальных слоев общества. Подобное мнение выражает В. А. Саляев, считая, что сленг следует рассматривать как промежуточное звено между жаргонно-арготической сферой и общим просторечием, а точнее, как особый лексико-фразеологический слой, составляющий основу современного просторечия [Саляев, 2002, с. 105].

В работе В. В. Химики также было отмечено, что сленг, в отличие от арго и жаргона, не имеет отчетливой социально-групповой ориентации: использовать его могут представители разных профессий, разного социального и образовательного статуса и даже различного возраста [Химик, 2000, с. 14]. Вместе с первыми двумя социолектами, сленг представляет собой подсистему ненормативных лексико-фразеологических единиц разговорно-просторечного языка, его стилистическую разновидность. Таким образом представляется следующая сложная иерархия социальных городских подязыков в русской речевой действительности: арго ⇒ жаргон ⇒ сленг (интержаргон) ⇒ просторечие [там же, с. 17].

А. Т. Липатов обращает внимание на чрезвычайную сложность разграничения социолектов, полагая, что «чистого» сленга не существует: он всегда «замутнен» жаргонизмами и даже арготизмами, не говоря уж о просторечиях и профессионализмах. Откладывая разногласия в сторону, обобщим, что *арго*, *жаргон* и *сленг*, будучи тремя основными типами социолектов, представляют собой обособленные и одновременно теснейшим образом взаимодействующие лексико-фразеологические подсистемы, объединяемые лексическими единицами с единой функционально-стилистической окраской, и в совокупности служат составными частями просторечия. Сленгизмы, рядом с арготизмами и жаргонизмами, выступают в качестве синонимических речевых инноваций-экспрессивов, своеобразно «освежающих» арсенал языковых средств [Липатов, 2010, с. 64].

При разграничении социально дифференцированных разновидностей национального языка многие лингвисты обращают внимание на возрастную обусловленность терминов *жаргон* и *сленг*, что приводит к широкому употреблению таких сочетаний, как *молодёжный жаргон* или *молодёжный сленг*.

Л. И. Скворцов отмечает, что при относительной единовозрастности группы жаргонная речь выступает как характерная черта языка поколения, при этом между речью разных групп молодёжи нет резких отличий, что позволяет говорить о едином молодёжном жаргоне [Скворцов, 1964, с. 48–49].

А. Д. Швейцер ссылается на мнение американского лингвиста о том, что молодёжь в возрасте от 17 до 24 лет является наиболее активным элементом, формирующим американский сленг <...>; коллективы молодёжи и студентов постоянно создают сленговые неологизмы, отражающие эти установки и меняющуюся ценностную ориентацию молодых групп [Швейцер, 1983, с. 173]. По мнению учёного, молодёжный сленг черпает немало элементов из жаргонизмов маргинальных групп. Подчёркивая сравнительную общеупотребительности сленга, А. Т. Липатов выделяют в первую очередь следующие отраслевые разновидности сленга: школьный, студенческий и военный, которые составляют единый молодёжный сленг, называя их самыми обильными и самыми выразительными по своей экспрессивности пластами социально обусловленной речевой стихии [Липатов, 2010, с. 92].

На основании изложенных выше наблюдений и выводов о существовании социальных языков, относящихся к социальной группе определённого возраста, можем сказать, что молодёжный язык тесным образом связан с этими социальными диалектами. Однако, целесообразно ли ставить знак равенства между этими понятиями, с каким именно понятием следует отождествлять молодёжный язык – эти и другие вопросы ещё нуждаются в обсуждении.

2.1.3 Определение молодёжной речи

Как уже отмечено в начале данной главы, молодёжная речь или молодёжный язык представляет собой многоаспектное явление, бытование которого ограничено не только определёнными возрастными, но и социальными, временными и пространственными рамками [Береговская, 1996, с. 32]. Для определения данного понятия необходимо выявить объем и содержание двух его составляющих элементов – молодёжь и речь (язык).

Остановимся в первую очередь на существительном *молодёжь*, которое является наименованием понятия, не имеющего чётких границ. Наиболее характерным признаком является возрастной уровень, однако именно по данному признаку единогласие до сих пор не достигнуто не только на уровне научных исследований, но и на уровне государственных институтов и международных организаций. При определении возраста носителей молодёжного сленга или жаргона мнения современных исследователей колеблются. Так, по наблюдениям М. А. Грачёва, носителями молодёжного жаргона сейчас являются лица от 6–7 (со времени начала учебы в школе) до 35 лет (возрастная граница представителей неформального объединения хиппи) [Грачёв, 1996, с. 79]; Э. М. Береговская отмечает, что исследователи, занимающиеся молодёжным сленгом, включают в сферу изучения возраст с 14–15 до 24–25 лет [Береговская, 1996, с. 35]; в работе А. И. Марочкина рассматривается речь молодых людей в 13–35 лет [Марочкин, 1998, с. 5]; в исследованиях О. В. Цибизовой – речь людей в возрасте от 12 до 35 лет [Цибизова, 2006, с. 7].

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, *молодёжь* определяется как лица в возрасте от 15 до 24 лет; согласно недавно принятым поправкам в ФЗ РФ, к *молодёжи* относятся российские граждане в возрасте от 14 до 35 лет включительно (ранее – до 30 лет); по данным последнего «средне-долгосрочного плана развития молодёжи КНР (2016–2025)» *молодёжью* называются граждане в возрасте от 14 до 35 лет. Мы видим, что наблюдается значительная дифференциация в определениях понятия «молодёжь», в частности – по верхней возрастной границе.

Данное явление обусловлено самим определением понятия «молодёжь», которое гениально интерпретируется немецким лингвистом Хельмутом Хенне: «Молодёжь это... те, кто достиг биологической зрелости, но ещё не достиг социальной» [Henne, 1986, с. 202]. Сходного мнения придерживается и Е. В. Горчакова, которая при этимологическом анализе прилагательного *молодой*, предлагает следующую формулировку: «*молодой* – др. инд. *mrdus* – ‘мягкий,

нежный, кроткий' <...> 'мягкий', что можно интерпретировать как 'неокрепший, не готовый к взрослой и самостоятельной жизни'» [Горчакова, 2002, с. 41].

С учётом социальных, культурных и других факторов каждая страна определяет данную социально-возрастную группу по-разному. Кроме того, по причине ускорения социально-экономического и технологического развития, увеличивается срок приобретения необходимых для самостоятельной жизни знаний, поэтому наблюдается тенденция расширения границ понятия «молодость», о чём и свидетельствует поправка к ФЗ РФ. Так что определение данного понятия лишь по возрастным критериям будет недостаточным: переходя от юности к зрелости, молодые люди выполняют различные общественные обязанности, занимают определённые социальные позиции. Учитывая всё сказанное, определим понятие «молодёжь» как социальную группу людей от позднего подросткового возраста до 33–35 лет, непрерывно развивающихся физиологически и психологически, с неустановившимся социальным статусом, переходящим к роли субъекта деятельности в обществе.

Далее сосредоточим внимание на рассмотрении другого элемента понятия «молодёжная речь» – лексемы *речь*. Нельзя не отметить, что во многих исследованиях, наряду с термином *молодёжная речь*, используется термин *молодёжный язык*, который часто вызывает недопонимание, так как язык, как уже было отмечено выше, является замкнутой системой, обладающей своей фонетикой, грамматикой, лексикой и др., в то время как в молодёжном «языке» первые два аспекта (особая фонетика и грамматика) отсутствуют. При изучении молодёжного «языка» основное внимание учёных уделяется его лексическому составу – в связи с тем, что лексика представляет собой наиболее подвижную часть языка по сравнению с грамматикой и фонетикой [см. ЛЭС, 1990].

Благодаря лингвокреативным способностям молодого поколения молодёжный язык является одним из важных источников неологизмов, молодёжь переносит свой словарный запас в мир взрослых, даже если и в редуцированной форме [Горчакова, 2002, с. 41]. По этой причине лексическая единица обладает самой яркой характеристикой в молодёжном языке. Именно поэтому в ходе исследования

молодёжного языка немало исследователей прямо используют термины *сленг* или *жаргон*. Молодёжный язык представляет собой один из социолектов, используемых определённой социальной группой людей. По мнению Э. М. Береговской, молодёжный язык хотя и называется субъязыком, однако является, по сути, лексиконом, «питающимся соками общенационального языка, живет на его фонетической и грамматической почве» [Береговская, 1996, с. 32].

В свою очередь, В. В. Химик считает, что в данном случае речь идёт не о каком-то особом языке или его разновидности и даже не о социальном подъязыке, а о некоторой лексико-фразеологической подсистеме в пределах всего корпуса современной общеупотребительной лексики и фразеологии русского языка, подсистеме специфических номинаций и экспрессивов, считающихся молодёжными. Данная подсистема вбирает в себя широкий реестр средств выразительности и образности, среди которых наиболее активными являются единицы просторечия и жаргона [Химик, 2004, с. 11]. Арго, жаргон и сленг в совокупности обслуживают молодёжный подъязык, поэтому в работе проф. Химика используются все три термина: *арго* означает лексическое ядро социально-групповой подсистемы языка, его номинационный потенциал; *жаргон* – весь остальной корпус эмоционально-оценочной лексики и фразеологии; и *сленг* предполагает широкую лексико-фразеологическую подсистему единиц, особенно распространенных и часто употребляемых среди молодых людей [там же, с. 25].

Вопрос о взаимодействии молодёжного жаргона или сленга с арго также был изучен другими исследователями [см., например, Скворцов, 1977; Швейцер, 1983; Салаяев, 1995; Грачёв, 1995, 1997; Ермакова 1996; Горчакова, 2002]. Следует сказать, что эти социолекты (арго, жаргон, сленг) представляют собой важные источники образования молодёжной речи, из которых молодёжь подбирает понравившиеся и нужные им элементы. Однако молодёжный язык не отождествляется ни с одним из вышеуказанных социолектов в отдельности, а лишь попадет под сильное влияние последних. Уже в работе Е. Д. Поливанова было отмечено, что «арготическое слово приходит в жаргонную речь и просторечие переоформленным, и поэтому ярлыки “воровское”, “блатное” и т. п. для таких освоенных слов, не отражают современных

отношений в языке» [Поливанов, 1931, с. 163]. Подобное мнение выражается и С. А. Копорским, по словам которого, в то время как воровской жаргон широко распространяется среди школьников, ученики не всегда понимают, каково действительное значение слова и применяют его в других значениях. Далеко иногда уходит смысл слова в школьном употреблении от действительного, первоначального [Копорский, 1991, с. 91].

С целью избежать терминологической избыточности и неточности Е. В. Горчакова использовала термин *молодёжный социолект* для обозначения молодёжного языка, подчёркивая, что, в отличие от арго, доминирующими молодёжного социолекта являются его репрезентативная функция, переходный характер его носителей и характерная предметно-понятийная сфера – реалии молодёжной субкультуры [Горчакова, 2002, с. 60–61]. Молодёжный язык неизбежно теснейшим образом связывается с его носителями, и в многих аспектах зависит от психофизиологических и психических характеристик молодого поколения.

Несмотря на отмеченный Л. И. Скворцовым факт отсутствия резких отличий между различными группами молодёжи [Скворцов, 1964, с. 46], М. А. Грачёв считает, что такое суждение применимо лишь для общемолодёжного жаргона, в то время как специализированные жаргоны отличаются друг от друга. Здесь автор имеет в виду не только возрастную, но и социальные критерии (профессионально-образовательный статус, культурные круги и др.). Для верифицирования данного утверждения, А. Ю. Романов предпринимает социальный опрос, результаты которого показывают, что состав сленговых слов и выражений, записанных в анкетах 13–16-летними несколько отличался от слов, полученных в группе 20–25-летних; а слова или выражения, приводимые в группах от 30 до 40 и от 40 до 50, резко отличались от жаргонного вокабуляра 13–16 летних [Романов, 2004, с. 37]. Автор объясняет, что в связи с давлением в среде окружающих сверстников и коллег с проблемами воспитания, люди старше 30 лет в большей степени проявляют стремление к стандарту и литературной норме в построении собственной речи [там же, с. 36].

В то же время среди молодёжи выделяются подгруппы, обладающие лингвистическими особенностями, которые во многом обусловлены особенностями жизненной среды молодёжи. В связи с этим проф. Химик распределил молодёжный язык на 3 уровня по ряду категорий: подростково-юношеские жаргонизмы, профессионально-групповые лексико-семантические жаргонные подсистемы и интержаргон (сленг) [Химик, 2004, с. 27–47]. На первом уровне формируются социализированное антагонистическое сознание, а также стремление к корпоративности, «стадности» подростков, что, с одной стороны, приводит к их отчуждению от норм, с другой стороны, вызывает тяготение к групповому подъязыку, социально-возрастному жаргону. Именно в данной возрастной подгруппе просыпается интерес к словотворчеству, реноминации, выражается самобытная социально-групповая оценка объективного мира.

Такого же мнения придерживается и А. Ю. Романов, считая, что приобщение к молодёжному жаргону и овладение молодёжным сленгом происходит в препубертатный период, в возрасте 12–14 лет, когда подростки, учась в школе, лишены ещё прав взрослых людей и зависимы от взрослых [Романов, 2004, с. 35]. Кроме того, американские исследователи выяснили, что пик употребления жаргонных грамматических средств приходится на 14–16 лет, в то же время, использование сленговых инвариантных вопросительных слов в конце предложения оказалось наиболее частотным в речи 17–19-летних носителей жаргона [приводится по: Романов, 2004, с. 38].

На втором уровне жаргонные подсистемы объединены общими интересами молодёжи, появляются групповые, социально-профессиональные вариации, и на третьем уровне содержатся лексико-семантические и фразеологические единицы с относительной устойчивостью и массовой употребительностью, которые подвергаются известному выравниванию, уходят от откровенно криминальных, маргинальных смыслов, приобретая относительную семантическую определенность. Но в целом, как отмечает В. В. Химик, ввиду бинарности молодёжной субкультуры молодёжная речь характеризуется стремлением к новизне словоупотребления с одновременным жёстким подчинением корпоративным

стандартам и непременно соответствует рекламным шаблонам массового вкуса. Кроме того, молодёжная речь характеризуется устойчивой тенденцией к юмору, шутке, насмешке, иронии, наполнена общим содержанием оценочного стереотипа, поэтому идеалом «хорошей» молодёжной речи автор называет речь оригинальную с элементами комизма.

Обобщая вышеизложенное, сформулируем общее определение молодёжной речи (языка): это определённая лексико-фразеологическая подсистема, основанная на базе грамматики и фонетики национального языка. Находясь в зависимости от физико-психологического состояния и социального статуса молодого поколения, молодёжная речь предпочитает заимствовать из социальных диалектов (арго, жаргон, сленг) элементы, обладающие экспрессивностью и образностью. Молодёжная речь характеризуется устойчивым стремлением к новизне словоупотребления, к юмору и иронии; её доминирующими характеристиками являются нестабильность, подвижность и полифункциональность.

Возвращаясь к таким понятиям, как литературный и разговорный язык, функционально-стилистические разновидности, необходимо выяснить, какое место занимает молодёжная речь среди этих понятий и каковы отношения между ними. Так как молодёжная речь представляет собой главным образом лексический пласт, мы не можем сказать, что это определённая разновидность национального языка – её следует рассматривать как стилистически окрашенную лексику.

Рассматривая понятие просторечия, В. В. Химик разделяет *социальное просторечие* (в традиционном понимании данного термина – как социальное расслоение национального языка) и *функционально-стилистическое просторечие* – особый лексикон, субстандартный лексико-фразеологический континуум, который представляет собой функционально-стилистическую разновидность, особый стилистический регистр общения, занимающий определённое место в социально-стилистической иерархии компонентов словарного состава национального языка [Химик, 2000, с. 191–200]. Иными словами, под просторечием понимается особо функционально-стилистический стиль нелитературного языка. Данное толкование соответствует новому пониманию стилей, которое построено не

на стилистической однородности речи, а на общей функционально-стилевой окрашенности речи, обусловленной закономерностями функционирования языковых средств в данной сфере общения [Кожина, 2020, с. 174].

Таким образом, молодёжная речь, будучи важным инструментом общения молодого поколения, обладает единством целей коммуникации, типа мышления и содержания. В качестве третьего слоя, составляющего просторечие, она представляет собой систему лексических средств с определенной функционально-стилистической окраской.

Принимая определение разговорного языка А. И. Горшкова (в рамках противопоставления «литературный язык – разговорный язык»), оставляя в стороне его расхождение с В. В. Химиком в определении просторечия (куда включены и элементы социально-профессионального диалекта – по терминологии Горшкова), можем заключить, что просторечие представляет собой подъязык (стиль) разговорного языка. В свою очередь, молодёжная речь также обладает характеристикой разговорного языка, или – по терминологии Химика – «разговорностью» (которая характеризуется сниженностью, экспрессивностью и диффузностью).

2.2. Характеристики молодёжной речи в русском и китайском языках

Как уже было упомянуто ранее, при изучении молодёжной речи основное внимание уделяется лексикографическому аспекту, в частности сленговой, жаргонной и просторечной лексике. В данном разделе будут рассмотрены характеристики этих лексических единиц в молодёжной речи.

Лексикон молодёжной речи пополняется разными способами, по мнению О. В. Библиевой, наиболее распространёнными путями пополнения молодёжного сленга русского и немецкого языков являются метафоризация, фразеология, заимствование из других языков, аббревиация и аффиксальные способы, автор также отмечает активность смешанного типа словообразования в молодёжном сленге [Библиева, 2008, с. 93–101]. А. И. Марочкин относит к основным способам

производства жаргонной лексики переосмысление значения слова (на основе метафоры, метонимии, синекдохи, без изменения лексической оболочки) и аффиксацию (с использованием как общеязыковых, так и специфических жаргонных аффиксов), сложение основ, сокращение (усечение, аббревиация) [Марочкин, 1998, с. 14]. А. Ю. Романов разделяет способы пополнения словарного запаса на две группы: морфолого-словообразовательные и лексико-семантические (за счёт семантических сдвигов), при этом заимствование из других слов занимает небольшую часть в процессе производства жаргонных слов [Романов, 2004, с. 71].

Согласно исследованиям китайских лингвистов, общепринятыми способами словопроизводства в китайском языке являются следующие четыре типа: словообразование на основе созвучия слов, комбинаторики морфем, по аналогии грамматических структур и с помощью тропов [Ли Жулун, 2002, с. 5]. За небольшое исключение словопроизводство китайского языка реализуется в основном на морфолого-словообразовательном и лексико-семантическом уровнях. Это отражается в собранных нами языковых материалах. Среди примеров из русского языка, около 27% слов образованы морфолого-словообразовательным путём, 38% – за счёт семантических сдвигов, 26% заимствованы из других языков, кроме этого, ещё примерно 7% слов образованы игровым способом по созвучию отдельных морфем, являющихся омонимами существующих в литературном языке слов. Среди примеров из китайского языка 47% образованы морфолого-словообразовательным способом, 24% – за счёт семантических сдвигов, и 23% примеров были заимствованы из других языков, и 5% были созданы путём игры слов, главным образом созвучия морфем.

Среди четырех групп примеров наиболее заметными в молодёжной речи являются заимствованные слова, так как, большинство из них изображается буквами иноязычных алфавитов. Например, в русском языке можно встретить такие слова как *lol* – ‘громко смеяться’, *ROFL* – ‘сильно смеяться’, *OMG* – ‘боже мой’, *kranky / cranky* – ‘раздражительный, капризный’, *geek* – ‘человек, чрезмерно увлеченный чем-л.’. В китайском языке такие выражения появляются с достаточно высокой частотностью: *OMG* – ‘боже мой’, *bug* – ‘ошибка или дефект в программе’,

DDL – ‘дедлайн, конечный срок’, *GG* – ‘конец игры’, *ето* – ‘эмоциональный, печальный’ и д. т. Такие выражения выделяется в языке своими уникальными словоформами, пользуются популярностью среди молодёжи.

Однако в русском языке большинство заимствованных слов, входя в молодёжную речь посредством транскрипции или транслитерации, не изменяют свои значения. Например, наблюдается использование в молодёжной речи таких слов, как *айз* (eyes) – ‘глаза’, *аск* (ask) – ‘спросить’, *баг* (bug) – ‘ошибка или дефект в программе’, *бакс* (bucks) – ‘доллар’, *бан* (ban) – ‘запрет’, *бейба* (baby) – ‘любимая’, *бест* / *бист* (best) – ‘самый хороший’, *блесс* (bless) – ‘благословлять’, *бойфренд* (boy-friend) – ‘парень’, *брух* (bruh) – ‘братан’, *буллинг* (bullying) – ‘агрессивное преследование и издевательство над одним из членов’, *бэг* (bag) – ‘сумка’, *вай нот* (why not) – ‘почему нет’, *вайб* (vibe) – ‘чувство атмосферы вокруг чего-л.’, *вау* (wow) – ‘ах, выражение удивления, восторга’, *геймер* (gamer) – ‘игрок’, *гениус* (genius) – ‘человек, который написал что-то умное’, *герла* (girl) – ‘девушка’, *гик* (geek) – ‘человек, чрезмерно увлеченный чем-л.’, *гоу* / *го* (go) – ‘идти’, *гот* (goth) – ‘представитель готической субкультуры’, *девайс* (device) – ‘устройство’, *дисс* (diss) – ‘оскорблять, принижать’, *дор* (door) – ‘дверь’, *дринк* / *дрынк* / *дриньк* (drink) – ‘пить’, *дэм* / *дем* / *дэмн* (damn) – ‘чёрт возьми’, *зиппер* (zipper) – ‘молния (застежка)’, *изи* (easy) – ‘легко’, *йоу* (yo) – ‘приветствие’, *коннект* (connect) – ‘связь (с Интернетом)’, *креза* (crazy) – ‘психбольница’, *кринж* (cringe) – ‘смесь неловкости и стыда’, *кэш* (cash) – ‘деньги’, *лавер* (lover) – ‘любимый’, *лайк* (like) – ‘нравиться’, *лайф* (life) – ‘жизнь’, *ЛОЛ* (lol) – ‘громко смеяться’, *мазер* (mother) – ‘мать’, *мани* (money) – ‘деньги’, *менйстрим* (mainstream) – ‘преобладающее направление в какой-л. области’, *митинг* (meeting) – ‘встреча’, *мун* (moon) – ‘луна’, *мэн* (man) – ‘мужчина’, *найт* (night) – ‘ночь’, *кек* (ㄉ ㄉ [kk]) – ‘смеяться’, *цуккоми* (ツ ッ コ ミ) – ‘человек, который пытается шутливо поддеть собеседника’, ‘шутка’ и многие другие.

В китайском языке ситуация несколько иная: он, в отличие от английского или русского, представляет собой идеограмму, поэтому заимствование иноязычных

слов обычно осуществляется путем транскрипции (передачи звучания и значения иноязычных слов с помощью слогов иероглифов) или перевода. Однако в связи с удобством и простотой использования исходной графики другого языка, китайская молодёжь отдаёт предпочтение варваризмам. Помимо приведенных выше примеров, в китайской молодёжной речи наблюдаются такие выражения, как *brainstorming* – ‘коллективное обсуждение проблем при полной свободе’, *brunch* – ‘поздний завтрак’, *challenge* – ‘сомневаться’, *city walk* – ‘прогулка по городу’, *city pop* – ‘сити-поп, жанр поп-музыки’, *chill* – ‘расслабляться’, *diss* – ‘оскорблять, принижать’, *fancy* – ‘модный, изысканный’, *fashion* – ‘модный’, *follow* – ‘следить’, ‘подписаться’, *flop* – ‘потерпеть неудачу’, *lifestyle* – ‘образ жизни’, *respect* – ‘выражение уважения говорящего собеседнику’, *rush* – ‘торопиться’, *title* – ‘звание’, *tufting* – ‘приготовление изделия с прошивным ворсом самостоятельно’, *tricky* – ‘сложный’, *cover* – ‘держатъ’, *vibe* – ‘чувство атмосферы вокруг чего-л.’, *omakase* (お任せ) – ‘омакасе, порция еды, приготовленная полностью на усмотрении шефа’ и др.

Кроме того, в связи с родственной близостью, в китайском языке активно используются слова, заимствованные из японского языка, записанные китайскими иероглифами с сохранением графической формы слов-источников. Таких примеров в молодёжной речи также немало: 毒舌 (毒舌) – ‘едкие замечания’, 断舍离 (断捨離) – ‘прекращать, выбрасывать, отдаляться, простой образ жизни’, 萌 (萌え) – ‘сильно притягиваться к чему-л.’, 逆袭 (逆袭) – ‘контратаковать, производить вылазку’, 天然 (天然) – ‘(человек) наивный, простодушный’, 同人 (同人) – ‘кружок единомышленников’, ‘кружок фанатов’, 应援 (応援) – ‘поддерживать’ и др.

Примеры транскрипции занимают не менее важное место среди заимствованных слова в китайской молодёжной речи: 艾特/爱特 [ài tè] (at) – ‘@, используется для упоминания или ответа другим пользователям в соцсетях’, 粉 [fěn] / 饭 [fàn] (fan) – ‘фан, поклонник чего-л.’, 糊 [hú] (flop) – ‘потерпеть неудачу’,

秀 [xiù] (show) – ‘представлять, показывать’, 控 [kòng] (コン [kon]) – ‘человек с определёнными предпочтениями’, 坦克 [tǎn kè] (tank) – ‘игрок, отвлекающий в бою внимание противника (монстра) на себя’ и т. п. Эти выражения в молодёжной речи в той или иной степени сохраняют свои фонетический и семантический аспекты.

Наряду с этим существуют и случаи, когда заимствованные слова, создаются морфолого-словообразовательным или семантическим способами. При этом нет чёткой демаркационной линии между ассимилированными заимствованными, чужими словами и признанными нормой, закреплёнными в литературном языке неологизмами [Шмелёв, 1973, с. 20]. Так что в дальнейшем мы рассмотрим такие заимствованные слова вместе с морфологическими дериватами и словами, образованными лексико-семантическими способами.

Морфологическое словообразование включает несколько подтипов (о чём уже упоминалось в начале данного раздела), среди которых, сокращённые слова представляют собой самую заметную и понятную группу.

Как в русской, так и в китайской молодёжной речи активно используются аббревиатуры, в том числе иноязычные. Кроме уже приведённых примеров, в русской молодёжной речи наблюдаются такие выражения, как АДК – ‘нанесение урона от атаки’ (от английского словосочетания *attack damage carry*), БТВ – ‘кстати’ (от английского словосочетания *by the way*), ДПМ (*damage per minute*) – ‘урон в минуту’, ДПС (*damage per second*) – ‘урон в секунду’, МВП – ‘наибольший ценный игрок’ (от английского словосочетания *most valuable player*), МГ – ‘боже мой’ (от английского словосочетания *my God*), ОФК – ‘конечно’ (от английского словосочетания *of course*), ОВА (*original video animation*) – ‘аниме, которое было выпущено в продажу на тех или иных видеоносителях’, спам – ‘мусорное письмо или сообщение’ (от английского словосочетания *serious pissing-off advertising mail* – ‘серьёзно задалбывающая рекламная почта’), РОФЛ – ‘громко смеяться’ (от английского словосочетания *rolling on the floor laughing* – ‘катаюсь по полу от смеха’), ДОД (давай останемся друзьями), ДММ (девушка моей мечты), ДР (день

рождения), *ЕМНИП* (если мне не изменяет память), *ЖБ* (жалоба), *ЛП* (лучшая подруга), *ПЖ* (пожалуйста), *СМ* (смени мозги), *СЛПВМ* (самая лучшая подруга в мире), *ЧЯДНТ* (что я делаю не так). Наряду с этим, в молодёжной речи ещё существуют неузואальные аббревиатуры, как преобразование уже общепринятых аббревиатурных слов, таких, как *ДММ* (детали машин и механизмов), однако количество таких примеров среди наших материалов очень мало, поэтому мы не будем описывать их подробно.

В китайском языке активно используются аббревиатуры английского и японского происхождения, к примеру: *AOE* (area of effect) – ‘область деятельности (термин гейма)’, *AVG* (adventure game) – ‘приключенческая игра’, *CB* (combination) – ‘неромантические отношения между персонажами’, *CP* (coupling) – ‘пейринг’, *DPS* (damage per second) – ‘урон в секунду’, *FWB* (friends with benefits) – ‘отношение без обязательств’, *HP* (hit points), *MC* (microphone controller) – ‘эм-си, хип-хоп-музыкант’, *OC* (original character) – ‘оригинальный персонаж’, *PK* (player killing) – ‘соревнование, один на один’, *ACG* (animation, comics, game) – ‘аниме, комикс и видеоигра’, *NS* (Nintendo Switch) – ‘игровая консоль’, *JK* (女子高生 [joshi-kousei]) – ‘японская ученица старших классов средней школы’, *DK* (男子高生 [danshi kousei]) – ‘японский ученик старших классов средней школы’, *KY* (空気を読めない人 [kuuki o yominai hito]) – ‘человек, у которого отсутствует проницательность’. Аббревиатуры японского происхождения образуются по начальным звукам словосочетания.

С другой стороны, аббревиатуры китайских слов могут быть образованы по начальным буквам фонетического письма, например: *awsl* (啊我死了 [a wǒ sǐ le]) – ‘умру’, *pyq* (朋友圈 [péng yǒu quān]) – ‘круг друзей в Вичате’, *rmb* (人民币 [rén míng bì]) – ‘китайский юань’, *wxnl* (我想你了 [wǒ xiǎng nǐ le]) – ‘скучаю по тебе’, *yugq* (阴阳怪气 [yīn yáng guài qì]) – ‘саркастический’, *y1s1* (有一说一 [yǒu yī shuō yī]) – ‘говорить правду’, *zqsg* (真情实感 [zhēn qíng shí gǎn]) – ‘истинное чувство’; или начальными иероглифами словосочетания, например: *高大上* (сокращённый

вариант фразы *高端大气上档次* – ‘высочайшего качества, высший класс, классный’), *人艰不拆* (сокращённый вариант фразы *人间已经如此艰难就不要拆穿了* – ‘жизнь так сложна, не стоит прояснять’), *社死* – ‘публично опозорится’ (сокращённый вариант фразы *社会性死亡* – ‘умереть публично’), *语死早* – ‘неумение хорошо говорить, выражать мнение’ (сокращённый вариант фразы *语文老师死得早* – ‘мой учитель по филологии рано умер’). Наблюдения показывают, что в молодёжной речи аббревиатуры широко используются вместо длинных выражений с целью экономии усилий. Однако в связи с ненормативным образованием и множеством возможностей расшифровки, аббревиатурные слова часто вызывают недопонимание или создают двусмысленность (это может быть одним из намерений говорящего в молодёжной среде).

Наряду с аббревиацией, усечение также служит важным способом образования сокращённых слов. В русской молодёжной речи чаще всего используется усечение конечной части основы: *азер* – ‘азербайджанец’, *акк* – ‘учётная запись пользователя’ (от слова *аккаунт*), *адекват* – ‘выражение одобрения’ (от слова *адекватный* – ‘хороший, здравый, разумный’), *дед* – ‘отец’, ‘старик, пожилой человек’, ‘студент последнего курса, старшеклассник’, ‘военнослужащий-срочник’ (от слова *дедушка*), *сёрж* – ‘сержант’, *универ* – ‘университет’, *шампань* – ‘шампанское’.

Встречаются примеры усечения заимствованных слов: *бро* (от *bro*) – ‘брат’, *брейк* – ‘брейк-данс’, *имба* – ‘персонаж или элемент в играх, который превосходит других по каким-л. характеристикам’, ‘что-то очень крутое’ (от слова *imbalance* – ‘неустойчивость, несоответствие’), *тины* – ‘молодёжь’ (от слова *тинэйджеры*) и др. Есть также примеры усечения начала или середины основы: *бот* – ‘интернет-бот’ (от слова *робот*), *драйв* – ‘жёсткое звучание гитары’ (от слова *овердрайв*), *алик* – ‘пьяница’ (от слова *алкоголик*); а также усечения вместе с универбацией, под которым понимается сложение слов из двух или более слов, например: *автомат* – ‘автоматический зачёт’, *отл* – ‘оценка отлично’, *пед* – ‘педагогический институт’, *уд* – ‘удовлетворительная оценка’ и т. п.

В китайской молодёжной речи усечение, по сравнению с аббревиатурой, представляет собой редкое явление: мы можем привести лишь несколько примеров, большинство из которых – заимствованные слова: *bot* – ‘интернет-бот’, *bro* – ‘брат’ (от слова *brother*), *cos* – ‘костюм, перевоплощение в роль с помощью костюма’ (от слова *cosplay*), *san* – ‘рассудок персонажей в играх’ (от слова *sanity* – ‘здравомыслие, здравый ум’), 赛博 – ‘что-л., связанное с кибернетикой’, ‘виртуальный, нереальный’, (от словосочетания *киберпанк* – ‘жанр научной фантастики на фоне технологического прогресса в компьютерную эпоху’), 佛 – ‘быть равнодушным ко всему’ (от японского слова 佛系 – ‘по-буддийски’). Существуют отдельные примеры усечения китайского происхождения: 摆 – ‘опустить руки, ничего не предпринимать’ (от слова 摆烂, в котором 摆 – ‘расставлять, поставить’, ‘показывать’, 烂 – ‘быть никудышным’), 尬 (от слова 尴尬 – ‘неловкий’).

Заметим, что в китайской молодёжной речи, в отличие от русского языка, существуют примеры усечения глагола, подобные приведенному выше слову 摆 – ‘опустить руки, ничего не принимать’. Иногда в результате такого усечения образуются омонимы уже существующих литературных слов: например, существительное 肝 (‘печень’) и глагол 肝 (‘напряжённо делать что-л.’), который происходит от словосочетания 爆肝 (‘испортить печень, взрывать печень’); существительное 水 (‘вода’) и глагол 水 (‘флудить’), происходящий от словосочетания 灌水 (‘обливать водой’), в котором вода означает бессмысленную информацию.

Усечение в русской молодёжной речи часто сочетается с аффиксацией, наблюдаются активное присоединение суффиксов *-а*, *-уха*, *-а*, *-ик*, *-як* к усеченным основам, к примеру: *жиза* – ‘жизнь’, *стена* – ‘стипендия’, *шиза* – ‘психическое расстройство’, ‘ненормальность’, ‘весельчак’, ‘навязчивая идея’, ‘наркотик’ (от слова *шизофрения*); *стипуха*, *стенуха* – ‘стипендия’; *адик* – ‘кроссовки фирмы «Адидаас»’, *базик* – ‘рынок’ (от слова *базар*), *бейбик* – ‘любимая’ (от слова английского происхождения *бейба*), *бёздник* – ‘день рождения’ (от английского

слова *birthday*), *паник* – ‘человек уважаемый’, ‘спонсор’; *игляк* – ‘процесс внутривенного введения наркотика’ (от слова *игла*), *кисляк* – ‘наркоман’ (от слова *кислота* – ‘наркотик’); *филон* – ‘студент филологического факультета’, *молодок* – ‘молодец’, *сорян* – ‘извиниться с иронией’ (от слова английского происхождения *сорри*) и пр.

К данному типу примыкают случаи сочетания усечения с универбацией: можем привести такие примеры, как *читалка* – ‘читальный зал’, *академка* – ‘академический отпуск’, *зачётка* – ‘зачётная книжка’, *практичка* – ‘практическая работа’, *парочка* – ‘оценка два’, *контра* – ‘контрольная работа’, *трёха* – ‘три рубля’ и пр. С помощью суффиксов вышеприведенные слова приобретают разговорный, ненормативный оттенок. Однако в китайском языке примеры сочетания усечения с аффиксацией и универбацией почти не встречаются, так как наиболее значимое место в словопроизводстве китайского языка занимает словосложение.

Кроме того, в молодёжной речи активно используется присоединение аффиксов к субстантивным основам иноязычного происхождения: *аватарка* – ‘картинка пользователя Интернета’ (от слова английского происхождения *avatar* – ‘воплощение, реальное воплощение божества’), *бобик* – ‘патрульный милиционер’ (вероятно, от имени английского происхождения *боб* или *бобби*), *ботик* – ‘интернет-бот’ (от слова *bot*), *бродилочка* – ‘компьютерная программа’ (от слова английского происхождения *browser* – ‘бродилка’), *герлуха* – ‘девушка’ (от слова английского происхождения *герла*), *герлушка* – ‘девушка’ (от слова *герла*), *герлёнок* – ‘девушка’ (от слова *герла*), *джипяра* – ‘тип автомобиля’ (от слова *джип*), *кенгуруха* – ‘спортивная куртка’ (от слова *кенгуру*), *металлистка* – ‘представитель неформальной молодёжной группировки’ (от слова *металлист*), *смайлик* – ‘улыбка’ (от слова английского происхождения *smile*), *ханочка* – ‘мать’, *чилдрёнок* – ‘ребёнок’ (от слова *child*), *чика* – ‘юная привлекательная девушка’ (от слова английского происхождения *chick* – ‘цыпленок’). Аффиксы присоединяются к различным основам с разными целями:

– к основам иноязычного происхождения, в результате чего подчёркивается грамматическое значение мотивирующего слова для адаптации иноязычных слов к

русскому языку, например: *лайтовый* – ‘облегченный, упрощенный’ (от прилагательного английского происхождения *light*), *лонговый* – ‘длинный’ (от слова английского происхождения *long*); *кульный* – ‘хороший, отличный’ (от слова *cool*), *кавайный* – ‘милый, хорошенький’ (от прилагательного японского происхождения 可愛い [kawai i]); *аскать* – ‘спросить’ (от глагола английского происхождения *ask*), *дринкануть* / *дринчать* / *дрынкать* / *надринкаться* – ‘пить спиртное’ (от слова *drink* – ‘пить’), *лукать* / *лукнуть* – ‘смотреть’ (от слова *look*), *сейвить* – ‘сохранить’ (от слова *save*), *сёрфить* (от слова *surf* – ‘заниматься сёрфингом’, ‘бродить по сети’) – ‘сидеть в Интернете’, *спикать* – ‘говорить’ (от слова *speak*), *чиллить* (от слова *chill* – ‘охлаждать’) – ‘отдыхать’;

– к основам иноязычного происхождения для придания словам специфического грамматического значения, к примеру: *тинэйджеры*, *тины* – ‘молодёжи’ (от слова *teenagers*), *гринь* – ‘деньги’ (от слова *green*);

– к субстантивным основам общеупотребительных слов, в результате чего образуются единицы со значением объекта или лица, например: *бомбер* – ‘граффитист’ (от слова *бомба*), *водяра* – ‘водка’, *капелька* – ‘маленький наушник’ (от слова *капля*), *дубинка* – ‘милиционер’ (от слова *дубина*), *горчичник* – ‘сто рублей’ (от слова *горчица* / *горчичка*), *гребешок* – ‘причёска у панка’ (от слова *гребень*), *грядка* – ‘столлик, место в ресторане’, ‘студенческая группа; компания’ (от слова *гряда*), *зайка* – ‘обращение к девушке’, *ириска* – ‘прилипчивая девушка’, *капелюха* – ‘немного’ (от слова *капля*), *капелюшка* – ‘немного’ (от слов *капля*), *корка* – ‘диплом’, ‘документ’, ‘высшее образование’, *лапуля* – ‘ласкательное обращение к девушке’ (от слова *лапа*), *листик* – ‘тетрадь’, *листовка* – ‘пачка сигарета’, *литрович* – ‘литровая бутылка водки’, *лялька* – ‘девушка, доступная в половом отношении’, *мясник* – ‘милиционер’, *площадка* – ‘лысина’, *пельмешка* – ‘девушка полная’, *свисток* – ‘милиционер’ (от слова *свист*), *сёмочка* – ‘семинар’, *солнышко* – ‘дорогой’ (от слова *солнце*), *степуха* – ‘стипендия’, *тёлка* – ‘девушка’, *тётка* – ‘девушка, доступная в половом отношении’, *фотка* – ‘лицо’ (от слова *фото*),

форточка – ‘большой перерыв’ (от слова *фортка*), *хорёк* – ‘девушка’ (от слова *хорь*), *ядрышко* – ‘учебный предмет ядерная физика’ (от слова *ядро*);

– к субстантивным основам жаргонных единиц, в результате чего образуются единицы со значением объекта или лица, к примеру: *бабулечки* – ‘деньги’ (от слова *бабка*), *бабочки* – ‘деньги’ (от слова *бабка*), *базарчик* – ‘небольшая ссора’, ‘разговор с выяснением отношений’ (от слова *базар* – ‘разговор’), *ботаник* – ‘человек с эрудицией’ (от слова *ботан* – ‘умный человек’), *ботанчик* – ‘человек с эрудицией’, *лавруха* – ‘деньги’ (от слова *лаве*), *валютчица* – ‘торгующая валютой’ (от слова *валюта*), *ментяра* – ‘милиционер’, *понтяра* – ‘некто показное’, ‘хвастливый человек’ (от слова *понты*), *стремак* – ‘страх’ (от слова *стрём* – ‘страх, тревога’), *цыплёнок* – ‘девушка’ (от слова *цып-цыпка-цыпочка*), *чувиха* – ‘девушка’ (от слова *чувак*);

– к субстантивным основам, вследствие чего образуются слова со адъективным значением мотивирующего слова, например: *бамбуковый* – ‘глупый, несообразительный’ (от слова *бамбук* – ‘человек глупый, несообразительный’), *бомбовский* – ‘классный, невероятный’, *вайбовый* – ‘расслабляющий’ (от слова *vibe*), *ваушный* – ‘удивительный, ошеломляющий, захватывающий дух’ (от слова *wow* – ‘междометие для выражения удивления’), *геморройный* – ‘человек, у которого неприятность (от слова *геморрой*)’, *зачётный* – ‘отличный, приемлемое’, ‘девушка красивая, сексуальная’, *имбовый* – ‘крутой’ (от слова *имба* – *imbalance* – ‘персонаж или элемент в играх, который превосходит других по каким-л. характеристикам’, ‘что-то очень крутое’), *кайфовый* – ‘доставляющий удовольствие’ (от слова *кайф* – ‘удовольствие, наслаждение’), *криповый* – ‘вызывающий неприязни, странный’ (от слова *скеер* – ‘зануда’), *ламповый* – ‘приятный, душевный, невероятно атмосферный и радушный’, *лампово* – ‘удобно, комфортно, расслабленно’;

– к субстантивным основам, вследствие чего образуются слова со значением действия, к примеру: *бакланить* – ‘говорить ерунду, глупости’ (от слова *баклан* – ‘человек неумный’), *буллить* – ‘изводить, мучить кого-л.’ (от слова *bullying*, см. выше), *гамать* / *гамить* / *геймить* – ‘играть’ (от слова *game*), *кекать* – ‘смеяться’

(от слова *кек*, см. выше), *найтовать* – ‘ночевать’ (от глагола английского происхождения *night*), *фейсовать* – ‘бить по лицу’ (от слова *face* – ‘лицо’);

– к адъективным основам, вследствие чего образуются слова со значением объекта или лица: *беляк* – ‘кокаин’, *беляшка* – ‘кокаин’, *голяк* – ‘отсутствие чего-л.’, ‘полная неудача’, *гнилушка* – ‘дешевое красное вино’ (от слова *гнилой*), *желток* – ‘азиат’, *зелёнка* – ‘папироса с наркотиком’, *кисляк* – ‘вино’, ‘выражение лица хмурое’, *красняк* – ‘вино’, *краснуха* – ‘Красная площадь’, ‘менструация’, ‘вино’, *краснушка* – ‘вино’, *креза* / *крейза* – ‘психбольница’ (от слова английского происхождения *крейзи* – ‘сумасшедший’), *креплёнка* – ‘креплёное вино’ (от слова *крепкий*), *няшка* – ‘человек милый’ (от слова *няшный*), *синяк* – ‘человек пьющий, алкоголик’, *синева* – ‘алкоголь’, ‘водка’, *тухляк* – ‘скука’ (от слова *тухлый* – ‘скучный’), *червивка* – ‘дешевое красное вино’ (вероятно, от слова *червонный*);

– к адъективным основам, в результате образуются слова со значением состояния: *лайтово* – ‘легко’ (от слова *light* – ‘легкий’);

– к глагольным основам для образования слов со значением процесса или результата действия, например: *балдёж* – ‘приятное времяпрепровождение’, ‘наркотическая эйфория’ (от слова *балдеть*), *бомбила* – ‘граффитист’ (от глагола *бомбить*), *благодарочка* – ‘благодарность, спасибо’ (от слова *благодарить*), *бухало* / *бухло* – ‘пьянка’ (от слова *бухать*), *бухалово* – ‘пьянка’ (от слова *бухать*), *буллинг* – ‘агрессивное преследование и издевательство над одним из членов, запугивание’ (от слова *bully*), *висяк* – ‘состояние компьютера, когда не реагирует на клавиатуру и мышь’ (от слова *висеть* – ‘быть в состоянии неисправности неопределённого долгое время’), *втиска* – ‘тусовка у кого-то дома’, *вывеска* – ‘лицо человека’ (от слова *вывесить*), *гонка* – ‘длинная, несвязанная и малоинформативная устная речь’, ‘ложная информация’, *дудка* – ‘сигарета, папироса с наркотиком’, *заготовка* – ‘нога’ (от слова *готовить*), *мазилка* – ‘косметика’ (от слова *мазать*), *мочалка* – ‘девушка, доступная в половом отношении’ (от слова *мочить*), *пойло* – ‘спиртное’ (от слов *пить*, *поить*), *стремалово* – ‘страх’ (от слова *стремать*), *штукатурка* – ‘косметика, макияж’, ‘слишком покрашенная девушка’ (от *штукатурить*), *училка*

– ‘учительница’, *хайло* – ‘крик’ (от жаргонизма *hi* – ‘привет, приветствие’), *ходуля* – ‘нога’ (от слова *ходить*), *хотелка* – ‘желание’ (от слова *хотеть*) и т. п.

Приведённые выше примеры показывают, что в качестве мотивирующих могут выступать не только русскоязычные, но и иноязычные слова, а также усеченные основы (в редких случаях – даже аббревиатуры, которых не было в собранных нами материалах). Аффиксация при словообразовании, с одной стороны, придаёт словам специфические грамматические значения (формообразовательные аффиксы); с другой стороны, формирует специфические лексические значения (словообразовательные аффиксы), чаще всего значение лица или предмета для субстантивных основ; кроме того, с помощью аффиксации мотивированные слова приобретают оценочно-эмоциональную окраску, это особенно свойственно некоторым жаргонным суффиксам, в том числе, *-ло*, *-уха*, *-ляк*, *-яра* и др.

Аффиксация в китайском языке занимает менее значимое место, количество суффиксов ограничено; в молодёжной речи используются суффиксы английского происхождения: *-ing*, который часто добавляется к глаголу со значением процессуального действия (в отличие от русского суффикса *-инг*, который сочетается с субстантивными или глагольными основами со значением процесса), например *发呆ing* – ‘оцепенеть’, *羡慕ing* – ‘заведовать’; суффикс *-er*, добавляется к глагольным основам, означающим человека, обладающего каким-либо качеством или принадлежащего какой-либо группе: *考研er* – ‘человек, сдающий вступительные экзамены в аспирантуру’, *追星er* – ‘фанат’.

Используются суффиксы-омонимы *门* (дверь), происходящие от перевода двух отдельных английских выражений. Первый из них образован от *Watergate scandal* (уотергейтский скандал в США), который был переведен на китайский язык как *水门事件*, где *水门* (*Watergate*) представляет собой топоним (букв. «водяная дверь»), а *事件* означает ‘событие’. В результате усечения *门* (дверь) стало использоваться как суффикс со значениями лица или события, который добавляется к субстантивным основам: *热门* (жаркая дверь) – ‘что-л. привлекательное’, *烫门* (горячая дверь) – ‘что-л. популярное’. Второй суффикс появился недавно от

английского слова *amen* – ‘аминь’ и переводится как 阿门 [ā mén] с помощью транслитерации. В молодёжной речи в результате усечения 门 используется как суффикс со значением одобрения, согласия, симпатии к чему-л.: 波门 – ‘Боччи, аминь’ (при этом 波 является усеченным вариантом клички героини аниме «Одиноким рокер!», 波奇 – Боччи); 麦门 – ‘Макдональдс, аминь’ (в котором 麦 является усеченным вариантом названия 麦当劳 – Макдональдса).

В отдельных случаях встречаются суффиксы японского происхождения, например суффикс 控, который является результатом транслитерации японского слова コン (кон) – ‘комплекс, психологический термин, означающий эмоционально окрашенное представление о чем-л.’ в значении ‘человек с определёнными предпочтениями’, добавляется к субстантивным основам, например: 姐控 (сескон) – ‘человек, который очень любит свою сестру’, 颜控 (внешность-кон) – ‘человек, который любит людей с хорошей внешностью’.

Встречаются отдельные примеры с китайскими суффиксами: -人 (человек), -精 (призрак), -党 (партия) и др., которые образуют слова со значением человека, обладающего неким качеством или принадлежащего к какой-то группе, например: 社会人 (человек общественный) – ‘безработная молодёжь’, ‘человек, которого опасно затрагивать’, 打工仔 (человек подрабатывающий, временщик) – ‘работник’, 工具人 (человек-инструмент) – ‘человек, к которому обращаются только когда нужна помощь’, 牛头人 (человек с бычьей головой) – ‘рогоносец’, 戏精 (призрак оперы) – ‘человек, ведущий себя с преувеличенным драматизмом и эмоциональностью’, 柠檬精 (призрак лимона) – ‘человек завидующий’, 剁手党 (партия резания руки) – ‘человек, который потратит много денег на покупки’, 洁癖党 (партия мизофобии) – ‘человек, который только читает фан-работу о любовных отношениях определённого пейринга (пары персонажей)’ и т. п. Несмотря на ограниченное количество китайских аффиксов, они активно присоединяются к субстантивному, глагольному и адъективному основам, придавая словам

специфические лексические и грамматические значения, а также разговорную окраску.

Словосложение, по мнению некоторых российских лингвистов, является сравнительно менее продуктивным способом в словопроизводстве жаргонизмов [Романов, 2004, с. 96]. Собранные нами материалы подтверждают это: в русской молодёжной речи обнаружено довольно ограниченное количество примеров, образованных путём словосложения: *агрошкольник* (от основ *агр-* – ‘агрессивный’ и *школьник*), *аэродром* – ‘большая аудитория’, ‘место тусовок’ (от основ *аэро* – ‘авиационный’ и *-дром* – ‘специальная площадка или специального путь’), *айти-тичер* – ‘учитель информатики’ (от основ *айти* (IT) – ‘информатика’ и *тичер* (teacher) – ‘учитель’), *алкоман / алкмэн* – ‘пьяница’ (от основ *алко-* – ‘алкогольный’ и *ман* – ‘человек’), *биостимулятор* – ‘коньяк’ (от основ *био-* и *стимул-*), *зомбоящик* – ‘телевизор’ (от основ *зомби* – ‘оживший труп’ и *ящик*), *кайфолом* – ‘человек, который портит другим хорошее настроение, зануда’, *кайфоломщик* – ‘зануда’, *кайфоломный* – ‘ленивый’ (от основ *кайф* и *лом-* – ‘ломать’), *кириешка* – ‘автомобиль марки «Kia Rio»’ (от основ *Kia* и *Rio*), *косоглазия* – ‘Азия’ (от основ *косо-* – ‘расположенный наклонно, под углом к горизонтальной плоскости’ и *-глаз-* – ‘глаза’), *кофемолка* – ‘рот’ (от основ *кофе* и *-мол-* – ‘молоть’), *лайфхак* – ‘совет, который вам пригодится в реальной жизни’ (от основ английского происхождения *life* – ‘жизнь’ и *hack* – ‘взломать (сеть)’), *маст-хэв* – ‘вещь необходимая или нужная’ (от основ английского происхождения *must* – ‘обязан’ и *have* – ‘вспомогательный глагол для образования форм совершенного времени’), *мейнстрим* – ‘основное направление в какой-л. области’ (от основ английского происхождения *main* и *stream*), *синеглазка* – ‘полицейская машина’ (от основ *сине-* и *глаз-*), *флешмоб* – ‘спланированная массовая акция’ (от основ *flash* – ‘внезапный’ и *mob* – ‘сборище’), *фрилавник* – ‘сторонник идеи свободной любви’ (от основ *free* – ‘свободный’ и *love* – ‘любовь’), *фрилафщик* – ‘сторонник идеи свободной любви’, *юзерник* – ‘картинка, которую пользователь выбирает себе в качестве «лица» на форумах и блогах’ (от основ *юзер* – ‘пользователь’ и *pic-* – ‘картинка’) и др.

Эти примеры в основном можно разделить на три типа:

- субстантивная основа + субстантивная основа;
- адъективная основа + субстантивная основа;
- глагольная основа + субстантивная основа.

Заметим, что в процессе словосложения принимают участие не только русскоязычные основы, но и аббревиатуры или усеченные иноязычные основы (как, например, *юзерник*, *алкоман*, *айти-тичер* и др.). Значение производного слова не является простым сложением значений образующих его основ, при этом на лексическое значение мотивированного слова оказывает влияние и аффиксация. Однако в русской молодёжной речи гораздо реже, чем в китайском языке, встречается повторение корневых морфем в качестве словообразовательного гнезда в процессе словосложения, что является более регулярным явлением в аффиксации. Можем привести отдельные примеры слов с основой *-дром*: *аэродром* – ‘большая аудитория’, ‘место тусовок’, *кишководром* – ‘столовая’, *психодром* – ‘место, где много нервных’ и др., но количество подобных примеров невелико.

Китайский язык характеризуется способностью к пополнению словарного запаса через словосложение. Однако, прежде чем рассматривать примеры, необходимо определить понятие *слово* с учётом особенностей китайского языка. Согласно мнению Д. Н. Шмелёва, слово – единица наименования, характеризующаяся цельноформленностью и идиоматичностью [Шмелёв, 1973, с. 55]. Однако в китайском языке из-за отсутствия морфологических показателей границы между морфемой, словом и словосочетанием становятся размытыми. Морфема в китайском языке характеризуется неопределённостью внешней формы и может быть свободной и связанной. Связанная морфема используется в составе слова с другими морфемами, в то время как свободная морфема может образовывать слово самостоятельно, что усложняет разграничение морфемы от одноморфемных слов.

Одноморфемные слова делятся на односложные – 人 ‘человек’, 天 ‘небо’; двусложные – 玻璃 ‘стекло’, 垃圾 ‘мусор’; даже трёх- или четырёхсложное – 蒙太奇 ‘монтаж’, 奥林匹克 ‘олимпиада’ (хотя такие слова часто имеют иноязычное

происхождение или звукоподражательный характер, и отдельный слог не несет определенного значения). Некоторые зарубежные лингвисты неправомерно приходят к выводу о совпадении морфемы со слогом [Хаматова, 2003, с. 19], в то время как в китайском языке иероглиф, а не морфема, тесно связан со слогом. Отдельный иероглиф или слог, в зависимости от контекста, может приобретать качества слов: например, иероглифы в слове 蒙太奇 ‘монтаж’, каждый из которых имеет отдельное значение: 蒙 – ‘покрывать’, ‘обманывать’, 太 – ‘наречие, слишком, очень’, 奇 – ‘необыкновенный’, в данном случае эти иероглифы представляют собой одноморфемные слова, значения которых отличаются от значения целого слова ‘монтаж’, поэтому 蒙太奇 [méng tài qí] является одноморфемным словом, образованным морфемой иноязычного происхождения *montage*.

Существуют некоторые способы разграничения слова и словосочетания: например, вставления специальных компонентов в середину слова или словосочетания, таких как служебное слово 的 (используется после определения; или глагола и прилагательного со значением предмета) (ср. 玻璃心 (сердце-стекло) – ‘душа ранимая’ и 玻璃的心 – ‘сердце из стекла’, в данном случае 的 изменяет значение слова, а 玻璃心 представляет собой слово). Таким образом, в китайском языке в качестве словообразовательной базы может выступать как морфема, так и слово (в том числе простое или сложное) [там же, с. 42].

По утверждению китайских лингвистов, в структуре слова или словосочетания сохраняется синтаксическая связь [Чжу Деси, 1982, с. 32], поэтому словосложение можно разделить на несколько подтипов по грамматическим соотношениям между основой или словом. В молодёжной речи существуют пять типов.

1. Сочинительное составное слово (между двумя основами или словами сочинительное отношение), среди них:

– адъективный компонент + адъективный компонент 傻白甜 (грубый, белый, сладкий) – ‘человек симпатичный, но наивный (обычно о девушке)’, 高大上 –

‘что-то высочайшего качества, внушительный, высшего класса’, 阴湿 (темный и сырой) – ‘замкнутый, мрачный, неуживчивый (о человеке)’, 高冷 – ‘высокомерный и равнодушный (о человеке)’;

– глагольный компонент + глагольный компонент 滑跪 (скользить коленом) – ‘извиниться быстро’, 滑产 (скользить и родить) – ‘творить фан-работу быстро’, 拿捏 (удержать, сжимать) – ‘держат в руках’ и др.

2. Модифицированное (подчинительное) составное слово (одна морфема (слово) модифицирует другую) среди них:

– субстантивный компонент + субстантивный компонент: 白菜价 (цена-капуста) – ‘дешёвая цена’; 玻璃心 (сердце-стекло) – ‘ранимая душа’; 朋友圈 – ‘круг друзей в Вичате’; 宝藏店 (магазин-сокровище) – ‘магазин, товары которого стоит купить’, 宝藏女孩 (девушка-сокровище) – ‘привлекательная, талантливая девушка’; 手癌 (рак-рука) – ‘делать описки’, ‘описки’, ‘человек, делающий много описок’, 懒癌 (рак-лень) – ‘патологическая лень’ (в которых основа 癌 (рак) означает некие недостатки человека, которые трудно исправить); 社畜 (скот компании) – ‘наёмный раб’, 学畜 (скот в школе / университете) – ‘раб учёбы’ и др.

В данный тип входят и примеры с аббревиатурной основой: с 位 (center) – ‘центральная место на сцене’ (с является аббревиатурой слова center – ‘центр’, 位 означает ‘место’), v 主播 (vtuber) – ‘виртуальный ютубер’ (v является аббревиатурой слова vtuber, 主播 означает ‘стример’), v 圈 – ‘круг общения о Вокалоиде’, (v является аббревиатурой Vocaloid – ‘японское программное обеспечение с целью имитации человеческого голоса при создании песен’), 野区 (джангл) – ‘территория между линиями, где обитают лесные нейтральные монстры’ (野 является аббревиатурой перевода слова джангл, иероглиф 区 означает ‘регион’) и др.;

– адъективный компонент + субстантивный компонент: 黑科技 (чёрная техника) – ‘технология или знание, обогнавшее своё время’; 黑历史 (чёрная

история) – ‘тёмная страница в жизни’, 黑料 (чёрный материал) – ‘сплетни’; 黑名单 (чёрный список) – ‘список заблокированных’; 冷笑话 (холодная шутка) – ‘неудачная шутка, которая часто вызывает неловкое молчание’; 冷知识 (холодное знание) – ‘малоизвестное знание’ и др.;

– глагольный компонент+ субстантивный компонент, в результате чего образуются слова с значением результата или субъекта действия: 拖延症 (болезнь-прокрастинация) – ‘склон к прокрастинации’, 打工狗 (собака подрабатывающая) – ‘работник’, 迷弟 (брат, очарованный, поглощённый чем-л.) – ‘фанат’ и др. В данном типе используется глагольная основа иноязычного происхождения: 博主 – ‘владелец блога’ (po является усеченным вариантом post – ‘постить’, 主 – ‘владелец, производитель действия’), 上传者 – ‘автор видеоролики на интернет-сайтах’ (up является усеченным вариантом upload – ‘загружать’) и др.;

– прилагательный компонент + глагольный компонент: 尬聊 – ‘вести неловкий диалог’, 尬讲 – ‘читать неловкую лекцию’ (в которых 尬 является основой прилагательного 尴尬 – ‘неловкий, неудобный’); 闪送 – ‘доставить товар в короткое время’, 闪现 – ‘появиться неожиданно, внезапно’ (в которых 闪 означает ‘быстродвигающийся’); 浅尝 – ‘попробовать немного’, 浅试 – ‘попробовать немного’ (в которых 浅 означает ‘неглубокий’, ‘немного’); 秒懂 – ‘понять быстро, в ту же секунду’, 秒杀 – ‘убить в ту же секунду (в игре)’, ‘купить мгновенно’ и др.

3. Субъектно-предикативное составное слово, среди которых встречаются:

– субстантивный компонент + предикатный компонент (глагольный или адъективный): 翻车 ((автомобиль) опрокидывается) – ‘потерпеть поражение’, 沉 ((корабль) затонет) – ‘потерпеть поражение’; 炸毛 (волосы взрываются) – ‘рассердиться’, 手滑 (руки поскользнутся) – ‘совершать промах’, 手抖 (руки трясутся) – ‘совершать промах’; 手残 (руки дефективны) – ‘криворукий (о человеке)’, 腹黑 (живот черноват) – ‘интриганский, двуличный (о человеке)’ и др.

4. Глагольно-объектное составное слово – глагольный компонент + субстантивный компонент, которые образуют слова со значением действия: 恰饭 (кушать еду) – ‘размещать рекламу или коммерческое продвижение в своём видеоролике или сайте с целью заработка’, 恰流量 (есть трафик) – ‘зарабатывать за счёт посещаемости (сайта или хоумпэйджа)’; 洗脑 (промыть мозги) – ‘что-то навязчивое, монотонное’, 洗耳朵 (промыть уши) – ‘обновить воспоминание о каком-либо звуке, слушать что-о нормальное, чтобы забыть услышанную мелодию или неприятный звук’, 打 call – ‘поддерживать’ (call в данном случае происходит от японского コール [kooru] – ‘ободряющий возглас’, 打 – ‘производить, пускать’), 打野 – ‘зарабатывать золото и опыт, убивая нейтральных монстров, встреченных в джунглях’ (野 означает джангл – ‘территория между линиями, где обитают лесные нейтральные монстры’; 打 – ‘воевать’) и др.

5. Глагольно-дополнительное составное слово – глагольный компонент + дополнительный компонент (в большинстве случаев адъективный): 摆烂 (проявить хаос) – ‘опустить руки, ничего не предпринимать’, 拉黑 – ‘тянуть в чёрный список’ (в котором 黑 представляет собой конечную точку действия стягивания), 洗白 (обелить) – ‘восстановить репутацию’, 抓狂 – ‘психануть’, 抓瞎 – ‘растеряться’ (в которых глагольная основа 抓 описывает действие говорящего, означающий ‘схватить, бороться за чем-л.’, а дополнительные компоненты 狂 и 瞎 представляют собой основы прилагательных, описывающих психологическое состояние говорящего – ‘безумный’ и ‘слепой, анархичный’); hold 住 – ‘выдержать’ (hold – ‘держат’, 住 служебное слово, подчёркивающее надёжность действия).

В представленном выше материале рассматриваются основные структуры китайского слова или словосочетания, образованных путем словосложения. Отметим, что при дальнейшем подразделении типов мы учитываем класс мотивирующего слова. Несмотря на отсутствие в китайском языке морфологических показателей, что заставляет некоторых западных лингвистов

отрицать существование понятия «класс слова», многие китайские лингвисты утверждают, что оно имеет значение в китайском языке: классификация слов не только помогает систематизировать грамматику, но и уточняет значения самих слов.

Классификация слов китайского языка основывается на грамматической функции: принимаются во внимание такие факторы, как роль слова в предложении и сочетание с другими словами, в частности с наречиями 不 (не-), 很 (очень), служебными словами 着 (слово, указывающее на настоящее время глагола), 了 (слово, указывающее на прошедшее время глагола) и др. Важно отметить, что в китайском языке отношение между классами слов и членом предложения не является взаимно-однозначным. В отличие от русского и английского языков, где в качестве обстоятельства обычно выступает наречие (за исключением формы косвенных падежей или придаточных предложений), в китайском языке часто встречается сочетание основ прилагательного и глагола, например: 假笑 – ‘фальшиво улыбнуться’, 快走 – ‘быстро идти’ (в данном случае трудно подобрать русское прилагательное, однако оба 假 – ‘фальшивый, искусственный’ и 快 – ‘быстрый’ можно сочетать с наречием 很, что свидетельствует об их классе) и др. Такие сочетания прилагательных с глаголом встречаются относительно редко в литературном языке, но они активно используются в молодёжной речи. Из этого следует, что класс слов не может быть просто заменен членом предложения.

Как было сказано выше, определение классов слов помогает уточнить значение слов: класс слова оказывает влияние на его лексическое значение, а также на его потенциальную сочетаемость с другими словами, что и отражается в переводе на другой язык: например, слово 高 в китайском языке принадлежит одновременно к существительным, глаголам и прилагательным: ‘высота’ – 身高 (рост, 身 означает ‘корпус тела’, определяющий высоту), ‘быть выше, превосходить’ – 高出 一头 (выше на голову), ‘высокий’ – 高楼 (высокое здание), таким образом более отчётливо представляется семантическая структура слова 高.

В процессе словосложения класс мотивированного слова определяется внутренней структурой слова или словосочетания. В общем случае опорная основа играет ключевую роль. Например, слово *打工狗* (буквально переводится как *собака подрабатывающая*) в переводе означает ‘работник’ и является существительным. В глагольно-объективном слове опорной основой является глагол, как в слове *打工 call* (буквально переводится как *производить возглас*) означает ‘поддерживать’, представляя собой глагол. В русском языке аффиксы играют более значимую роль в этом смысле (ср. *биостимулятор*, *кайфломщик*). По сравнению с моделями словосложения в китайском языке, в русской молодёжной речи модели субъектно-предикатного и глагольно-дополнительного отношения встречаются редко. Они выражаются словосочетаниями или фразеологизмами: ср., например, китайское выражение *肝疼* (печень болит) – ‘устать (от игры)’, ‘устать’ и русское – *печень рассыпалась на атомы* – ‘похмелье’.

Выше рассмотрены основные морфолого-словообразовательные способы, используемые для расширения словарного запаса русской и китайской молодёжи, которые могут быть отнесены к так называемой синтаксической деривации (то есть образование слов, идентичных по значению производящим и отличающихся только синтаксической функцией). Этот процесс активно используется как в русской, так и в китайской молодёжной речи. Однако заметим, что в некоторых из приведённых нами примеров существует несоответствие между значениями мотивирующей основы и мотивированного слова, которое можно наблюдать как в аффиксации (*пельмешка* – ‘полная девушка’, *кисляк* – ‘вино’, хмурое ‘выражение лица’, *гонка* – ‘длинная, несвязанная и малоинформативная устная речь’, ‘ложная информация’, *工具人* (человек-инструмент) – ‘человек, к которому обращаются, только когда нужна помощь’, *柠檬精* (призрак лимона) – ‘человек завидующий’, так и в словосложении (*менйстрим* – ‘основное направление в какой-л. области’, *кофемолка* – ‘рот’, *биостимулятор* – ‘коньяк’, *野区* (джангл) – ‘территория между линиями, где обитают лесные нейтральные монстры в игре’, *洗耳朵* (промыть уши) – ‘обновить воспоминание о каком-либо звуке’ и др.). В значениях

производных слов появляются семантические компоненты, которыми не обладают производящие слова.

При анализе приведенных выше примеров можно заметить, что причиной преобразования лексического значения производящей основы часто является переосмысление составной морфемы или слова посредством метафоры или метонимии. В большинстве случаев перенос значения происходит в одной из основ, где значение производных слов меняется в соответствии с опорной морфемой или словом: *пельмешка*, *менйстрим*, 工具人 (человек-инструмент). Однако существуют и примеры, которые основываются на переосмыслении всего значения, то есть, значение мотивированного слова не выводится из суммы значений его структурных частей: *кисляк*, *кофемолка*, 洗耳朵 (промыть уши).

Таким образом, в процессе словообразования молодёжной речи морфолого-словообразовательный способ нередко сочетается с лексико-семантическим. Метафорически или метонимически переосмысленная морфема или слово также играет важную роль в словообразовательном процессе. Среди собранных нами материалов встречается значительное количество таких слов: в русской молодёжной речи их доля составляет 31%, в китайской – 49%. Если мы учитываем лексику, образованную переосмыслением морфемы (слова), и лексику, мотивированную переосмысленной морфемой (словом), то обнаружим, что среди собранных нами материалов слова, образованные на основе метафоризации и метонимизации, в русской молодёжной речи составляют 70%, в китайской – 73%. Это подтверждает их значительную роль в словарном запасе как русского, так и китайского языка, так что в данной работе мы будем рассматривать и примеры семантической деривации, и соответственные производные примеры.

ВЫВОДЫ

В данной главе мы проанализировали понятия молодёжи и молодёжной речи во взаимосвязи с понятиями литературного языка, разговорного языка, функционального стиля, а также определили положение молодёжной речи в системе национального языка.

Подводя итоги, следует сформулировать следующие выводы.

Содержание понятия «молодёжь» различается в зависимости от страны и международных организаций. Определение на основе возрастных критериев является недостаточным, необходимо также учитывать социальные характеристики молодёжи. Следовательно, под понятием «молодёжь» подразумевается социальная группа людей от позднего подросткового возраста до 33–35 лет с нестабильным социальным и психофизиологическим статусом.

Молодёжная речь представляет собой лексико-фразеологическую подсистему с определённой функционально-стилистической окраской. Источник молодёжной речи демонстрирует многообразие: молодёжной речи свойственно заимствование как изнутри – прежде всего из литературного языка, социальных диалектов, фонда устаревшей лексики; так и снаружи – из иноязычных лексик. Среди этих социальных диалекты (арго, жаргон, сленг) и разговорная речь служат очень важными источниками словарного запаса молодёжной речи. В процессе заимствования используются морфолого-словообразовательные и лексико-семантические средства, при этом морфолого-словообразовательный способ нередко сочетается с лексико-семантическим.

При анализе русской и китайской молодёжной речи обнаруживается активное использование таких морфолого-словообразовательных средств, как аббревиация, усечение суффиксация, сложение корней. Нередко встречается в обоих языках сочетание двух разных средств.

В русской молодёжной речи более активно применяется суффиксация, а в китайском языке – сложение корней, что может быть объяснено структурными и грамматическими особенностями языков двух стран. Русский язык характеризуется

богатой системой суффиксации, что предоставляет молодёжи широкий выбор морфем для образования новых слов. С другой стороны, китайский язык, с его сложной системой иероглифов, может способствовать использованию аббревиации и сложения корней в целях экономии времени и простаты при коммуникации.

Следует отметить, что слова, образованные с помощью переосмысления коренной морфемы и путём семантической деривации, составляют основную часть лексикона как в русской, так и в китайской молодёжной речи, что свидетельствует о важной роли тропа в процессе пополнения лексического состава молодёжной речи.

ГЛАВА 3. ТРОПЫ В РЕЧИ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

В предыдущей главе были рассмотрены определение молодёжной речи, её состав, основные характеристики и способы образования. Как уже было отмечено, в процессе словопроизводства важную роль играют лексико-семантические способы. Согласно данным А. Ю. Романова, в языковых субстандартах около половины сленговых единиц возникают как производные от слов, основные значения которых являются литературными [Романов, 2004, с. 4]. Значительное количество молодёжных слов было заимствовано из литературного языка, социолектов, иностранных языков без изменения их лексической формы – меняется лишь их семантический аспект. В рамках лексико-семантического словообразования наиболее значимыми способами семантической деривации являются метафора и метонимия, именно они служат основой появления регулярной многозначности слов.

В ходе исследования семантического развития сленга в русском языке на современном этапе Р. И. Розина отмечает, что в настоящее время наступает период стабилизации сленгов: по сравнению с началом перестройки, заимствования из других языков перестали играть первостепенную роль – активным источником пополнения сленга являются производные слова, образованные от сленговых основ [Розина, 2005, с. 30–33]. Другими словами, новое значение сленгизма может быть мотивировано уже существующими сленговыми значениями, поэтому при рассмотрении семантической деривации сленгизмов необходимо исключать такие случаи, когда производные слова, образованные другими способами, являются омонимами уже существующих в литературном языке слов (например, *ловить* в значении ‘зарабатывать’ происходит от сленгизма *лаве* – ‘деньги’ [там же, с. 101]. В ходе анализа тропов в молодёжной речи необходимо относиться к подобным случаям с осторожностью: установить истинное исходное значение слова и выявить соотношение между исходным и производным значениями. Исходя из этой

предпосылки, рассмотрим метонимию и метафору в конструкциях с существительными, глагольными и прилагательными в молодёжной речи.

3.1. Семантическая деривация в конструкциях с существительными в молодёжной речи

Как было указано в разделе 1.2, мы предполагаем, что основа метонимического сдвига заключается в перестановке акцентов на участниках, которая может быть сопровождать категориальный перенос, в то время как метафорический сдвиг основывается на тематическом переносе участников, который может сопровождать категориальный и тематический перенос имён существительных. Поскольку список Т-категорий ещё не полностью определён, в данном разделе мы будем опираться на выводы учёных, представленные в разделе 1.2.

3.1.1 Метонимия в конструкциях с существительными в речи русской и китайской молодёжи

Как было отмечено в разделе 1.2, перенос «часть–целое» является основным направлением метонимии в адъективных конструкциях, среди примеров существительных он также занимает немаловажное место. Слова, имеющие категориальную принадлежность к части и использующиеся в предложно-падежных конструкциях типа генитив с предлогами *у, от, на* и др., могут означать релевантное целое при метонимическом переносе; а целое в этом процессе деривации снимает коммуникативный ранг, отсутствуя на синтаксическом уровне. Если рассмотреть отдельное имя существительное, то это выглядит как простая замена имени-целого именем-частью. Однако в русской молодёжной речи количество примеров переноса «часть–целое» относительно невелико: *браслетки* – ‘наручные часы’, *колёса* – ‘автомобиль’, *кора, корка, корочки* – ‘документ’, ‘диплом’, *стеклышки* – ‘очки’, *подошвы* – ‘обувь’ (в китайском языке подобных примеров ещё меньше). Условно можно отнести к этому типу такие единицы, как *бабки, бабочки, бабулечки* – ‘деньги’ из-за их неясного происхождения (вероятно, от изображения Екатерины II на банкноте). Сходным образом в китайской

молодёжной речи можно привести пример *毛爷爷* (дед Мао) в значении ‘100 юаней’ (на банкноте напечатано изображение председателя Мао Цзэдуна).

К этому же типу относится значительная группа примеров переноса «часть тела–человек» (например, *говорящая голова*, означающая ‘преподавательницу небольшого роста’). Так как часть тела может рассмотрена как функциональный орган человека, с помощью которого выполняются те или иные действия, в данной группе часто учитывается функционирование части тела, что придает словам в данной группе возможность обозначать человека с определёнными характеристиками.

В русском языке используются такие выражения, как: *мозг* – ‘умный, эрудированный человек’, *череп* – ‘усердный школьник’, ‘гений’, ‘единомышленник’, ‘приятель’, ‘друг’, ‘отец’, которые основываются на мыслительной функции головы как части человека, в результате чего *мозг* и *череп* используются для описания умного человека; единомышленника, друга; или человека, который чаще всего играет решающую роль в семье. Производное от слова *голова* – существительное *головастик* обладает сходными значениями: ‘эрудированный студент’, ‘абитуриент’. Кроме этого, в русском языке сходными примерами являются такие словосочетания, как *выносить мозг* – ‘надоедать, донимать бессмысленными разговорами’, *ездить по мозгам* – ‘оказывать наркотическое воздействие’, *глаз выпал, глаза по семь копеек, айзы на лоб лезут* – ‘удивиться’, *печень рассыпалась на атомы* – ‘похмелье’, *кишки наружу* – ‘излишнее волнение’.

В китайском языке существуют выражения со словом *脑* (мозг), которое означает ‘человек с определённой мыслью’. Например, *恋爱脑* (амурный мозг) используется для обозначения ‘мозга, полного мыслей о любви’ или ‘человека, который всегда думает о возлюбленном’. Также есть выражение *无脑* (без мозга), что означает ‘некто безмозглое’ или ‘бессмысленное’. Слово *颜* (от японского *顔* – ‘лицо’) часто используется для описания внешности человека: *美颜* (красивое лицо) употребляется как прилагательное в значении ‘привлекательный внешне’,

‘красивый’ или глагол в значении ‘сделать фото кого-то красивым’; 颜值 (шкала лица) – в значении ‘индекс привлекательности’. Слово 手 (рука) имеет значение ‘человек, сильный в чём-либо’: например, 画手 (рука рисования) – ‘человек, хорошо умеющий рисовать’, 文手 (рука писания) – ‘человек, хорошо пишущий статьи (часто фан-работы)’, 高手 (высокая рука) ‘человек, способный к чему-л.’; или 新手 (новая рука) – ‘новичок’, а 手残 (рука дефектна) означает ‘криворукий человек’. Также в китайской молодёжной речи используются выражения 腹黑 (живот черноват) в значении ‘двуличный человек’, 爆肝 (испортить печень, взрывать печень) – ‘напряжённо делать что-л.’, 交肾 (передать почку) – ‘заплатить’.

Как и в русском языке, вторичные значения слова данной группы образуются на основе функционального аспекта соответствующих частей тела – мозг представляет собой орган мышления, рука определяет мануальную ловкость человека, живот – место для сохранения неблагоприятных мыслей. На самом деле выражение 腹黑 (живот черноват) происходит от японского слова 腹黒 в значении ‘человек с извращённым сердцем, противный в душе’, которое заимствовано в молодёжную речь в связи с тем, что в китайском литературном языке существует сходное производное значение: например, в словосочетаниях 腹诽 – ‘противиться внутри, скрыто’, 满腹牢骚 (живот полн жалобами) – ‘быть неудовлетворённым’.

В слове 爆肝 (испортить печень, взрывать печень) печень рассматривается как главный орган метаболизма. При метонимическом переносе внимание переносится с функционального аспекта части тела на действие человека – ‘испортить печень для того, чтобы выполнить какую-то задачу’. На основе данного выражения образуется сокращённая форма 肝 (печень), который используется как глагол со значением ‘напряжённо делать что-л.’ На основе этого возникает ряд словосочетаний, таких как 肝帝 (эмпирия-печени) – ‘очень работающий человек’, 肝力 (сила печени) – ‘большие усилия’. Название органа 肾 (почка) при

метонимическом сдвиге, основанном на её «необычной» функции: продать на чёрном рынке с целью получения деньги, используется в составе таких выражений, как *交肾* (передать почку) – ‘заплатить’, *肾* – ‘заплатить’ (сокращенная форма *交肾*) и др.

В данный тип входит также небольшая группа примеров, которые основываются на стереотипах об определённых группах людей: *волосатые* – ‘хиппи’, *борода* – ‘отличник’, ‘зубрила’; *косоглазия* – ‘Азия’, *眯眯眼* (косоглазие) – ‘расчетливый человек, скрывающий все мысли’ и др.

Наряду с этим наблюдается перенос признака с части тела на другую «часть тела». Так, слово *脸* (лицо) в молодёжной речи используется в значении ‘выражение’, например: *扑克脸* (покер-фэйс) – ‘каменное лицо’, *臭脸* (тухлое лицо) – ‘кислая мина’, а *痴汉脸* (лицо тикана, от японского языка 痴漢 [tikan], ‘развратник’) – ‘страстное выражение’. В китайском языке *脸* (лицо) и *表情* (выражение) являются отдельными частями головы, составляющими отношение «часть–целое», о чём свидетельствует словосочетания *脸上的表情* – ‘выражение на лице’, *脸色* (цвет лица) – ‘выражение лица’. В русском языке выражение также является частью лица, можем наблюдать в литературном языке существуют такие словосочетания, как *неприятное лицо*, *каменное лицо*, *держатъ лицо* – ‘контролировать эмоции’, но сходного примера в молодёжной речи не наблюдается.

Сходным примером служит слово *头* (голова) в значении ‘волосы’: *飞机头* (голова-самолёт) используется для описания ‘мужской прически, похожей на самолёт: коротко подстриженные виски и затылок, волосы сверху зачёсаны вперёд’; *妹妹头* (голова-сестра) означает прическу ‘боб-каре с прямой челкой’. Отношения «часть–целое» *头* (голова) и *发* (волос) иллюстрирует выражение *头发* (головной волос). В русском языке подобные примеры можно наблюдать в литературном языке: *рыжая голова*, *розовая голова*. Таким образом *脸* (лицо) и *头* (голова) в номинативной конструкции переносят признак части на целое.

Также в речи молодёжи обеих стран предпочтительным является использование названий или марок компаний для обозначения их товаров. В русском языке мы можем привести такие примеры, как: *адики* – ‘кроссовки фирмы «Адидас»’, *камель* – ‘сигарет марки «Camel»’, *мердесец, мерсюк, мерзавец, мерс* – ‘автомобиль марки «Mercedes»’, *кириешка* – ‘автомобиль марки «Kia Rio»’; в китайском языке: *华子* (хуацзы) – ‘сигареты марки Чжунхуа’, *苹果* (яблоко) – ‘продукция компании «Эпл»’, *华为* (Хуавей) – ‘смартфон компании Хуавей’, *阿迪* (Ади) – ‘кроссовки фирмы «Адидас»’, *AJ* (Air Jordan) – ‘баскетбольная обувь бренда «Air Jordan»’, *优衣库* (Uniqlo) – ‘одежда японской компании «Uniqlo»’, *加拿大鹅* (Canada Goose) – ‘пуховик канадской компании «Canada Goose»’ и др. Эти примеры демонстрируют перенос значения с целого на часть, что в первый взгляд, выглядеть как противоположный процесс по сравнению с предыдущим типом.

В этой связи интересны, на наш взгляд, такие примеры, как *краб* в значении ‘рука’, *кенгуру* со значением ‘сумка’. Здесь отношения «часть–целое» выражается конструкцией *X у Уа*: *рука у краба, сумка у кенгуру*. В отличие от конструкции *XУа*, конструкция *X у Уа* при выражении значения «часть–целое», более ориентируется на *У*, акцентируя внимание на целостность *У* и неотделимость *X* от *У* [Рахилина, 2008, с. 55–57]. В то же время отношение «часть–целое» в случае с наименованиями продукции и компании часто выражается не конструкцией *XУа*, а аппозитивным словосочетанием, как например, *автомобиль Mercedes, телефон эпл.*, в этом контексте они воспринимаются как принадлежность объекта. В таком случае мы предполагаем, что между исходным и деривационным значением этих примеров не «часть–целое» отношение, а отношение принадлежности, в котором свойство, принадлежащее к какому-то объекту, имеет возможность означать данный объект.

Сходным образом упомянутые выше (см. предыдущий абзац) компании специализируются на производстве определённых товаров, которые привлекают большое количество потребителей. В этом контексте они воспринимаются как принадлежность объекта, свидетельством чего, возможно, служит выражение

кроссовки Адидас, автомобиль Мерседес, в которых используется не генитив, а сочинительные отношения; в китайском языке адъективная конструкция также способна выражать принадлежность, то же самое с конструкцией *X у Ya*. В этих примерах показана возможность переноса свойства объекта на сам этот объект.

Сходным типом метонимии в молодёжной речи служит перенос наименования цвета на объект данного цвета, в котором слово, относящееся к категории цвета, имеет возможность обозначать объект определённого цвета при метонимическом переносе. Например: *зелёные, гринь* – ‘деньги’, ‘доллары’, *зелёное* – ‘высококачественный сырец гашиша’; *красный* – ‘документ об окончании учебного заведения’, ‘солдат-пехотинец’; *белый, белая леди, белая пудра* – ‘кокаин’, *белый дом* – ‘туалет’, *белый друг* – ‘унитаз’; *голубая дивизия* – ‘милиция’, *синий экран* – ‘экран Windows о серьёзной ошибке’ и т. д.

В данный тип также включаются производные слова от названий цветов: *зелёнка* – ‘папироса с наркотиком’; *краснуха* – ‘менструация’, ‘вино’, ‘Красная площадь’; *красняк, краснушка* – ‘вино’; *беляк, беляшка* – ‘кокаин’; *синева, синее* – ‘алкоголь’, ‘водка’ и др., а также случаи использования названия цвета для наименования человека: *желток* – ‘азиат’; *блэк* – ‘африканец’, ‘кавказец’, *чернуха, чернушка* – ‘африканец’. В китайском языке количество примеров, относящихся к данной группе невелико: *小黄* (желтяк) – ‘велопрокат марки OFO’, *小蓝* (синька) – ‘велопрокат марки BLUEGOGO’, *小橙* (оранжевый) – ‘велопрокат марки Мобайк’; *黑金* (чёрно-золотой) – ‘что-то качественное, роскошное’.

Интересный пример – *小粉红* (розовый) – ‘китайский сайт сетевой литературы Цзиньцзян, цветом фона которого является розовый’, ‘патриот, часто экстремистский’. Второе значение *小粉红*, связанное со сложными событиями в Интернете, изначально относилось к пользователям сайта сетевой литературы, большинство из которых девушки. Здесь происходит трёхкратный метонимический перенос – название сайта становится наименованием его пользователей. Далее, в связи с тем, что некоторые из пользователей сайта начали с гордостью признавать

свою идентичность как патриотов, розово-красный цвет стал связываться с метафорическим значением ‘патриот’ и со временем приобрёл негативный оттенок.

Также небольшая группа примеров, относящихся к категории материала на основе конструкции *X из Y*. При метонимическом переносе *Y* может означать *X*. В русском языке примерами такого переноса служат выражения *стекло* – ‘украшение’, ‘ампула с наркотиком’, ‘бутылка спиртного’, *листик* – ‘тетрадь’, *листок, листовка* – ‘сигарет пачка’, *железо* – ‘аппаратная часть компа или другой электронной техники’, ‘собирательное название металлических доспехов и оружия’, *булат* – ‘лезвие’, ‘нож’, ‘кинжал’, *бумага* – ‘деньги’, ‘плакат’, *трава* – ‘анаша’ (трава дьявола), ‘наркотик для курения’, ‘сигарета с гашишем’.

В китайском языке в рамках данной группы распространены названия тканей, используемые для описания одежды, изготовленной из этих материалов. Например, *摇粒绒* (поларфлис) – ‘куртка из поларфлиса’, *苏丽绒* (альпака) – ‘пальто из альпаки’, *灯芯绒* (вельвет-корд) – ‘одежда из вельвета-корда’ и др. Эти выражения обычно имеют разговорный характер. В молодёжном сленге также встречаются выражения типа *塑料* (пластик) – ‘статуэтка, сделанная из пластика’, *胶* (пластмасса) – ‘модель, сделанная из пластика’, *纸片* (бумага) – ‘сопутствующие товары, сделанные из бумаги’, *流麻* (пайетки песочные) – ‘декоративные изделия с пайетками’ др. (количество примеров данного типа сравнительно невелико).

Слово, относящееся к категории местонахождения, имеет возможность обозначать объект, находящийся в данном месте. Этот тип представлен небольшой лексической группой: в русской молодёжной речи это такие слова, как *айзы* – ‘очки’, *енот, самурай* – ‘японец’, *карман, кошелёк* – ‘милиционер’ и др.; в китайской – *樱花妹* (сестра-сакура) – ‘японка’, *熊猫妹* (сестра-панда) – ‘китаянка’, *大款* (денежный мешок) – ‘богатый человек’, *宅* (дом) – ‘домосед, человек, который не любит выходить из дома’ и др.

Интересен механизм семантической деривации в последнем примере: слово *宅* имеет японское происхождение, однако его переносные значения в двух языках

различаются. В японском литературном языке 御宅 (おたく) [otaku] обозначает ‘Ваш дом’ и ‘уважительное обращение к членам семьи (мужу или жене) адресата’ – это обращение широко используется представителями субкультуры, поэтому стало названием для этой группы людей, выражающим значение ‘фанат аниме или манги’, от которого, в свою очередь, появилось производное значение – ‘человек, увлекающийся чем-либо’. В китайском языке в производном значении данного слова учитывается исходное значение иероглифа 宅 – ‘дом’, что служит основой метонимического переноса типа «местонахождение–объект», который описывает человека-домоседа.

Примеры *карман*, *кошелёк* – ‘богач’ в русском языке и 大款 (денежный мешок) – ‘богатый человек’ в китайском, на первый взгляд, относятся к типу «одежда–человек», на самом же деле, они основаны на многократном переносе: наименования *карман*, *кошелёк*, *мешок* переносятся сначала с вместилища на содержащийся в нём объект – деньги, затем на основе отношения «часть–целое» (*человек с деньгами*) приобретают значение ‘богатый человек’.

Метонимический сдвиг «вместилище–содержание» также основывается на локальном отношении, в котором наблюдается использование таких примеров, как *пакеты* – ‘карманные часы’, *стекло* – ‘лекарства в ампулах’, ‘морфин’, *стекляшка* – ‘наркотик в ампулах’, *стан*, *коробок*, *короб* – ‘определённая мера наркотика’, *фуражка* – ‘милиционер’, *пиджак* – ‘студент гражданского вуза’, *халат* – ‘студент медицинского института’, *сапог* – ‘военнослужащий’, *Адидас* – ‘студент третьего курса военного училища’, ‘преподаватель физкультуры’ и т. п.

Подобные примеры редко встречаются в китайской молодёжной речи; они активно используются в художественных текстах: 白大褂 (белый халат) – ‘доктор’, 红领巾 (красный галстук) – ‘пионер’, 三道杠 (три полосы) – ‘бригадир пионерского отряда’, 两道杠 (две полосы) – ‘командир пионерского отряда’ и т. д., либо имеют разговорный оттенок: 大白 (белый защитный костюм) – ‘медицинский сотрудник в белом защитном костюме’, в которых используется одежду или часть одежды для описания человека. Однако стоит отметить, что слово,

относящееся к классу одежды, в китайском языке трудно отнести к вместительности или местонахождению, так как с ним сочетается глагол 穿 – ‘надевать (пальто)’, 戴 – ‘носить (шляпу, галстук)’, а не предложная конструкция, выражающая локальность. В китайском языке наименования одежды близки к категории части, которая имеет возможность означать человека в целом.

Слово, относящееся к категории функции объекта, может обозначать «пользователя» данного объекта, а также результат и процесс использования – к данному типу относятся отношения «функциональный объект–человек». В русской молодёжной речи можно привести такие примеры, как *штукатурка* – ‘слишком накрашенная девушка’, *баскет* – ‘высокий человек’, *антиквар* – ‘любитель или продавец антикварных предметов’, *кобура*, *кокарда* – ‘милиционер’, *карандаш* – ‘учитель черчения’, *циркуль* – ‘учитель черчения’, *глобус* – ‘учитель географии’, *баян* – ‘учитель музыки’, *кислота*, *колба* – ‘учительница химии’, *цент* – ‘американец’, *рис* – ‘азиат’ и др., в которых обращается внимание на функциональный аспект объекта, переносится наименование с объекта на человека, использующего этот объект. В китайской молодёжной речи подобных примеров немного: *泡菜妹* (сестра-кимчхи) – ‘корейка’, *核酸妹* (сестра-ПЦР) – ‘китайка’.

Условно можно отнести к данному типу перенос «учебное содержание–человек», *овца* – ‘студентка сельхозтехникума’, *бабочка*, *амеба*, *зверь*, *самец* – ‘учитель биологии’, *лягушка* – ‘преподавательница физиологии’, *зуб* – ‘студент стоматологического факультета’, в которых название животных и части тела, выступающие как объект для изучения, переносятся с функционального объекта на человека, использующего (изучающего) эти объекты. Также можно отнести к этому типу перенос «учебное содержание–учебный предмет». В русской молодёжной речи существуют такие примеры, как *язык* – ‘занятие по языкознанию’, *цена* – ‘ценообразование’, *земля* – ‘землеведение’, *мир* – ‘мировая экономика’, *антиквар* – ‘преподаватель античной литературы’, *Россия*, *родина* – ‘история отечества’, *запад*

– ‘западно-европейская литература’, *война* – ‘занятия по военной подготовке в вузе’ и др.

В китайском языке также количество подобных примеров ограничено, при этом они обладают разговорной окраской, не относясь исключительно к молодёжной речи: *环境* (среда) – ‘инженерия окружающей среды’, *食品* (пищевые продукты) – ‘пищевая инженерия’, *微电子* (микроэлектронное устройство) – ‘микроэлектроника’, *新闻* (новости) – ‘журналистика’ и др.

Тип переноса «функциональный объект–процесс/результат» представлен в русской молодёжной речи такими примерами, как: *игла*, *игляк* – ‘процесс внутривенного введения наркотика’, *кора*, *корка*, *корочки* – ‘высшее образование’, *колеса* – ‘вождение автомобиля’, *баян* – ‘песня’, количество их относительно невелико; в китайской молодёжной речи их тоже совсем немного: *一键三连* (один клик, три комбо) – ‘выполнение трёх действий (лайкать, добавлять в избранное и поддерживать автора) в одном клике’, в котором *один клик* является необходимым для выполнения остальных трёх действий; и *口罩* (маска) – ‘пандемия’.

В русской молодёжной речи существует небольшая группа слов, которые, относясь к категории состояния, при метонимическом переносе обозначают каузатор данного состояния: *кайф* – ‘водка’, *встряска* – ‘экзаменационная сессия’, а также *бычий кайф* – ‘сильное алкогольное опьянение’, ‘похмелье’, *таракан* – ‘тунеядец, лентяй’.

В целом наблюдения показали, что метонимический перенос в молодёжной речи представлен регулярными типами, такими как «часть–целое», «вместилище–содержимое», «материал–изделие», упомянутыми в большинстве работ по изучению метонимии. В данной работе предпринята попытка описать метонимию как категориальный перенос. Такие классы, как часть, принадлежность, свойство, функция, в большинстве случаев считаются тематическим классом слова. Но в данной работе мы рассматриваем их как Т-категории слова (как представлено в разделе 1.2), определяющие сочетаемостный потенциал слова и возможности семантической деривации. При метонимическом переносе слово, относящееся к

определённой категории, имеет возможность производить регулярные производные значения.

3.1.2 *Метафора в конструкциях с существительными в речи русской и китайской молодёжи*

Метафорическая деривация основывается на тематическом переносе участника и может сопровождать категориальный сдвиг. Однако, как уже было сказано в разделе 1.2, имена существительные характеризуются лабильностью, не имеют устойчивой валентности, поэтому описание метафорической деривации в конструкциях с именами существительными по семантическим параметрам является трудной задачей. Поскольку в сленге смена тематического класса участника имён существительных связана с категориальным переносом, мы предполагаем, что метафорический перенос можно описать на основе категории: слово, переходящее в определённую категорию, возможно обладать новой валентностью.

Слово, переходящее в категорию «форма», при метафорическом переносе имеет возможность обозначать форму другого объекта. В данный тип входит большая группа примеров, которые можно подразделить на несколько подтипов. Первый из них – это «объект определённой формы–часть тела с определённой характеристикой формы». В русской молодёжной речи можно привести такие примеры, как *арбуз / арбузник, дыня, репа, чурбан, жбан, котёл, чайник, чан, глобус* – ‘голова’; *костыль* – ‘ноги’; *столбы* – ‘полные ноги’; *макароны* – ‘тонкие, длинные ноги’; *батон* – ‘нога’; *шпала* – ‘ноги’; *фара* – ‘глаза’; *гребень / гребешок* – ‘причёска у панка или металлиста’; *каток, площадка, платформа, сквер* – ‘лысина’.

В китайской молодёжной речи активно используются такие единицы, как *剪刀手* (рука в форме ножниц) – ‘жест пальцев в виде буквы V’; *筷子腿* (ноги в форме палочки) – ‘длинные и стройные ноги’, *大象腿* (ноги слона) – ‘широкие бедра (обычно лица женского пола)’, *A4 腰* (талия в форме листа формата A4) – ‘стройная талия’, *天鹅颈* (лебединая шея) – ‘шея с восхитительными изгибами’, *瓜子脸* (лицо в форме семечка подсолнуха) – ‘овальное лицо с острым

подбородком’, *包子脸* (лицо в форме баоцзы) – ‘пухлые щёчки, обычно о малышке’, *大饼脸* (лицо в форме лепёшки) – ‘плоское, мордастое лицо’, *锥子脸* (лицо в форме шила) – ‘овальное лицо с острым подбородком’, *苹果肌* (яблочки щёк) – ‘скуловая область лица’, *荔枝眼* (глаза-личжи), *葡萄眼* (глаза-винограда) – ‘большие, круглые глаза’, *死鱼眼* (глаза мертвой рыбы) – ‘потухшие, стеклянные глаза’, *飞机头* (голова-самолёт) – ‘мужская причёска, похожая на самолёт: виски и затылок стригутся коротко, волосы в верхней части зачесываются вперед’ и мн. др.

Сходным образом слово, переносящееся в категорию формы, имеет возможность обозначать человека с определённой характеристикой внешности. В русской молодёжной речи используются такие примеры, как *жираф* – ‘высокий человек’, ‘человек с длинной шеей’; *арматура* – ‘высокая худая девушка’; *шпала* – ‘высокий худой человек’; *велосипед* – ‘очень худой человек’; *батон*, *пельмешка*, *булка* – ‘полная девушка’; *слониха* – ‘полная девушка’; *лосина / лось* – ‘молодой человек крепкого телосложения’, *бык* – ‘физический крепкий, здоровый человек’; в том числе и характеризующие внешность человека в целом: *амеба* – ‘человек невыразительной, неяркой внешности’, *крыса*, *жаба*, *крокодил*, *динозавр*, *медуза* – ‘некрасивая девушка’; *коза* – ‘красивая девушка’, *персик* – ‘красивая девушка’; слова *перец*, *крендель*, *кекс* часто служат обращениями к парню. В китайской молодёжной речи принято использовать наименования *小奶狗* (собачка) – ‘симпатичный человек (обычно о лицах мужского пола)’, *恐龙* (динозавр) – ‘некрасивая девушка’; *癞蛤蟆* (жаба) – ‘некрасивый человек (обычно о лицах мужского пола)’.

В эту группу входят и примеры типа *модель* – ‘красивая и привлекательная девушка’, *女明星* (звёздочка) для описания ‘красивой и хорошо одетой девушки’, в которых слова *модель* и *女明星* (звёздочка) в обычном контексте называют профессию человека, однако, переходя в категорию формы, эти два слова имеют возможность описывать внешность человека. Также к этой группе относятся имена собственные, часто имен известных людей, которые, переходя в категорию «форма»,

приобретают возможность обозначать человека с определённой внешней характеристикой. В русском языке встречаются такие слова, как *Пушкин* – ‘африканец, негр’, ‘курчавый человек’, *Арнольд* – ‘человек крепкого телосложения’, *Чингиз* – ‘казак’, киргиз’, *Алёнушка* – ‘красивая девушка’ и др.; в китайском языке используются словосочетания *西施* (Си Ши, имя знаменитой красавицы в эпоху Чуньцю) – ‘очень красивая девушка’, *小王心凌* (Ван Синьлин, китайская певица) – ‘симпатичный человек’ и др.

Также слово в данной группе может описывать другой объект с определённой характеристикой формы. Таковы русские слова *аэродром* – ‘большая аудитория’; *звездь* – ‘авторучка’, ‘шприц’; *окно* – ‘прямоугольный экран монитора’, ‘оконный интерфейс компьютера’, ‘задний карман’, ‘большой перерыв’ (окно в расписании); *трубы* – ‘брюки’; *колбаса* – ‘ручная кладь’, ‘сумка’; *кирпич* – ‘кандидатская или докторская диссертация’, ‘толстый учебник’; *блин* – ‘грампластинка’, ‘ударные инструменты’, ‘дискета (флоппи-диск)’, ‘компактный диск (CD)’, ‘винчестер (жёсткий диск компьютера)’; *келья* – ‘комната в общежитии’ и т. д. В китайской молодёжной речи можно привести такие примеры, как *船袜* (носки в форме лодок) – ‘подследники’, *砖头本* (книга-кирпич) – ‘объёмная, тяжёлая книга’; *雅阁* (отдельный кабинет в ресторане) – ‘кабинет преподавателя’, ‘туалетная кабинка’ и др.

В данном типе встречаются многие слова, для которых в обычном контексте редко учитываются характеристики формы (названия животных, еды, инструментов и др.). Перенос в данную категорию даёт возможность описывать с их помощью другие объекты с подобными характеристиками формы предмета или внешности человека. В процессе метафорического переноса меняется и участник имен существительных, это наиболее очевидно в некоторых примерах из китайского языка. Большинство из них изначально представляют собой безвалентные слова, которые не привязаны к конкретной ситуации; при переходе в категорию формы (то есть обозначая объект с определённой характеристикой формы), эти слова приобретают новый участник – носитель этой характеристики,

который в большинстве случаев выражается эксплицитно, что облегчает процесс понимания. В некоторых примерах, кроме характеристики формы, учитывается также весовая характеристика: *кирпич* – ‘кандидатская или докторская диссертация’, ‘толстый учебник’ в русском языке, так и *砖头本* (книга-кирпич) – ‘объёмная, тяжёлая книга’, *锅* (вок) – ‘ответственность или обвинение’ в китайском языке. Количество таких примеров в собранных нами материалах ограничено, так что мы не будем подробно останавливаться на их описании.

Кроме того, слово, переходящее в данную категорию, может обозначать нефизические свойства лица, основываясь на метафорическом значении признака внешней формы. Так, например, слово *кактус* используется для наименования ‘человека с трудным характером’; в китайском языке подобным примером служит выражение *土鳖* (китайский медицинский таракан) – ‘деревенщина, человек, который не видел мира, т. е. других стран’ (*土鳖* обозначает животное, окружённое землей, а слово *土* имеет значения ‘связанный с землей’, ‘местный’, ‘непопулярный, немодный’), таким образом слово *土鳖* приобретает значение человека с определённой нефизической характеристикой.

Переходя в категорию «функциональный объект», слово получает возможность обозначать объект с подобной функцией. Например, в русской молодёжной речи используются такие единицы, как *виза*, *вывеска*, *фотка*, *портрет*, *табло*, *битка*, *витрина* – ‘лицо’. В этих словах акцентируются разные функции лица: с одной стороны, это визитная карточка (*виза*, *вывеска*), несущая информацию (*табло*), с другой — это объект для битья (*битка*, *витрина*), который можно легко разбить [Грачёв, 2006, с. 103]. Таких примеров достаточно много: *коробка* – ‘дом’, *кофемолка* – ‘рот’; *упаковка* – ‘одежда’; *капуста* – ‘одежда’; *радары*, *локаторы* – ‘уши’, *вешалка* – ‘очень худая девушка’; *база* – ‘квартира’, ‘место для встреч’; *логово* – ‘кабинет директора школы’, *гнездо* – ‘общежитие’, *кошара* – ‘общежитие’; *крыша* – ‘защита, охрана’; *камуфляж*, *штукатурка* – ‘косметика, макияж’; *бобик* – ‘патрульный милиционер’; *рычаг* – ‘нога’, ‘рука’; *топливо* – ‘наркотик’; *керосин* –

‘наркотик для внутривенного введения’, ‘алкоголь’; *антифриз* – ‘наркотик в растворе’ и т. п.

В китайской молодёжной речи также встречаются подобные примеры: *衣服架子* (вешалка) – ‘девушка с идеальной фигурой, для которой подходит любая одежда’, *雷达* (радар) – ‘интуиция человека в отношении чего-л.’ *厕所* (туалет) – ‘аккуант в соцсетях, где постятся сплетни о ком-чём-л.’, *墙* (стена) – ‘файрволл’, *梯子* (лестница) – ‘программа для посещения глобального Интернета’; *爪子* (лапа), *蹄子* (копыто, часто свиньи) – ‘рука’, *狗窝* (собачья конкура); *猪窝* (свинарник) для описания беспорядочной комнаты или неприбранной кровати; *刀* (нож), *玻璃渣* (стеклянные осколки) – ‘сюжет, который ранит душу читателей’ и др.

Также в данную категорию входят имена животных, которые способны описать действие другого объекта (чаще всего – человека). Например, в русской молодёжной речи употребляются такие слова, как *крыса* – ‘человек, который крадет у своих’; *таракан* – ‘сетевой вирус’, ‘неприятные назойливые мысли’ (*с тараканами в голове*). В китайской молодёжной речи также встречаются случаи, когда действие человека описывается на основе действия таких животных, как *熊孩子* (медвежонок) – ‘проказник, озорник’; *夜猫子* (сова-полуночник) – ‘человек, не спящий ночью или поздно ложащийся спать’; *网虫 / 书虫* (книжный / интернетный червь) – ‘заядлый любитель книги / Интернета, книгоед / интернетчик’ и др.

При этом, подобно предыдущему типу, имена, переходя в данную категорию, могут обозначать человека с неким нефизическим свойством на основе метафорического значения действия. В русской молодёжной речи можно наблюдать такие выражения, как *тормоз* – ‘глупый человек’, ‘молчун’, ‘человек, говорящий глупости’, ‘скудный человек’, производные значения которого основывается на метафорическом значении *тормозить, замедлять* – ‘думать медленно’. Сходными примерами являются существительные *амёба* – ‘слабохарактерный, безвольный

человек»; *курица* – ‘ограниченная девушка или женщина с узким кругом интересов и невысоким уровнем интеллекта’; *коза* – ‘девушка с трудным характером’; *козёл* – ‘неправильно, плохо поступивший человек’; *бык* – ‘человек, грубо предъявляющий претензии’, ‘глупый, несообразительный, бестолковый человек’; *чайка* – ‘никчёмный человек’; *таракан* – ‘глупый, недалёкий человек’, ‘неприятные назойливые мысли (*с тараканами в голове*)’; *олень* – ‘глупый и недалёкий человек’ и др. В китайском языке таким примером можно считать слово *孔雀* (павлин) со значением ‘выпендрёжный, любящий хвалиться человек’.

В данный тип включаются и метафорические значения слова *бомба* в русской молодёжной речи и *炮* (бомба), *雷* (мина) в китайском языке. *Бомба* может иметь различные значения, включая вещество с раздражающим действием, вызывающее сильное впечатление: ‘сильный наркотик’, ‘отвар конопли на гуце’, ‘высококачественная конопля’; ‘очень большое сообщение’; ‘шпаргалка с полным ответом на большом листе’; ‘рисунок в стиле граффити’; ‘испражнения, кал’, ‘большая грудь’; или человека, оставившего сильное впечатление: ‘вспыльчивый человек’ ‘толстяк’, ‘сексуальная девушка’. Мотивированный этими метафорическими значениями глагол *бомбить* также многозначен: ‘использовать шпаргалку’; ‘быть граффитистом’, ‘рисовать в стиле граффити’. От слова *бомба* образуются производные имена существительные с метафорическими значениями: *бомбер*, *бомбила* – ‘граффитист’; *бомбардир*, приобретающее значение ‘мужчина или парень, нравящийся женщинам’ и др. В китайской молодёжной речи *炮* (бомба) может означать речь, наносящая ущерб другим людям: *开炮* (открывать огонь) – ‘поставить под огонь критики’, *地图炮* (открывать огонь по регионам) – ‘критиковать по регионам, отрицать действия определённой группы из-за действий её отдельных представителей’; слово *雷* (мина) используются в значении ‘табу, наступать нельзя’, в составе таких выражений, как *雷区* (минное поле), *雷点* (минная точка) – ‘табу’, *踩雷* (наступить на мину) – ‘затрагивать тему, не

направляющуюся другим’, от которого образована усеченная форма 雷, и 地雷系 – ‘человек с шокирующим характером’.

В данную категорию входят и наименования родства, а также наименования лица, описывающие его профессию и должность. Например, в русской молодёжной речи слово *papa* может иметь значение ‘директор школы’ или ‘научный руководитель’; *папаша* – ‘спонсор’, ‘старшина, прапорщик’, ‘полковник’, ‘командир’, ‘глава чего-либо’ или ‘авторитетный человек’; существует также слово *папик*, которое может обозначать ‘спонсор’, ‘респектабельный человек’; *мама* – ‘директор школы’, ‘научный руководитель’; существительное *шеф* используются для обозначения научного руководителя, командира, руководителя курсовой или дипломной работы, *шефиня* – для обозначения начальницы; слово *инквизитор* может иметь значение ‘экзаменатор’, существительные *батраки* и *производители* используются для обозначения родителей; еще подобные примеры: *мясник* – ‘убийца-садист’, ‘милиционер’; *акционер* – ‘агрессивно настроенный спортивный болельщик’; *бизнесмен* – ‘милиционер, берущий взятки у преступников’; словом *рыбак* иногда называют вора, грабителя, а слова *профессор*, *продюсер*, *академик*, как и фамилия *Ломоносов*, часто используются для обозначения умного человека.

В китайской молодёжной речи такие выражения, как 金主爸爸 (папа финансирования), 赞助爸爸 (спонсор-папа) используются для обозначения спонсора, и 客户爸爸 (клиент-папа) – для обозначения клиента, 星爸爸 (стар-папа) используется как шутливое обращение к кафе «Старбакс»; 大爹 (отец) – ‘самовластный человек’, 爹味 (папашин вкус) – ‘самовластный’; 老板 (начальник) и 小老板 (молодой босс) используются для обозначения научного руководителя и руководителя научно-исследовательских проектов; соответственно, 民工 (рабочие-мигранты) и 打工人 (временщики) – для обозначения работников определенной сферы: IT 民工 – ‘работник в области информационной технологии’, 科研民工 – ‘студент или работник в научно-исследовательской области’; 经纪人 (агент звёзд) в значении ‘серьёзный фанат’; и 小警察 (милиционер) – для

обозначения человека, предпочитающего выискивать мелкие промахи в соцсетях. В этих примерах учитывается функциональная роль родственника или должности, которая позволяет метафорически описать человека с подобной «функцией». При метафорическом переносе меняется класс субъекта действия.

Слово, имеющее принадлежность к категории «вкус», может описать объект со сходной вкусовой характеристикой. Однако в связи с тем, что вкус теснейшим образом связан с чувством, слово в данной категории часто приобретает дополнительное значение на основе производного значения прилагательного вкуса и в контексте обозначает объект с характеристикой чувства. Так, например, именем объекта, имеющего сладкий вкус, можно описать что-то весёлое, благополучное: в русской молодёжной речи подобным образом используется выражение *в шоколаде* – ‘о приятной ситуации, везении’, а также производное наречие *шоколадно* – ‘хорошо’; существительное *мармеладка* обладает значением ‘любимая’, от которого образуется прилагательное *мармеладный* – ‘милый, любимый, дорогой’. Сходным образом в китайской молодёжной речи используются *小甜饼* (сладкое печенье) со значением ‘короткая история с весёлым сюжетом о любви’ и *糖* (конфеты) – ‘сюжет о любви’. Кроме того, в китайском языке сладкий вкус имеет дополнительное значение ‘бездумный, наивный’, ‘без труда’, так что именем объекта, имеющего сладкий вкус, можно описать объект, обладающий неким нефизическим свойством, например: *糖水片* (фото-послащенная вода) – ‘прекрасное фото с хорошей композицией, но без авторского мнения’, *工业糖精* (промышленный сахарин) – ‘специально подготовленный сюжет о любви, но нелогичный’.

В то же время кислый вкус в китайском языке связывается с завистью, поэтому имя объекта с кислым вкусом может обозначать завидующего человека: например, в разговорной речи используются выражения *醋坛子* (уксусница) – ‘ревнивец’, *吃醋* (пить уксус) – ‘быть ревнивым’. Часто в молодёжной речи уксус заменяется лимоном: *柠檬精* (призрак лимона) – ‘ревнивец’, *吃柠檬* (есть лимон) – ‘быть ревнивым’. В русском языке кислый вкус связывается с неприятностью: в

молодёжной речи используются существительные *кисляк*, *уксус* в значении ‘хмурое выражение лица’, наречие *не кисло* в значении ‘отлично’. При этом наименование объекта кислого вкуса может обозначать наркотик ЛСД: в американском сленге *acid* (англ. *кислота*) означает ‘наркотик ЛСД’, так как кислота является его составной частью (полное английское название – *Lysergic acid diethylamide*). В связи с этим кислый вкус связывается с галлюцинацией, поэтому имя объекта кислого вкуса может обозначать объект, связанный с подобным чувством: например, слово *кислота* используется в значении ‘музыка в стиле рейв’, а его дериваты *кислотник*, *кислотница* – в значении ‘фанат данного стиля музыки’.

Подобным образом слово, входящее в категорию «цвет», имеет возможность означать объект со сходной цветной характеристикой: *горчичник* – ‘100 рублей’, *капуста* – ‘деньги’, *коричневый / чёрный сахар* – ‘героин’, при этом обладая дополнительным метафорическим значением на основе производного значения прилагательного цвета. В русской молодёжной речи можно встретить такие примеры, как *слива зелёная* – ‘неопытная девушка’, *зелень* – ‘солдат новобранец’; в китайской молодёжной речи: *非洲人* (африканец) – ‘невезучий игрок’, ‘невезучий человек’ (происходит от метафорического значения чёрного цвета); *头顶草原* (на главе степь) – ‘носить рога’ (образовано на основе производного значения зелёного цвета); *锦鲤* (камп кои) – ‘очень везучий человек’ (основывается на вторичном значении красного и жёлтого цветов).

Слово, входящее в категорию «физическое свойство», имеет возможность обозначать объект с подобной характеристикой. В русской молодёжной речи можно встретить такие примеры, как *отстой* – ‘что-то плохое, низкокачественное’, *треш* – ‘нечто отстойное, некачественное’ и др. В китайской молодёжной речи можем наблюдать такие примеры, как *玻璃心* (сердце-стекло), в котором описывается ‘ранимое сердце’; слово *塑料* (пластик) используется в значении ‘что-то ненадёжное, фальшивое (об отношениях между людьми)’, например: *塑料友谊* (пластиковая дружба), *塑料师生情* (пластиковое отношение между учеником и учителем); *铁* (железо) в то же время описывает ‘что-то надёжное’: *铁*

手 (рука из железа) – ‘рука устойчивая (при съёмке фото)’, 铁肺 (лёгкие из железа) – ‘лёгкие с большим объемом’, 铁子 (пулька из железа) – ‘закадычный друг’; также имеет значение ‘абсолютный’, например термин 铁狼 (стальной волк) часто используется в молодёжной речи в контексте игры «Мафию», указывая на игрока, который был обнаружен в роли «волка»: 不用辩了, 铁狼一只 (не стоит спорить, он абсолютно волк); а также в значении ‘несговорчивый’: 铁直男 (стальной натурал) – ‘человек бескомпромиссный, эмоционально глухой’, 头铁 (голова стальная) – ‘человек бесстрашный, упрямый’.

Существуют слова других категорий, которые позволяют описать объект с аналогичным свойством. В связи с тем, что количество этих примеров в наших материалах ограничено, рассмотрим отдельные примеры. Слово, принадлежащее к категории «температура», может на основе метафорического переноса признака температуры обозначать объект, характеризующийся определённым чувством: таковы китайское 火 (огонь) – ‘что-то популярное’ и русские производные от слова лампа: ламповый, означающий ‘приятный, душевный, невероятно атмосферный’, лампово – ‘удобно, комфортно’.

Слово, относящееся к категории местонахождения, может описать объект с локальным признаком или нефизическим свойством: топ – ‘успех’, также производное слово афишной, означающее ‘высокомерный’, 天花板 (потолок) – ‘что-то наилучшее’, 顶流 (вершина трафика) – ‘нечто, приносящее наивысшую посещаемость (сайту, платформе)»; 头版 (головная страница), 头条 (головная полоса) – ‘главные новости’. Словом, входящим в категорию «отношение», можно описать межличностные отношения: братан, братишка, браток, братуха – ‘близкий друг’; 妈咪 (мамочка) используется для выражения симпатии и уважения (например, к автору фан-работ). Слово с временным признаком может обозначать объект с определённой продолжительностью времени: 泡面番 (мультик для приготовления лапши) – ‘мини-мультик’, или характеризовать человека по возрасту: дед, дедушка – ‘отец’, ‘старшеклассник’, ‘студент последнего курса’,

‘военнослужащий-срочник’, ‘старослужащий солдат-осведомитель’; *дедан* – ‘старик’, ‘пожилой человек’, а также по опыту: *老司机* (старый водитель) – ‘опытный, стреляный воробей (об отношениях между полами)’.

Словами, переходящими в категорию «оценка», можно описать объект с определённой оценочной характеристикой (в большинстве случаев – человека). Так, например, в русской молодёжной речи: *бамбук* – нехороший человек; *гнус* – ‘неприятный человек’, *треш* – ‘что-то/кто-то неприятное’, *автор* в значении ‘авторитетный человек’, также производные от слова *таракан*: *таракановка* – ‘некачественный алкогольный напиток’, *тараканник* – ‘кухня в общежитии’. В китайской молодёжной речи встречаются такие примеры, как *狗* (собака) – ‘плохой, ненормальный человек (часто в шутовском тоне между друзьями)’; ‘что-то плохое, низкокачественное’; ‘жалкий человек’: *学生狗* (студент-собака) – ‘жалкий студент’, *打工狗* (временник-собака) – ‘жалкий работник’, в том числе и словосочетание *单身狗* (собака-холостяк) – ‘одинокий человек’, *狗粮* (корм для собак) – ‘демонстрация отношений в паре перед холостяком’; *牛* (бык) – ‘способный человек’, ‘что-качественное’; *老师* (преподаватель) используется как уважительное обращение к ‘автору фан-работ’ или как обращение к кому-либо.

Есть мнение, что в результате метафорического переноса образуются нерегулярные значения слова. Однако наблюдения вышеизложенного материала показывают, что метафорический перенос имеет свои законы. Переходя в определённую категорию, имена существительные получают возможность обозначать объект с подобными признаками (формы, функции, вкуса, цвета, местонахождения и др.), при этом имени приобретают новую валентность. Это явление более очевидно в примерах китайского языка, которые часто с носителями признака вместе образуют новые слова или словосочетания. Основываясь на вторичном значении признака, эти слова способны описывать нефизические свойства объекта.

3.2. Семантическая деривация в конструкциях

с глаголами в молодёжной речи

3.2.1 Метафора в конструкциях с глаголами в речи русской и китайской молодёжи

В разделе 1.2 обсуждается метафорическая деривация в конструкциях с глаголами, которая осуществляется в результате таксономического сдвига участников глагола. Согласно мнению Р. И. Розиной, при образовании сленговых значений посредством изменения тематических классов (то есть таксономический класс) участников, основным направлением изменения является переход «не-человек–человек» [Розина, 2005, с. 238–239], иными словами, глагол, описывающий неодушевлённый объект, используется для описания человека. Именно эта тенденция наблюдается в молодёжной речи двух стран.

Предлагаемый подход к описанию метафор с глаголами может быть уточнен. При использовании многоместных предикатов, которые могут сочетаться с субъектом и объектом одновременно, переход тематического класса как субъекта, так и объекта влияет на значение глагола. Таким образом, метафоры в конструкциях с глаголами могут быть разделены на четыре группы в зависимости от направления перехода класса субъекта и объекта: переход субъекта от «не-человека» к «человеку», переход объекта от «не-человека» к «человеку», переход субъекта от «человека» к «не-человеку» и переход объекта от «человека» к «не-человеку». Однако стоит отметить, что количество примеров двух последних групп ограничено. Вопрос о причинах этого будет обсуждён ниже.

Рассмотрим примеры перехода субъекта из неодушевлённого класса в одушевлённый, относящиеся к первой группе. В русском языке глаголы, называющие действия предметов и явлений природы часто используются для описания действий человека. Например, глаголы, относящиеся к животным, могут использоваться для описания действий человека: например, *скопиться* означает ‘прийти в бессознательное состояние’ или ‘умереть’. Также используются глаголы,

описывающие действия природных явлений: *клубиться* – ‘веселиться’, ‘собираться компанией’, *булькать* – ‘говорить’, *шуришать* – ‘говорить’, ‘усиленно работать’, ‘разбираться в чём-л.’, *гудеть* – ‘пить вино и веселиться’, *кипеть* – ‘нервничать, волноваться’.

К этому относятся и такие примеры, как слово *клубиться*, которое изначально описывает движение тумана или дыма: *туман клубился*, *дым клубился*, относящееся к категории процесса, может быть употреблено для обозначения действий, выполненных людьми, например, *пацаны клубятся*, *фигней страдают* [Морозова, 2019, с. 80]. При таком переносе субъект превращается в человека, а значение глагола соответствующим образом изменяется, переходя в категорию деятельности. Глагол *тормозить* изначально употребляется для обозначения замедления движения, чаще всего транспортного средства. Однако при метафорическом переносе субъектом этого действия становится способность человека мыслить, а тематический класс глагола переносится с физиологических действий на мыслительную деятельность, в группу ментальных глаголов.

Глаголы, относящиеся к артефактам, такие как *тормозить*, *отключиться*, также могут использоваться для описания действий человека. Например, *тормозить* может означать ‘медленно думать’, ‘не понимать’ или ‘работать плохо и медленно’, а *отключиться* может означать ‘потерять сознание’ или ‘заснуть’. Кроме того, встречаются глаголы, описывающие действия неодушевлённых предметов: например, *обломаться* – ‘потерпеть неудачу’, ‘не хотеть что-либо делать’, *слизнуть* – ‘убежать’, *пролететь* – ‘не сдать экзамен’.

В китайском языке также есть глаголы, которые, аналогично русским глаголам *тормозить*, *отключиться*, описывают действия артефактов, но используются для характеристики деятельности человека: например, глаголы *死机* (компьютер умер) и *当机* (упасть, зависнуть) изначально употребляются в значении ‘поломаться’, ‘зависнуть (о компьютере, программе, смартфоне и др.)’, в молодёжной речи при переносе субъекта глагола с электронной продукции на способность человека мыслить меняется и тематический класс глаголов, таким образом эти глаголы

получают новое метафорическое значение ‘прекратить функционирование (о мозге)’. В китайском языке для описания зависания программ или компьютера используется разговорное выражение – 挂, которое было заимствовано из английского сленга программистов *hang* (висеть) – ‘вызвать сбой в компьютерной системе, что приведет к неработающим устройствам ввода, таким как клавиатура или мышь’. При метафорической деривации субъект глагола 挂 переносится с компьютерной программы на человека, приобретая новое значение ‘умереть’, которое часто используется геймерами, например: 我要挂了 – ‘умираю’.

Кроме того, в китайском языке существуют выражения, такие как 没电 (разрядиться) и 充电 (заряжать), которые обозначают воздействие на аккумуляторы электронных приборов. При переносе субъекта глагола с состояния аккумулятора на человека данные глаголы получают новые значения – ‘устать’ и ‘освежать, восполнять запас сил’, а также ‘оставить чаевые для стримеров’. В китайской молодёжной речи существуют глаголы, относящиеся к артефактам, которые, подобно русскому слову *обломаться*, используются для описания неудачи, провала человека. Например, глаголы 翻 (опрокидываться), 沉 (тонуть), которые описывают состояние транспортных средств: 翻车 – ‘повозка опрокинулась’, 翻船 – ‘корабль перевернулся’, 沉船 – ‘корабль затонул’, в молодёжной речи используются по отношению к человеку и приобретают новые значения – ‘потерпеть неудачу’, ‘провалиться’: 老司机翻车 – ‘опытный водитель провалился’, 我们友谊的小船翻了 (корабль нашей дружбы перевернулся) – ‘поссорились’, 今天抽卡又沉船了 (сегодня при открытии случайных карт затонул корабль) – ‘отсутствие желаемого результат при открытии случайных карт в игре’.

Количество примеров во второй группе значений, основанных на метафорах переноса объекта глагола из человека класса на неодушевлённый субъект, ограничено. По мнению Р. И. Розиной, при деривации сленговых значений используется только одно направление изменения тематических классов участников ситуации – ‘не-человек–человек’, так как мир, который описывает сленг,

ограничен миром человека, поэтому в сленге не может существовать направление перехода субъекта из класса «человек» на класс «не-человек» [Розина, 2005, с. 219]. Между тем можно условно привести некоторые примеры в этой группе, использующие действие человека для описания технического устройства.

С учётом этого мы можем обнаружить в русской молодёжной речи глаголы, в которых субъект действия переносится с человека на неодушевлённые предметы: *пахать*, *пыхтеть* – ‘(техническое устройство) медленно работает’, *мигать* – ‘(электронное устройство) мерцает’, *обрасти* – ‘заразиться компьютерным вирусом’, *вырубиться* – ‘отключиться (о технических устройствах)’, *накрыться* – ‘сломаться окончательно (о компьютере)’ и др. Стоит отметить, что субъектом производящих значений этих глаголов является не только человек, но и часть тела, (как для *мигать* – *глаза*), а также другие существа или предметы (как для *обрасти*). Кроме того, мотивирующим значением могут служить сленговые значения: например, значение глагола *вырубиться* – ‘отключиться (о технических устройствах)’ может происходить от сленгового значения данного слова – ‘потерять сознание’, *накрыться* – возможно, от фразеологического выражения *накрыться медным тазом* – ‘не состояться, сломаться’. Именно поэтому мы говорим об условности подобных примеров (в работе Р. И. Розиной отрицается присутствию деривационного направления субъекта от «человек» на «не-человек»).

Сходным образом, в китайском языке также можно найти ряд аналогичных примеров в области компьютерных технологий: например, приведённый выше глагол *挂* (зависнуть), который в молодёжной речи означает ‘умереть’, описывает действия человека. От этого сленгового значения в молодёжной речи появляется ряд значений: ‘несдача экзамена’: *挂科* (предмет завис), *我数学挂了* (у меня математика зависла) – ‘я провалил экзамен по математике’; ‘удаление видео или картинок в социальных сетях’: *视频挂了* (видео зависло), *图片挂了* (картинка зависла) – ‘видео или картинка были удалены’. В словосочетании *死机* (компьютер умер) в значении ‘зависшее состояние’ компьютера. Субъект действия,

обозначенного глаголом 死 (умереть), переносится с человека на электронное устройство.

Другая многочисленная группа метафор в конструкциях с глаголами описывает перенос объекта глагола из неодушевлённого класса на человека, в русской молодёжной речи такая метафора выражается глаголами, описывающими оказание воздействия на предмет. Эти глаголы употребляются для описания физического воздействия на человека, например: *пастить поляну* – ‘охранять’, *вырубить* – ‘довести человека до беспомощного состояния’, *гасить* – ‘бить до потери сознания’, *замочить* – ‘избить’, *кантовать* – ‘бить, избить’, ‘проводить девушку’, *вмазать* – ‘сильно ударить, избить’, *завалить* – ‘убить’, *бомбить* – ‘воровать’ и др.; а также для описания ментальной деятельности человека, например: глагол *точить* в значении ‘быть готовым’ (*заточить мозги*), глагол *тупить* – ‘долго думать’ (*потупить голову*), *парить* в значении ‘думать долго’ (*парить мозги*); и воздействия на человека или психику человека: *завалить* – ‘поставить неудовлетворительную оценку’, ‘изнасиловать’, *обломить* – ‘обмануть’, *обломать* – ‘испортить настроение’, ‘помещать кому-л.’, *склеить* – ‘урезонить’, ‘умолить’, ‘облапошить’.

В китайском языке также есть малочисленная группа глаголов, которые основаны на переносе объекта глагола из неодушевлённой сферы на человека. Эти метафоры выражаются при помощи глаголов со значением воздействия на объект и описывают физическое или психическое воздействие на человека. Так, слово 灭 (гасить) – подобно глаголу *гасить* в русском языке, объект которого из огня, спички превращается в человека – обладает в молодёжной речи значением ‘убить’: 团灭 – ‘разгромить команду противника’, 灭了你 – ‘убью тебя’ (часто употребляется в контексте гейма). Слово 宰 (резать), которое часто сочетается с названием животного, подобно русскому глаголу *обломить*, в молодёжной речи означает ‘надуть, обмануть кого-л.’, например: 宰客 – ‘надуть клиента’, 宰人 – ‘заставить кого-л. угощать в ресторане’. Глагол 掰, который означает ‘обломить’, но в молодёжной речи обладает значением ‘изменить мысли кого-л.’: 掰弯 –

‘переориентировать сексуальную ориентацию индивидуума, который проявляет склонность к гетеросексуализму’.

Кроме того, в китайском языке используются такие выражения, как *捧* (принимать в обе руки) – ‘поддерживать, захваливать’: *捧人* – ‘поддерживать кого-л.’, *捧杀* – ‘перехваливать’, *捧红* – ‘поддерживать кого-л., чтобы он был популярным и знаменитым’; *喷* (брызгать) в значении ‘ругать, критиковать’: *开喷* ‘начать ругать, критиковать’; *扎* (колоть) в словосочетании *扎心* (колоть сердце) со значением ‘ранить душу, вызывать грусть’; и слово *洗* (очистить) в значении ‘воздействовать на мысли человека’: *洗脑* – ‘промыть мозги’, *洗耳朵* – ‘слушать новую нормальную музыку, чтобы забыть услышанную мелодию или неприятный звук’.

Кроме этого, как отмечает Р. И. Розина, если объект мотивирующего значения уже принадлежит миру человека, он переходит из подкласса, удаленного от человека, в подкласс, более тесно связанный с человеком, например с класса артефакт – на класс деньги [Розина, 2005, с. 239]. Об этом свидетельствуют сленговые значения глагола *вмазать* – ‘вколоть себе наркотик’, ‘выпить вина’, в которых объект глагола переходит с вещества (цемент, замазка) на продукты потребления (наркотик, вино). Кроме этого, в речи молодёжи обеих стран употребляются глаголы, объект которых переносится с конкретного предмета на абстрактный объект, который связан с ментальной деятельностью или чувствами человека.

Так, например, в русском языке используются слова: *догнать, просекать* – ‘задуматься глубоко’; *снять* – ‘записывать на ноты звучащую мелодию или её отдельную фразу’, ‘копировать, воспроизводить знаменитые музыкальные образцы’, *слизать* – ‘списать у товарища’, *сдирать* – ‘списать’ и др. Для непереходных глаголов типа *въехать, воткнуться* – ‘задуматься глубоко’, ‘разобраться, осознать’, *запасть* – ‘заинтересоваться каким-либо предметом’; *врубиться* – ‘понять’, *угорать* – ‘веселиться, смеяться’ и др., при метафорическом переносе их косвенные дополнения, включая направление действия, каузатор

действия, заменяются абстрактным объектом, что позволяет таким словам приобретать значение ментальной сферы. Производные от слова *угорать* прилагательное *угарный* (связанный с сущ. *угар*) в молодёжной речи используется в значениях ‘отличный’, ‘пьяный’, ‘весёлый’ – *угарные люди*.

В китайском языке существуют такие выражения, как *拉* (тянуть) в значении ‘привлекать, вызвать определённую эмоцию’: *拉风* (тянуть ветер) – ‘привлекать внимание, зрение’, *拉仇恨* – ‘вызывать ненависть’; *抓* (схватить) со значением ‘выразить определённую эмоцию’: *抓瞎* – ‘растеряться’, *抓狂* – ‘психануть’; *摆* (поставить) в словосочетании *摆烂* – ‘опустить руки, перестать стараться’, и глагол *刷新* (обновить), который часто употребляется с наименованиями электронных устройств или виртуальных продуктов: *刷新页面* (обновить страницу); глагол *刷屏* (флудить), в молодёжной речи связывается с мировоззрением: *刷新三观* обладает значением ‘расширять кругозор’ или ‘удивлять’; приведённый выше пример – *洗* (очистить) в словосочетании *洗白* (обелить), *洗地* (очистить пол) – ‘обелить репутацию кого-л.’ (часто с негативной окраской); и глагол *抬* (поднимать) в словосочетании *抬杠* (поднимать шест) – ‘препирается, спорить по пустякам’ и др.

Однако Р. И. Розина, кроме класса «лицо», включает в мир человека множество других классов, как например, часть тела, наука, жилье – по этой причине она приходит к выводу, что в сленге отсутствуют изменения класса участника глагола из сферы «человек» на сферу «не-человек». Тем не менее мы считаем, что между классами, связанными с человеком и классом «лицо» существует различие (как представлено в списке таксономических классов участника глагола).

Таким образом в молодёжной речи можем условно найти такие глаголы, для которых главными объектами является человек (или одушевлённые объекты вообще), однако они могут использоваться по отношению к неодушевлённым объектам, например, *зарубить* в русском языке и *毙* (убить) в китайском языке. *Зарубить* имеет значение ‘поставить неудовлетворительную оценку’ в молодёжной речи, и ‘отказаться от какой-то идеи’ в сленге: *зарубить идею*, *зарубить проект*; в то

же время глагол 毙 (убить) в молодёжной речи означает ‘отказаться от какой-то идеи’, 项目被枪毙 (проект был застрелен) – ‘проект был отклонён’. Несмотря на ограниченное количество таких примеров, нельзя сказать, что их совсем не существует в данной группе.

3.2.2 Метонимия в конструкциях с глаголами в речи русской и китайской молодёжи

В разделе 1.2 было указано, что метонимия с глаголами может быть представлена в основном двумя типами: диатетическим сдвигом и результативным сдвигом. В процессе метонимического переноса диатетического типа меняются семантическая роль и коммуникативный ранг участников глагола; а в ходе результативного типа акцент перемещается с действия или процесса на результативный аспект данного глагола.

Изменение диатезы требуется изменения семантической роли синтаксического актанта, роль субъекта может переходить с агенса на неагентивный субъект, каузирующий действие без собственного сознания, также с неагентивного субъекта на агенс, что вызывает категориальный сдвиг глагола, переходящего с процесса, состояния, происшествия и др. в категорию действия / деятельности или наоборот. В ходе анализа категориального сдвига глагола Р. И. Розина отмечает, что при переходе производного значения в новую таксономическую категорию для литературного языка основным направлением является переход из категории «действие» на категорию «происшествие»; а обратный переход – от происшествия к действию – считается периферийным; в то время как при образовании сленговых значений используется именно последнее направление [Розина, 2005, с. 258].

При этом, как отмечает Р. И. Розина, метонимический перенос в молодёжной речи представлен не в чистом виде: при деривации метафорическое значение может включать какие-либо дополнительные преобразования [там же, с. 213], в которые включается и диатетический сдвиг. Таким образом, наиболее возможный вариант диатетического сдвига в молодёжной речи часто представляется в виде переноса с происшествия на действие / деятельность с агентивным субъектом на основе

метафорической деривации. Это подтверждается многочисленными примерами из молодёжной речи.

Глаголы со значением ‘движение отделения от целого’, такие как *обломаться*, *оторваться*. Как отмечено в разделе 3.2.1, глагол *обломаться* обладает сленговыми значениями ‘потерпеть неудачу’, ‘не хотеть что-либо делать’, тогда как в литературном языке данный глагол означает ‘отделиться, отпасть от чего-л.’: *ветки обломались*, *ногти обломались*, в котором Т-категорией глагола является происшествие. При образовании сленговых значений, в молодёжной речи субъект переносится из класса «предмет» в класс «человек». Но кроме метафорического сдвига, в процессе семантической деривации происходит ещё и диатетический сдвиг, поскольку сленговые значения данного глагола появляются на основе выражения *обломиться от системы* – ‘перестать быть хиппи’. При семантической деривации от литературного значения ‘отделиться, отпасть от чего-л.’ к сленговому ‘перестать быть хиппи’ меняется класс субъекта; а при переходе от значения ‘перестать быть хиппи’ к значению ‘не хотеть что-либо делать’ снижается коммуникативный ранг участника *система* и повышается ранг косвенного дополнения глагола, как в предложении *я чего-то обломался на стрелку идти*, соответствующим образом, Т-категории глагола *обломаться* становится деятельность. В результате появляются значения ‘лениться’, ‘разочароваться’, ‘потерпеть неудачу’, ‘вести себя скромнее’ и ряд других.

То же самое происходит с глаголом *оторваться*, который в литературном языке означает ‘отделиться от чего-л.’ (*оторвалась пуговица*), а в молодёжной речи обладает значением ‘развлечься’: *оторвались клёво*, *дети оторвались хорошо*. При семантической деривации меняется не только тематический класс субъекта глагола (с класса неодушевлённого предмета на класс лица), но и коммуникативный ранг участника глагола – снижается ранг часть «(оторваться) от реальности, работы, беспокойства и пр.», повышается часть «как оторваться» – весело, клёва и т. д. на периферийном уровне, соответственно, Т-категория глагола *оторваться* изменяется с происшествия на действие, образуются сленговые значения данного глагола: ‘развлечься’, ‘радоваться’, ‘отдыхать’, ‘принять дозу наркотика’ и др.

Активно используется многозначный глагол *свалить*, который в молодёжной речи означает ‘сдать экзамен’, ‘убежать’, ‘прогулять урок’, ‘отойти от учебной доски’, а в литературном языке имеет значение ‘ударом, толчком заставить упасть’: *ветер свалил дерево*, и ‘уйти, схлынуть (разг.)’: *не успела и эта толпа свалить со двора...* (МАС). Сленговое значение ‘сдать экзамен’, возможно, происходит от исходного, зафиксированного в литературном языке значения *свалить* посредством переноса тематического класса объекта (с конкретного предмета на абстрактный – экзамен); однако значение ‘убежать’ не может быть произведено из этого исходного значения, так как данное действие, по мнению Р. И. Розиной, направлено на субъект, поэтому она предполагает, что ‘убежать’ является просторечной формой – рефлексивой от литературного значения *свалить*, т. е. *свалиться* [там же, с. 216–217]. Однако данное явление объясняется также диатетическим сдвигом, при котором семантическая роль субъекта изменяется (он переходит из класса неконтролируемой природной силы в класс человека и становится агенсом), пациенс опускается, в то же время повышается ранг участника исходной точки и агенса: *свалить из дома, свалить с урока, свалить с экрана* и др. Таким образом Т-класс глагола *свалить* переходит из происшествия в действие.

Аналогичный сдвиг наблюдается при семантической деривации таких глаголов, как *валить* – ‘убегать откуда-л.’, *отвалить* – ‘убежать’; другие производные значения основываются на метафорическом переносе: *валить* – ‘необъективно оценивать знания студентов на зачёте’, ‘бить, драться’, *завалить пасть* – ‘замолчать’, *завалить* – ‘бить, изнасиловать’, ‘поставить неудовлетворительную оценку на экзамен’, *отвалиться* – ‘удивиться сильно, поразиться’, *завалиться* – ‘не сдать экзамен’, *провалиться* – ‘не сдать экзамен’, ‘потерпеть неудачу при поступлении в вуз’.

Конечно, при метафорической деривации вместе с изменением участника из класса природной силы в класс человека, меняется иногда и Т-категории глагола, но к метонимическому сдвигу относится лишь диатетический сдвиг. Явление дополнительного преобразования часто встречается в ходе деривации сленговых значений глагола, однако тематический переход участника не обязательно

накладывается на метонимический сдвиг. К примеру, в русской молодёжной речи глагол *грузить* имеет значения ‘утомлять кого-то неприятным разговором’ (*не грузи меня; Даря полчаса грузил меня в кабинете*) и ‘обманывать’ (*Кирилл грузит Светку*) [Грачёв, 2005, с. 144], в то время как в литературном языке *грузить* обозначает ‘наполнять что-либо грузом’: *грузить баржу стульями, столами* (МАС). При семантической деривации объект глагола изменяется: переходит из вещественного мира в мир человека. В то же время участник глагола средство (в исходном значении – это конкретные предметы: стул, стол) снижает свой коммуникативный ранг, поскольку на синтаксическом уровне он отсутствует, при этом он все еще инкорпорирован в семантическую структуру производного значения *грузить* – ‘грузить кого-то разговором или ложью’. Именно так возникают сленговые значения глагола *грузить*. Однако диатеза глагола не меняется, остаётся *X грузит Y чем*. В данном случае отсутствует метонимический сдвиг, Т-класс глагола также не меняется. Аналогично с глаголами *нагрузить* – ‘утомить разговором’, *пудрить* – ‘обманывать’ и *врубить во что-либо* – ‘объяснить’: *врубить в Битлз*.

Примеров диатетического сдвига в китайской молодёжной речи немного, но мы всё же сможем привести несколько: глаголы 上 (подниматься, поднимать, накладывать) и 下 (спускаться), описывающие направленные действия человека, субъектом которых служит агенс-человек: 上山 – ‘подниматься на гору’, 上车 – ‘садиться в экипаж’, 上药 – ‘накладывать лекарство (на рану)’; 下山 – ‘спуститься с горы’. В молодёжной речи употребляются словосочетания 上头 (подниматься на голову) – ‘похмелье’, ‘воспламениться страстью к чему-л.’, и 下头 (спуститься с головы) – ‘протрезветь после похмелья’, ‘усмирить страсть’, ‘портить настроение’, в которых субъект переносится с агенс-человека на каузатор, которым изначально является хмель, чувство опьянения: хмель кидается в голову, хмель выходит из головы, таким образом, категория глагола 上头 и 下头 переносится с действия на процесс. На этой основе появляются значения ‘воспламениться страстью к чему-л.’ и ‘усмирить страсть’, ‘портить настроение’, в которых субъект изменяется на каузатор, вызывающий / портящий страсть.

Сходным примером является глагол 戳 (проколоть), который в литературном языке означает ‘сделать в чём-л. сквозное отверстие’: 戳穿 (проколоть, проткнуть) – ‘раскрыть (правду)’, 戳伤 – ‘нанести удар колющим оружием’. В молодёжной речи данный глагол приобретает значение ‘тронуть, вызывать определённую эмоцию’: 戳中泪点 – ‘пронзить до слез’, 戳中萌点了 – ‘что-то милое тронуло кого-то, что-то попало в зоне милоты’, 很戳我 – ‘что-л. тронуло меня’, в которых класс субъекта переходит от человека к неагентивному субъекту, вызывающему определённые чувства у экспериенсера (experiencer – тот, кто чувствует, воспринимает), соответствующим образом, категория глагола переносится с действия на процесс.

Аналогичным русскому глаголу *свалить* в китайской молодёжной речи является глагол 喷 (брызгать), который описывает движение капель жидкости, запаха и т. д.: 泉水喷涌 – ‘источник брызгает’, 喷香 – ‘(еда) источает запах’. В молодёжной речи оно означает ‘критиковать’, 别喷我 – ‘не ругай, не критикуй меня’, 开喷 – ‘начать критиковать (в соцсетях)’. В данном значении субъект глагола из природной, неагентивной силы превращается в человека, при этом повышается коммуникативный ранг участника адресата (человек), в то же время объект – абстрактная речь человека – инкорпорирована в семантическую структуру глагола. Таким образом, категория глагола переносится с процесса (например, *источника*) или свойства (например, *еды*) на действия человека.

В китайской молодёжной речи отмечается отсутствие основного направления категориального сдвига, которое наблюдается в русской молодёжной речи. В китайском языке возможен перенос значения от неагентивного субъекта на действия человека, как, например, в случае с глаголом 喷 (брызгать). В то же время допускается и перенос значения с агентивного субъекта на состояние, процесс и прочие явления, как в глаголах 上头 ‘воспламениться страстью к чему-л.’, 下头 ‘усмирить страсть’, 戳 (проколоть) и др., что характерно не только для молодёжной речи, но и для литературного китайского языка.

В процессе метонимического сдвига результативного типа фокус внимания смещается с процесса, обозначенного глаголом, на предполагаемый результат данного действия, при сохранении актантной структуры глагола. В молодёжной речи такой перенос часто обусловлен уже сложившимися сленговыми значениями глагола. Например, сленговое значение глагола *завалить* в значении ‘убить’ основывается на значениях ‘победить’, ‘бить’, однако в данном случае в фокусе внимания находится результат действия, а именно – лишение человека жизни. Подобным образом образуются и другие глаголы, связанные с темой смерти, например *мочить*, означающий ‘убить’, основанный на значении ‘бить, избивать’; *вырубить* – ‘умереть, скончаться’, основой которого служит значение ‘потерять сознание’, и др.

Кроме того, в этот тип переноса включаются и глаголы, описывающие действия, происходящие во время убийства, которые дают возможность описать результат убийства, как например *макнуть*, *грохнуть*. Глагол *макнуть* в литературном языке означает опустить, ‘погрузить во что-л. жидкое или сыпучее’, но в ходе семантической деривации приобретает значение способа убийства; глагол *грохнуть* описывает звук при совершении убийства. Сложность семантической деривации глагола *грохнуть* заключается в том, что сначала происходит категориальный сдвиг: в литературном языке этот глагол означает ‘издавать сильный шум’ (*грохнули винтовочные выстрелы (МАС), с шумом грохнуло наземь порубленное дерево*) и описывает происшествие с неагентивным субъектом; при превращении в *грохнуть*₂ – ‘ударить с силой и шумом’, затем глагол переходит в категорию действия человека (*грохнуть кулаком по столу*) и фокус внимания в его значении смещается на результат действия, т. е. убийство. Аналогичные процессы происходят с глаголами *опустить* – ‘убить’ (на основе сленгового значения ‘оскорбить, унижить’); *откинуться* – ‘умереть’, *жмуриться* – ‘умереть’ и др.

В китайской молодёжной речи можно наблюдать предпочтение второго варианта перед простым переносом действия на результат. Рассмотрим примеры, связанные с темой смерти. К примеру, выражение 躺 (ложиться) приобретает

дополнительное значение ‘лежать и перестать стремиться’, ‘умереть’, последнее широко используется среди геймеров. Исходное значение слова 躺 указывает на сходные проявления состояний отдыха и смерти, что позволяет ему приобретать соответствующие значения при метонимическом переносе. Однако существует и другое выражение – 跪 (стоять на коленях), описывающее позу капитуляции при проигрыше, поэтому изначально данное слово в молодёжной речи имело значение ‘проиграть’. Так как логическим результатом проигрыша в игре является «смерть», глагол 跪 (стоять на коленях) также приобретает значение ‘умереть’. В целом количество примеров метонимии результативного типа в двух языках сравнительно невелико как в русской, так и в китайской молодёжной речи, и большинство из них связывается со смертью.

3.3. Семантическая деривация в конструкциях с прилагательными в молодёжной речи

3.3.1 Метафора в конструкциях с прилагательными в речи русской и китайской молодёжи

Как было отмечено в разделе 1.2, наиболее распространенным случаем признаковой метафоры в языке является перенос типа «физическое свойство предмета → нефизическое свойство лица / абстрактного объекта». Это подтверждается множеством примеров, обнаруженных в речи молодёжи обеих стран – их количество значительно превышает количество примеров в других группах.

В ходе семантической деривации в примерах метафоры данной группы происходит перенос участника прилагательного – носителя признака из неодушевлённого класса в класс лица или абстрактного объекта, в результате чего признак переходит с физического на нефизический уровень. По классам прилагательных можно выделить следующие тематические подгруппы: местоположение предмета, цвет, запах, вкус, признаки животных, прочие свойства, относящиеся к артефакту, и др. Рассмотрим на эти подгруппы по очереди.

В речи молодёжи России и Китая используется признак местоположения предмета для описания нефизического свойства лица, например в русском языке прилагательное *левый* (расположенный в той стороне тела, где находится сердце) употребляется в значении характеристики лица или нематериальных предметов – ‘неправильный’, ‘странный’, ‘плохой’, ‘выделяющийся чем-л.’: *он какой-то левый парень* [Грачёв, 2006, с. 287], *левый пацан* [Морозова, 2019, с. 91]; а также в значении характеристики абстрактного объекта – ‘неучтённый, полученный нелегально’: *левый заработок* [там же]. В китайском языке употребляются такие выражения, как *高* (высокий, расположенный на значительном расстоянии вверх от какого-л. уровня) в значении ‘характеризующийся высоким уровнем’: *高端* (об уровне службы, квалификации, уровне пользователя и т.д.); ‘что-то импактное, впечатляющее’: *高能* (высокая энергия); ‘выпендрёжный, хвастливый человек’: *高调* (высокий тон, о человеке, который громко афиширует себя) и др. Антоним к слову *高* (высокий) – *低* (имеющий небольшую протяженность снизу вверх) – обладает значением ‘характеризующийся низким уровнем’ в словосочетании *低端* (об уровне ресторана, торгового центра, квалификации человека и др.), как например в выражении *低端人口* – ‘низший класс населения’, которое вызвало неудовольствие среди молодёжи.

Прилагательные цвета также активно используется для описания нефизических свойств в обоих языках. Так, в русской молодёжной речи используются прилагательные *зелёный* в значении ‘молодой’, ‘неопытный’ и *палевый* в значении ‘опасный, рискованный’, например, *палевое дело*; и *чёрный* – ‘поклонник рок-музыкальных ансамблей антисоветского толка’, *чёрный металлист*, ‘мак’, ‘опиум и наркотические препараты на его основе’.

В китайском литературном языке неопытность описывается цветом *青* (цвет между зелёным и синим, близкий к голубому), как например *青涩* (зелёный и терпкий), а также *愣头青* (голубая головка) – ‘неопытный, но страстный человек (обычно о молодёжи)’; а в молодёжной речи неопытность связывается с белым

цветом, например, 小白 (белизна), 白菜 (белая капуста) – ‘новичок’. Кроме того, прилагательное *белый* ещё обладает значением ‘наивный’: например, слово 白莲 (белый лотос) изначально использовалось как похвала – означающее добрую, непорочную девушку, а сейчас чаще употребляется с негативной окраской – ‘притворяющийся ничего не понимающим, наивным (чаще о девушке)’. Наименование цвета 绿 (зелёный) обладает значениями ‘быть обманутым (часто мужем)’: 绿帽 (зелёная шапка). Наименование цвета 黄 (желтый) в молодёжной речи связывается с порнографией.

Чёрный цвет, в отличие от примеров в русском языке, в китайском языке чаще обладает негативной окраской, в молодёжной речи 黑 (чёрный) означает ‘запятнанный’, ‘неприятный’, ‘отказанный, заблокированный’, как в словосочетаниях 黑料 (чёрный материал) – ‘сплетни’, 黑子 – ‘агрессивный противник, который постит сплетни’; 黑历史 (чёрная история) – ‘тёмная страница в истории’; 黑名单 (чёрный список) – ‘список заблокированных’. Также чёрный цвет можно описать невезучий человек в таких выражениях, как 脸黑 (лицо черновато), 手黑 (рука черновато) – ‘человек невезучий’ (часто о геймерах) и т. д.

Помимо цвета, запах и вкус еды тоже являются значимым источником для создания метафорических слов и выражений в молодёжной речи. В русском языке используется прилагательное *тухлый* в значениях ‘скучный’, ‘не вызывающий доверия’, ‘спорный’: *тухлая ботва*, *тухлая ерунда*, на основе которых появляется глаголы *тухлить* – ‘лгать’, *затухлить* – ‘вести себя бессовестно’, а также существительное *тухляк* – ‘грустная песня’, ‘скука’, ‘ерунда’ и ‘неприятный человек’. В китайском языке 臭 (тухлый) описывает неприятное выражение лица – 臭脸 (тухлое лицо), а также характеризует того, кто не стесняется в выражениях – 嘴臭 (тухлый рот). В разделе 3.1.2 уже частично представлены примеры использования признака вкуса для описания чувств человека. Было отмечено, что в русском языке кислый вкус связывается с неприятными ощущениями, тогда как в китайском языке – с завистью. Кроме уже приведенных примеров, в китайской

молодёжной речи существует и выражение *好酸* (кислятина) со значением ‘завидую’.

В речи молодёжи двух стран для описания качеств человека или абстрактного объекта используются и такие свойства еды, как *жирный* – ‘хороший, лучший’: *жирное отводят*. Условно можно отнести к этому типу слово *улётный*, который означает приводящий в состояние наркотической эйфории: *улётный наркотик*, при смене участника носителя признака данное прилагательное приобретает в молодёжной речи значение ‘замечательный’. Как например *улётный фильм*, *улётная девушка*. В китайской молодёжной речи часто используется слово *油* (жирный) со значением ‘увёртливый, мещанский’: *油腻大叔* («жирный» мужик) – ‘неприятный мужик’. Русское прилагательное *токсичный* имеет значения ‘вызывающий массу негативных и отрицательных эмоций (о человеке или об отношениях)’, ‘неприятные черты характера’: *токсичные отношения*, *токсик* – ‘человек, способный вывести своего собеседника из равновесия, испортить настроение’. Сходным примером в китайской молодёжной речи служит слово *毒* (токсический), означающее ‘что-то или кто-то странное, несоответствующее норме’: *有毒* – ‘что-то странное, навязчивое’, однако в данном случае *毒* не связывается с едой, а указывает на компьютерный вирус. Синонимом к слову *毒* (токсический) является слово *魔* (связанный с магией, необычный), которое в молодёжной речи также означает ‘что-то странное, навязчивое’.

В молодёжной речи также можно встретить метафоры, основанные на признаках животных. Например, в русском языке существуют такие слова, как *дикий* (находящийся в первобытном состоянии), которое означает и ‘ужасный’, и ‘невероятный, необычный’: *скоро у меня дикий сейшин будет* [Морозова, 2019, с. 54]; *борзый* (первоначально – о лошади) – ‘ведущий себя вызывающе, наглый, агрессивный’, *легавый* (первоначально – о породе собак, *легавая собака*) – ‘полицейский’: *за нами легавый увязался* и т. д. В китайском языке прилагательное

野 (дикий) используется в значениях ‘необузданный’, ‘отличный’, например, 你好野 (ты такой дикий) – ‘ты молодец’.

В речи молодёжи обеих стран также встречаются примеры использования физических свойств предметов для описания нефизических признаков: в русском языке используются такие прилагательные, как *атомный* (*атомная бомба*) в значениях ‘производящий сильное впечатление’ – *бюст у неё просто атомный*; и ‘высшего качества’ – *это прямо-таки атомная песня*; *афишной* – ‘высокомерный’; *геморройный* – ‘человек, у которого неприятности, проблемы’ и др. Однако количество примеров в данной группе невелико как в русском, так и в китайском языке.

По сравнению с первой группой, количество примеров других групп признаковой метафоры ограничено в речи молодёжи обеих стран. В связи с тем, что переход типа X→X является маловероятным в метафорическом переносе, в разделе 1.2 представлена лишь группа «физическое свойство предмета → физическое свойство цвета/звука». Однако анализ собранных нами материалов показал, что перенос по типу «физическое свойство предмета → физическое свойство лица» является возможным, хотя такие случаи немногочисленны. К этому типу относится, например, прилагательное *точёный*, которое в литературном языке указывает на остроту предмета (*точёный нож*), а в молодёжной речи описывает правильную фигуру человека: *точёная фигура*, *точёная девочка*, которые описываются стройную фигуру. В китайском языке аналогичным примером является прилагательное 尖 (острый), которое в разговорной речи имеет возможность описать хорошее зрение: 眼睛尖 (глаза острые) – ‘острое зрение’.

К группе «физическое свойство лица → физическое свойство предмета» можно отнести такие примеры, как *плешивый* (с плешью в волосах) в значении ‘некачественный’; и 裸 (голый) в словосочетании 裸机 (голый компьютер / телефон) – ‘компьютер без каких-либо программ или других операционных систем’ или ‘телефон без защищенного стекла и чехла’. Слово 裸 (голый) ещё может означать ‘неподготовленный’. К примеру, 裸婚 (голая свадьба)

означает ‘жениться без заблаговременной подготовки (без покупки квартиры, автомобиля и пр.)’, а 裸考 (сдавать экзамен голым) означает ‘сдавать экзамен без подготовки’. В таком случае физическое свойство лица переносится на нефизическое свойство абстрактных объектов. Сходным примером также служит слово 盲 (слепой) в значении ‘беспредметный, бесцельный’: например, 盲选 (выбрать вслепую) означает ‘выбрать что-л. без определённой цели и подбора’, а 盲猜 (гадать вслепую) означает ‘гадать по своему усмотрению’. Подобные примерами встречаются в литературном русском языке: *слепая любовь, слепая вера*, однако в русской молодёжной речи их на данный момент не обнаружено.

3.3.2 Метонимия в конструкциях с прилагательными в речи русской и китайской молодёжи

В разделе 1.2 представлены пять основных типов признаков метонимий; однако количество собранных нами примеров для каждой группы является ограниченным. Среди этих типов, основным направлением метонимии диатетического типа является перенос по принципу «физическое свойство части → физическое свойство целого». Однако даже в этой группе примеров в молодёжной речи оказывается невелико: в китайском языке прилагательное 慢 (медленный), выражающее характеристику скорости, в молодёжной лексике может описывать темп жизни. Например, выражение 慢生活 (медленная жизнь) применяется для описания медленного образа жизни, явления дауншифтинга, при котором признак 慢 переносится с части *темп* на целое *жизнь*. Аналогичных примеров в собранных нами примерах русской молодёжной речи не пока не обнаружено.

В группе «состояние → каузатор или результат состояния» содержатся примеры метонимии, в которых состояние лица используется для описания каузирующего объекта или результата данного состояния. Например, в китайской молодёжной речи используется прилагательное 痛 (болевого) в таких выражениях, как 痛男 (болевого мужик), означающее ‘человек, на которого больно смотреть (о смешном или очень странном человеке)’; 痛包 (болевого сумка) ‘сумка, увешанная

значками’, 痛车 (болевого автомобиль) – ‘автомобиль с изображением персонажей аниме или манги’. Здесь состояние человека переносится на предмет, каузирующий данное состояние. К этому типу также можно отнести слово 锐 (острый), исходным значением которого является чёткость изображения, описывающая резкость переходов его элементов: 照片很锐 – ‘фото получается чёткими’. При метонимическом сдвиге, признак изображения переносится на признак каузатора: 镜头锐 (объектив острый) – ‘объектив мощный’.

Метонимия результативного типа включается в себя сравнительно большее количество примеров. В китайской молодёжной речи наблюдается перенос «размер → дистанция»: слово 顶 использует как прилагательное, означающее ‘что-то самое высокое, имеющее самое большое расстояние по вертикали’, при метонимическом сдвиге оно приобретает смысловой компонент ‘находящийся на наивысшем месте’, таким образом образуется значение ‘сытный (о еде)’. Например, в словосочетании 很顶 (в котором 很 представляет собой наречие ‘очень’) описывается сытная еда, которая наполняет человека до самого горла. Сходным образом прилагательное 浅, обозначающее ‘неглубокий’, при метонимической деривации приобретает значение ‘находящийся недалеко от поверхности земли’. На основе метафорического переноса участник признака переносится на нематериальные предметы, что позволяет данному прилагательному приобретать значение ‘незначительный по степени проявления’. Примеры употребления в молодёжной речи включают слова, такие как 轻熟 (лёгкая зрелость) – ‘человек, который выглядит моложе своего возраста, при этом обладает определенной зрелостью внутри’, 轻奢 (лёгкая роскошь) – ‘доступная роскошь’. Следует отметить, что мотивированные значения слов 高 (‘высокий, расположенный на значительном расстоянии вверх от какого-л. уровня’) и 低 (‘имеющий небольшую протяженность снизу вверх’) в примерах, приведенных в подразделе 3.2.1, также основывается на метонимическом и метафорическом переносе.

В то же время в русской молодёжной речи наблюдается перенос типа «физическое свойство человека → нефизическое свойство человека», где наименование физического свойства человека используется для описания его настроения, психического состояния или достижений: например, такие прилагательные, как *убитый*, описывающее физическое состояние человека и означающее в молодёжной речи ‘расстроенный’: *чѐ такой убитый ходишь?* [Морозова, 2019, с. 154]; а также *повёрнутый* в значениях ‘зацикленный’: *она просто повернута на сериале*, ‘неадекватный, психически нездоровый’: *этому повернутому в психушку пора* [там же, с. 122]. Происходящее от английского языка *лейм* (lame) – ‘хромой’ также можно отнести к этой группе, при метонимическом переносе оно может описывать человека, который плохо делает что-то или скучного, неинтересного человека. Сходными примерами в китайском языке служат такие выражения, как *手残* (руки дефективны) – ‘криворукий (о человеке)’, *脑残* (мозги дефективны) – ‘умственно отсталый’.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги изучения процессов семантической деривации в молодёжной речи, следует сказать, что такие тропы, как метафора и метонимия, играют особенно важную роль в процессе словопроизводства.

Результаты анализа, приведённые в этой главе, позволяют сделать ряд выводов.

В молодёжной речи как русской, так и китайской метафора и метонимия являются продуктивными способами образования производных значений.

Метафорическая деривация слова заключается в таксономическом переносе участника, соответственным образом, в большинстве случаев меняется и категории самого слова, и его тематический класс.

Метонимическая деривация представлена двумя типами: аргументным и результативным. В первом случае семантическая деривация заключается в перестановке акцентов на участниках слова, вместе с тем меняется и категория слова. Во втором случае происходит лишь категориальный переход самого слова с исходного значение на логический результат этого значения.

При метонимическом переносе в конструкциях с именами существительными слово, находящееся в соответствующей категории, получает возможность обозначать релевантный объект. Например, слово из категории «часть» способно обозначать релевантный целый объект. Основной группой, охватывающей наибольшее количество подобных примеров как в русской, так и в китайской молодёжной речи, является группа «часть тела человека–человек». Сходным образом слово, находящееся в категории «цвет», «материал», «местонахождение», «функциональный объект», также может обозначать носителя этих признаков, которым в большинстве случаев является человек (отметим, что в китайской молодёжной речи количество таких примеров сравнительно немного).

Метафорическая деривация в номинативных конструкциях в данной работе представлена на основе изменения категории. Так как в сленге категориальный сдвиг слова служит свидетельством смены класса участника, слово, переходящее в соответствующую категорию, способно обозначать объект со сходной

категориальной характеристикой, при этом имея возможность приобрести новую валентность, это более очевидно представлено в примерах китайского языка. Среди метафорической деривации в номинативных конструкциях в речи молодёжи обеих стран основные группы составляют случаи перехода по сходству формы и функции. Кроме того, метафорический перенос существительного имеет теснейшую связь с прилагательным и глаголом, которые с ним сочетаются: на основе их вторичного значения становится возможным образование более абстрактных значений. Так, слово, переходящее в категорию «вкус», не только может обозначать объект со сходным вкусом, но и обеспечивает возможность описать нефизический признак объекта, связанный с тем или иным чувством, которое испытывает человек.

Процесс метафорической деривации в конструкциях с глаголами можно разделить на четыре направления: переход субъекта от «не-человека» к «человеку», переход объекта от «не-человека» к «человеку», переход субъекта от «человека» к «не-человеку» и переход объекта от «человека» к «не-человеку», среди которых главным является перенос из «нечеловеческого» класса в «человеческий».

При переходе субъекта глагол, обозначающий природное явление или артефакт, используется для описания действия лица (среди китайских примеров – глаголы со значением воздействия на электронные приборы активно используются для описания действия лица). При переходе объекта глаголы воздействия в обоих языках часто приобретают значения ‘бить’ или ‘убить’. В случае изменения субъекта глагола, соответственно, в его сленговом значении происходит и категориальный сдвиг, который часто сопровождается метонимическим переносом глагола.

Главным направлением метонимической деривации диатетического типа в русской молодёжной речи является перенос неагентивного происшествя на действие лица. В китайской молодёжной речи возможно и обратное направление – действия лица на неагентивный процесс.

Метонимическая деривация результативного типа в русской молодёжной речи часто связывается со значением ‘убить’, в китайской – ‘умереть’, при этом исходное

значение глагола может указывать на способ битья, а также на само состояние смерти.

Количество примеров семантической деривации в адъективных конструкциях невелико. Метафорическая деривация связывается со сменой класса имён существительных: главным направлением в речи молодёжи обеих стран является перенос «физическое свойство предмета – нефизическое свойство лица или абстрактного объекта». Среди русских примеров наблюдается перенос «нефизическое свойство лица → физическое свойство», примеры которого отсутствует в китайской молодёжной речи.

Примеров метонимического переноса результативного типа в адъективных конструкциях сравнительно побольше, чем перенос аргументного типа. В частности, в русском языке такие случаи сосредоточены в группе «физическое свойство человека → нефизическое свойство человека», в китайском языке количество примеров подобного рода ограничено, и в китайском языке наблюдаются побольше примеров в группе «размер → дистанция».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение тропа как объекта лингвистического исследования имеет длительную историю и может быть рассмотрено с разных позиций. Принципы типологии и количество разновидностей тропов могут варьироваться в зависимости от выбранного критерия классификации.

Общее определение тропа сводится к следующему: под тропом подразумевается механизм речи, который заключается в регулярном или окказиональном переносе значения слова или словосочетания. Троп представляет собой продуктивную модель образования производного значения, в которой особенно активную роль играют метафора и метонимия, основанные, соответственно, на подобном и смежном отношениях между двумя концептами.

Молодёжная речь представляет собой систему лексических средств с определённой функционально-стилистической окраской. Словарный запас молодёжи пополняется главным образом за счет морфолого-словообразовательных процессов и лексико-семантических средств, при этом морфолого-словообразовательные средства часто сочетаются с лексико-семантическими. Основную часть собранных нами примеров – как в русском, так и в китайском языке – составляют слова, образованные в результате семантической деривации и с помощью сочетания обоих указанных средств.

Несмотря на тот факт, что в речи молодёжи двух стран присутствуют лишь отдельные примеры слов с полностью совпадающими исходными и переносными значениями, наблюдаются существенные сходства в процессе семантической деривации.

В разделе 1.2 показано, что от лексической семантики во многом зависят и грамматическое поведение, и сочетаемостный потенциал слова. При сравнении сочетаемостного потенциала слова определяются параметры, влияющие на значение слова. Для глаголов это тематический класс, таксономическая категория, диатеза и таксономический класс участников, для прилагательных – таксономический класс, класс участника. Предполагаем, что для описания имён

существительных также существуют различные категории, определяющие сочетаемость и возможность семантической деривации слова. Таким образом мы получаем возможность описать процесс семантической деривации на основе параметров значения: метафорический перенос заключается в таксономическом переносе участника слова, тогда как метонимический перенос диатетического типа представляет собой перестановку акцентов на участниках, перенос результативного типа предполагает категориальный сдвиг самого слова.

Сопоставительный анализ показал, что процессы образования метафорических и метонимических значений, рассматриваемых как универсальные типы семантической деривации, сходны в русском и китайском языках. При семантической деривации главным направлением переноса значения является перенос из неодушевленного мира в одушевленный, при котором характеристики природных явлений и неодушевлённых предметов используются для описания человека. Это характерно как для китайской, так и для русской молодёжной речи и проявляется во всех рассмотренных конструкциях. В номинативных конструкциях главной группой метафорического переноса являются наборы слов, которые переходят в категории формы и функции, и описывают характеристики лица; основной группой метонимического переноса – «часть тела–человек». В конструкциях с глаголами главным направлением метафорического переноса в молодёжной речи является переход субъекта или объекта от «не-человека» к «человеку»; для метонимического переноса – переход категории глагола от «происшествия» к «действию/деятельности». В адъективных конструкциях при метафорическом переносе главной является группа «физическое свойство предмета – нефизическое свойство лица или абстрактного объекта». Производные значения в молодёжной речи концентрируются на объектах, наиболее тесно связанных с жизнью молодёжи. Благодаря использованию метафоры и метонимии в своей речи, молодые люди получают возможность обогатить свой словарный запас, создать более яркие образы.

Необходимо также отметить, что семантическая деривация в речи молодёжи двух стран имеет немало различий. Так, в китайской молодёжной речи, по

сравнению с русской, ограничено число примеров номинативных конструкций в группе «свойство–носитель» (некоторые из приведённых в работе примеров были взяты из литературного языка). Для конструкций с глаголами в русской молодёжной речи характерно только одно направление метонимического сдвига, а в китайской молодёжной речи возможно и направление «действие/ деятельность → происшествие». В адъективных конструкциях в русской молодёжной речи большее количество примеров в группе «физическое свойство человека → нефизическое свойство человека», а в китайской молодёжной речи – в группе «размер-дистанция». На наш взгляд, эти различия могут быть обусловлены культурными факторами и структурными особенностями обоих языков.

Кроме того, в молодёжной речи активно образуются производные значения с шутливо-ироническим оттенком, что свидетельствует о том, что стёб и юмор являются важной составляющей речи как русской, так и китайской молодёжи. Это связано с особенностями социального статуса, а также психофизического и эмоционального состояния молодёжи, которая находится в периоде перехода от детства к зрелости и еще не обладает полной самостоятельностью в обществе. Такая шутливая окраска помогает молодёжи укреплять связь внутри своей группы, устанавливать свою идентичность и выделяться в обществе.

Подводя итоги, можем сказать, что тропы, будучи продуктивным способом семантической деривации, занимают важное место в словопроизводном процессе русской и китайской молодёжной речи. В зависимости от многих факторов, в том числе культурных, социальных и др., исходное и производное значение могут значительно различаться, однако изучение процессов семантической деривации в двух языках показало, что в молодёжной речи предпочтение отдаётся использованию элементов из других сфер для описания состояний, характеристик и действий самого человека, так как в центре картины мира молодёжи – как русской, так и китайской – находится концепт «человек», что соответствует психофизиологическим и психическим особенностям молодёжи. Кроме того, в обоих языках при семантической деривации производное значение часто характеризуется яркой субъективно оценочной характеристикой, в частности

иронически-шутливой окраской, что выражает отношение молодёжи к окружающему миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннушкин, В. И. История русской риторики: хрестоматия: учеб. пособие: [Электронный ресурс] / В. И. Аннушкин. – 5-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 416 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83535>.
2. Аннушкин, В. И. Ся, Л. Эволюция предмета русской словесности и его сопоставление с иностранными аналогами // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2023. – № 2. – С. 41-45.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995б. – 767 с.
4. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синоним. Средства языка / Ю. Д. Апресян; АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме «Кибернетика». – Москва: Наука, 1995а. – 472 с.
5. Аристотель. Риторика [Электронный ресурс]. – Москва: Директ-Медиа, 2002. – 358 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6941>.
6. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – 13-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 384 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Синтаксические функции метафоры / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978а. – Т. 37, № 3. – С. 251–262.
8. Арутюнова, Н. Д. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация: виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – С. 86–128.
9. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978б. – Т. 37, № 4. – С. 333–343.
10. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – Москва: Наука, 1979. – С. 147–173.
11. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., исп. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – I – XV, – 896 с.

12. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов: [Около 7 000 терминов] / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва: Сов. энцикл., 1969. – 607 с.
13. Бабушкин, А. П., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.
14. Балашова, Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее [Электронный ресурс]. – Москва: Языки славянской культуры, 2014. – 493 с. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/02000006995>.
15. Бахтина, М. Б. Эмотивно-оценочная картина мира современной молодёжи: на материале жаргонной лексики конца XX — начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бахтина Маргарита Борисовна. – Новосибирск, 2011. – 357 с.
16. Бекасова, Е. Н. Вопросы образования и развития русского литературного языка (синоптическая часть к курсу «История русского литературного языка»): учеб. Пособие / Е. Н. Бекасова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – 142 с.
17. Береговская, Э. М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – 1996. № 3. С. 32–41.
18. Библиева, О. В. Лингвокультурологические особенности репрезентации языка молодёжной культуры в средствах массовой информации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / О. В. Библиева. – Кемерово, 2008. – 179 с.
19. Бирих, А. К. Метонимия в современном русском языке: семантический и грамматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / А. К. Бирих. – Ленинград, 1987. – 270 с.
20. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. курс лекций: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. Н. Болдырев. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 235 с.
21. Бондаренко, М. В. Типы метонимического переноса и проблемы их системного описания: на материале английского языка: дис. ... кан. филол. наук: 10.02.04 / М. В. Бондаренко. – Ленинград, 1980. – 202 с.
22. Будагов, Р. А. Литературный язык и языковые стили / Р. А. Будагов. – Москва: Высш. школа, 1967. – 376 с.

23. Будагов, Р. А. Проблемы изучения романских литературных языков / Р. А. Будагов. – Москва: Изд-во Моск. Ун-та, 1961, – 38 с.
24. Бурмистрова, М. А. Когнитивная метафора в научном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. А. Бурмистрова. – Москва, 2005. – 144 с.
25. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – Москва: Языки славянской культуры, 2011. – 288 с.
26. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая; пер. с пол. Г. Е. Крейдлина // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной; [авт. примеч. М. А. Кронгауз]. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 133–152.
27. Везерова, М. Н. Метонимия как результат компрессии текста (на материале лирики Ф. И. Тютчева) / М. Н. Везерова // Деривация и текст. – Пермь: ПГУ, 1984. – С. 155–160.
28. Виноградов, В. В. История русского литературного языка: Избр. труды / В. В. Виноградов. Отв. ред., сост., авт. вступ. статьи и коммент. д. филол. н. Н. И. Толстой. – Москва: Наука, 1978. – 320 с.
29. Виноградов, В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В. В. Виноградов. – Москва: Наука, 1967. – 134 с.
30. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов; – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
31. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике. / В. В. Виноградов. – Москва: Наука, 1975. – 559 с.
32. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов. // вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–88.
33. Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 320 с.
34. Воронцова, М. И., Рахилина, Е.В. Предметные имена и лексическая типология // сборник Проблемы семантической и синтаксической типологии, – Москва: Наука, 1989. – С. 10–15.

35. Гальперин, И. Р. О термине “слэнг” / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 107–114.
36. Гинзбург, Е. Г. Конструкции полисемии в русском языке: Таксономия и метонимия / Е. Г. Гинзбург. – Москва: Наука, 1985. – 233 с.
37. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 11-е изд. – Москва: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
38. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка. / В. И. Горелов. М., «Просвещение», 1979. – 192 с
39. Городское просторечие: Пробл. изуч. [Сб. ст.] / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1984. – 189 с.
40. Горчакова, Е. В. Сопоставительное исследование молодёжного социолекта русского и немецкого языков: Социолингвистический и лингвокогнитивный аспекты: диссертация ... канд. Филол. наук: 10.02.20. / Е. В. Горчакова – Томск, 2002. – 175 с.
41. Горшков, А. И. История русского литературного языка: Учеб. пособие для филол. фак. / И. А. Горшков. – Москва: Высш. школа, 1965. – 198 с.
42. Горшков, А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учебник для пед. ун-тов и гуманитарных вузов / А. И. Горшков. – Москва: АСТ: Астрель, 2006. – 366
43. Грачёв, М. А. Словарь современного молодёжного жаргона / М. А. Грачёв. —М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 672 с.
44. Грачёв, М. А. Откуда слова тусовка и тусоваться? / М. А. Грачёв // Русский язык в школе. — 1995. — № 3. — С. 84–86.
45. Грачёв, М. А. Русское арго: Монография / М. А. Грачёв — Н. Новгород: НГЛУ, 1997. — 245 с.
46. Грачёв, М. А., Арготизмы в молодёжном жаргоне / М. А. Грачёв // русский язык в школе, — 1996, — № 1. — С.78—85.
47. Ермакова, О. П. Семантические процессы в русском молодёжном жаргоне / О. П. Ермакова // Поэтика, стилистика, язык и культура: [Сб. ст.]: Памяти Т. Г. Винокур / Отв. ред. Н. Н. Розанова. — Москва: Наука, 1996. — С.190— 199.

48. Ерохина, Т. В. Семантические особенности сленга в сфере английской глагольной лексики / Т. В. Ерохина // Проблемы организации лексической системы английского языка: (структур. и коммуникатив. аспекты): сб. науч. тр.— Вып. 288. — Москва: МГИИЯ, 1987. — С. 4–12.
49. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / М. Р. Желтухина. — Москва, 2004. — 358 с.
50. Женетт, Ж. Фигуры: в 2 т. / Жерар Женетт; пер. с фр. Е. Васильевой [и др.]. — Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Т. 1–2. — 994 с.
51. Жоль, К. К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жоль. — Киев: Наук. думка, 1984. — 303 с.
52. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 328 с.
53. Зубкова, О. С. Некоторые когнитивные аспекты формирования метафоры [Электронный ресурс] / О. С. Зубкова // Учёные записки: Электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. — 2010. — № 2 (14). — С. 139–145. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-kognitivnye-aspekty-formirovaniya-metafory/viewer>.
54. Игнатенко А.В., Дорофеева Е.А. Политические метафоры в контексте стереотипизации и когнитивных искажений // Политическая лингвистика. — 2022а. — №3 (93) — С. 27–38.
55. Калинин О.И., Игнатенко А.В. Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах информационного и воздействующего характера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022б. Т. 13. — № 4. — С. 1062–1082.
56. Калинин, О.И. Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — № 10(865). — С. 41–47.

57. Калинин, О.И., Мавлеева, Д.В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18, № 4. – С. 99–109.

58. Караченцева, Н. М. К истории русской филологической терминологии: тропы и фигуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. М. Караченцева. – Ростов н/Д, 1999. – 336 с.

59. Квинтилиан, М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. Книга VIII [Электронный ресурс] / пер. с лат. Рос. акад. чл. Александром Никольским и оною Акад. изд. ч. 1–2. – Санкт-Петербург: Тип. Импер. Рос. Акад., 1834. – ч. II. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1355678821>.

60. Кириллова, Н. О. Метафорические номинации в семантическом поле глаголов речи / Н. О. Кириллова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 10/2 (50). – С. 140–147.

61. Ковалевская, Е. Г. Избранное. 1963–1999 / Е. Г. Ковалевская; под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – СПб.: Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – 687 с.

62. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка: учебник [Электронный ресурс] / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 8-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2020. – 464 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83211>.

63. Копорский, С. А. О культуре языка и речи молодёжи / С. А. Копорский // –Русская речь. – 1991. – № 1, – С. 93–97.

64. Королёва, О. Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления / О. Э. Королёва. – Обнинск: Ин-т муницип. упр., 2002. – 159 с.

65. Кочешкова, И. Ю. Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж. Фаулза: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. Ю. Кочешкова. – Барнаул, 2004. – 176 с.

66. Кошанский, Н. Ф. Общая риторика [Электронный ресурс] / Н. Ф. Кошанского. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: В тип. Медицинского

департамента М-ва внутр. дел, ценз., 1854. – 131 с. – Режим доступа: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01008511563?page=58&rotate=0&theme=white>.

67. Кубрякова, Е. С. О формировании значения в актах семиозиса // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань: РГПУ, 2000. – С. 26–29.

68. Курилович, Е. Очерки по лингвистике: Сборник статей / Е. Курилович. пер. с польского, фр., англ., нем. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с

69. Кустова, Г. И. Семантические переходы в абстрактных существительных / Г. И. Кустова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, – 2016, № 2(30). – С. 73–85.

70. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – Москва: Яз. славян. культуры, 2004. – 472 с.

71. Лингвистика конструкций / сост. и отв. ред. Е. В. Рахилина. – Москва: Изд. центр «Азбуковник», 2010. – 548 с.

72. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

73. Липатов, А. Т. Сленг как проблема социолектики: монография / А. Т. Липатов. – Москва: Изд-во ЭЛИПС, 2010. – 317 с.

74. Ломоносов, М. В. 4. Краткое руководство к красноречию. Книга первая [Электронный ресурс] / М. В. Ломоносов. Т. 7. Труды по филологии: 1739–1758. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 89–378. – Режим доступа: <http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/252.htm>.

75. Лопаткина, С. В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке (на материале художественной и публицистической речи): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. В. Лопаткина. – Абакан, 2004. – 217 с.

76. Лотман, Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 478 с.

77. Ляшевская, О. Н. Онтологические категории имен эмоций / О. Н. Ляшевская, Е. В. Падучева // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2011. – № 5. – С. 23–31.

78. Ляшевская, О. Н. Семантика русского числа / О. Н. Ляшевская. – Москва: Яз. славян. культуры, 2004. – 390 с.
79. Маклокова, Т. Б. Роль тропов и фигур речи в целом тексте: симметро-позиционный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. Б. Маклокова. – Иркутск, 2010. – 204 с.
80. Маковский, М. М. Современный английский сленг: онтология, структура, этимология / М. М. Маковский. - Изд. 4-е. – Москва: URSS, 2009. – 164 с.
81. Маковский, М. М. Языковая сущность современного английскоого сленга / М. М. Маковский // Иностранные языки в школе. – 1962. – № 4. – С.102 – 113.
82. Максименко, О. И. Гендерные особенности речи в интернет-коммуникации // Вопросы прикладной лингвистики. – 2020. – № 40. – С. 54–86.
83. Максименко, О.И. Язык Интернета: динамика развития / Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным: Сб. науч. трудов, серия Теория и история языкознания РАН М., ИНИОН РАН, – 2022. – С. 106–124
84. Максимович, К. А. «О тропах, или Об оборотах речи»: Трактат Георгия Хировоска в Изборнике Святослава 1073 г. (перевод и комментарий) [Электронный ресурс] / К. А. Максимович // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка: [сб. ст.]: В 2 ч. ред. Г. А. Богатова, З. М. Петрова. – Москва: Ин-т рус. яз., 1991. – ч. 1. – С. 112–129. – Режим доступа: <http://Annales.info/byzant/small/hirovosk.htm>.
85. Марочкин, А. И. Лексико-фразеологические особенности молодёжного жаргона: на материале речи молодёжи Воронежа: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / А. Н. Марочкин. – Воронеж, 1998. – 16 с.
86. Матвеева, Т. В. Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика [Электронный ресурс] / Т. В. Матвеева. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2014. – 415 с. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/02000012629>.
87. Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. учреждений / А. К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

88. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры / В. П. Москвин. – Волгоград: Учитель, 2006. – 376 с.
89. Москвин, В. П. О подходах к определению понятия ‘троп’ / В. П. Москвин // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2013, – Т. 72, № 2. – С. 20–31.
90. Мурзин, Л. Н. Образование метафор и метонимий как результат деривации предложений / Л. Н. Мурзин // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1972. – С. 30–39.
91. Мурзин, Л. Н. Основы дериватологии: Конспект лекций / Л. Н. Мурзин. – Пермь: Перм. ун-т, 1984. – 56 с.
92. Ненарокова, М. Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник [Электронный ресурс] / М. Р. Ненарокова – Москва: ИМЛИ РАН, 2003. – 271 с. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Beda_Dostopochtennyj/dostochtimyj-beda-ritor-agiograf-propovednik/2.
93. Никитин, М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М. В. Никитин. – Владимир: Владимир. пед. ин-т, 1974. – 222 с.
94. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие по направлению «Филологическое образование» / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
95. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики: учеб. пособие для студентов вузов / М. В. Никитин; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
96. Никитина, С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов: Принципы составления и избранные словарные статьи / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. Ин-т языкознания. – Москва: [Б. и.], 1996. – 171 с.
97. Никольский, А. С. Основания российской словесности. В 2 ч. Ч. 2. Риторика [Электронный ресурс] / А. С. Никольский. – 2-е изд., вновь пересмотр. и испр. – СПб.: Мор. тип., 1809. – 178 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/355329>.

98. Новиков, А. Л. Метонимия в русском языке: Семантическая структура, словообразовательные стилистические функции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Л. Новиков. – Москва, 1996. – 176 с.
99. Новиков, Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие / Л. А. Новиков. — Москва: Высш. шк., 1982. – 272 с.
100. Общая риторика / пер. с фр. Ж. Дюбуа, Ф. Пип, А. Тринон [и др.]; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. – Москва: Прогресс, 1986. – 392 с.
101. Оганьян, А. М. Метафора как основной троп поэтической речи: на материале англоязычной поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. М. Оганьян. – Москва, 2006. – 206 с.
102. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. — Москва: Наука, 1980. — 263 с.
103. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – Москва: Яз. славян. культуры, 2004. – 607 с.
104. Падучева, Е. В. Онтологические категории имен речи: проблема категориальной неоднозначности / Е. В. Падучева // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2013. – № 4. – С. 18–29.
105. Падучева, Е. В. Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола / Е. В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – 2003. – № 2(6). – С. 192–216.
106. Падучева, Е. В. таксономические категории и тематические классы предикатов // Статьи разных лет – Москва: Издательство «Языки славянских культур», 2009. – С.317-337.
107. Пекарская, И. В., Амазаракова, И. П. К проблеме системного описания тропов (на материале русского и немецкого языков) / И. В. Пекарская, И. П. Амазаракова // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: Международный тематический сб. науч. тр. Вып. 4. / под. ред. Г. Г. Галич. – Омск: Омск. гос. Ун-т, 2003. С.3–16.

108. Пекарская, И. В. Фигуральные элокутивы: принципы организации и способы представления / И. В. Пекарская // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3 (25). – С. 167–172.

109. Первая судебная риторика: «Риторика для Геренния» («Ad Herennium») / под ред. Л. В. Шабанова; пер., вступ. ст., коммент. С. Э. Зверев, Е. Ю. Голубева. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. – 148 с.

110. Поливанов, Е. Д. О бладном языке учащихся и о “славянском” языке революции / Е. Д. Поливанов // За марксистское языкознание. – М. 1931. С. 161–172.

111. Потebня, А. А. Мысль и язык [Электронный ресурс] / А. А. Потebня. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 395 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83909>.

112. Потebня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потebня; сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. – М.: Высш. шк., 1990. – 344 с.

113. Раевская, О. В. Метонимия в слове и в тексте / О. В. Раевская // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 49–55.

114. Раевская, О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии / О. В. Раевская // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1999. Т. 58, – № 2. – С. 3–12.

115. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – Москва: Рус. словари, 2008. – 416 с.

116. Рахилина, Е. В. Фреймовый подход к лексической типологии / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3–31.

117. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс. пер. с англ. Р. И. Розиной // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной; [авт. примеч. М. А. Кронгауз]. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 44–67.

118. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1976. – 543 с.

119. Розина, Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол / Р. И. Розина. – Москва: Азбуковник, 2005. – 301 с.
120. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебрянников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]; отв. ред. Б. А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
121. Романов, А. Ю. Современный русский молодёжный сленг / А. Ю. Романов. – Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 2004. – 206 с.
122. Саляев В. А. Два источника и две составные части русского сленга / В. А. Саляев // Социальные варианты языка. – Н. Новгород: НГЛУ, 2002. – С. 105–108.
123. Саляев В. А. О социальных диалектах русского языка / В. А. Саляев // Русский язык в школе. – 1995. – № 3. – С. 78–84.
124. Скворцов, Л. И. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов: дис. ... кандидата филологических наук: 10.00.00. / Л. И. Скворцов. – Москва, 1966. – 492 с.
125. Скворцов, Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии / Л. И. Скворцов // Литературная норма и просторечие. – М.: Наука 1977. – С.29-57.
126. Скворцов, Л. И. Об оценках языка молодёжи (жаргон и языковая политика) / Л. И. Скворцов // Вопросы культуры речи. – Москва: Изд-во АН СССР, 1964. Вып. 5. – С.37–52.
127. Складывшаяся, Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания / Г. Н. Складывшаяся // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 58–65.
128. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики: учеб. пособие для студентов и аспирантов филол. специальностей / Ю. М. Скребнев. – Горький: [Б. и.], 1975. – 174 с.
129. Словарь русского языка: В 4 т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1., А-Й. 1985. – 696 с.

130. Словарь современного русского литературного языка / Глав. редакция: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев (глав. ред.), акад. С. П. Обнорский и др. – Москва; Ленинград: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1955. Т. 4; – 1364 с.

131. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с.

132. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сешез при участии А. Ридлингер / Ф. Соссюр; Пер. со 2 фр. изд. А. М. Сухотина; под ред. и с примеч. Р. И. Шор; Вводная статья Д. Н. Введенского. – Москва: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.

133. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 697 с.

134. Суворова, М. В. Трансдискурсивная модификация модели метафоры: на материале научного, научно-популярного и популярного дискурсов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. В. Суворова. – Пермь, 2019. – 190 с.

135. Судзиловский, Г. А. Сленг – что это такое? Англ. просторечная воен. лексика: Англ.-рус. словарь воен. сленга / Г. А. Судзиловский. – Москва: Воениздат, 1973. – 182 с.

136. Сырма, Н. А. Тропы и фигуры речи и их текстообразующая функция: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сырма Н. А. – Ростов н/Д, 2007. – 184 с.

137. Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды / В. Н. Телия // Языковая номинация / отв. ред.: чл.-кор. АН СССР Б. А. Серебренников, д-р филол. наук А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – С. 129–221.

138. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Б. В. Томашевский; вступ. ст. Н. Д. Тмарченко; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.

139. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.

140. Фаттахова, А. Ж. Гипербола в творчестве В. В. Маяковского: способы образования и особенности лингвоэстетического употребления: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Ж. Фаттахова. – Ижевск, 2018. – 228 с.
141. Хазагерев, Т. Г. Общая риторика: Курс лекций: Слов. ритор. приемов: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Филология» / Т. Г. Хазагерев, Л. С. Ширина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 320, с.
142. Химик, В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2000. – 269 с.
143. Химик, В. В. Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии / В. В. Химик // XLIII Международная филологическая конференция : Избранные труды. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. – С. 460–471.
144. Химик, В. В. Язык современной молодёжи / В. В. Химик // Современная русская речь: состояние и функционирование: Сборник аналитических материалов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – С. 7–66.
145. Хомяков, В. А. О термине «сленг»: из истории вопроса. / В. А. Хомяков. // Вопросы теории английского и немецкого языков. Уч. Зап. / Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1969. С. 65–80.
146. Цибизова, О. В. Современный молодёжный жаргон: проблемы лексикографического описания: автор. дис. ... филол. кандид. наук: 10.02.01 / О. В. Цибизова. – Архангельск, 2006. – 22 с.
147. Цицерон, М. Т. Брут, или О знаменитых ораторах [Электронный ресурс] / М. Т. Цицерон // Три трактата об ораторском искусстве. пер. с лат. Ф. А. Петровского [и др.]; под. ред. [и со вступ. ст., с. 7–73] – М. Л. Гаспарова; [коммент. М. Л. Гаспарова и И. П. Стрельниковой]. – Москва: Наука, 1972. – 471 с. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423777004#1>.
148. Черникова, Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии / Н. В. Черникова // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 82–90.

149. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
150. Швейцер, А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
151. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале рус. яз. / Д. Н. Шмелёв. – Москва: Наука, 1973. – 280 с.
152. Языкознание: Большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. (репр.) «Лингв. энцикл. слов.» 1990 г. – Москва: Большая рос. энцикл., 1998. – 682 с.
153. Якобсон, Р. Два вида афатических нарушений и два плюса языка / Р. Якобсон // Язык и бессознательное / пер. с англ., фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. В. Шеворошкина; сост., вст. сл. К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. – М.: «Гнозис», 1996. – С. 27–52.
154. Coleman, J. The life of slang. Oxford [etc.]: Oxford University Press. cop., 2012. - xi. 354 p.
155. Croft, W. & Cruse, D. A. Cognitive Linguistics. Cambridge university press, 2004. – 347 p.
156. Eco, U. Semiotics and the philosophy of language. Bloomington: Indiana university press, 1986. 239 p.
157. Fontanier, P. Les figures du discours. Paris : Flammarion, 1977. 510 p.
158. Radden, G. & Kovecses, Z. Towards a Theory of Metonymy // Metonymy in Language and thought. Amsterdam: John Benjamins Publishing company, 1999. С. 17–59.
159. Henne, H. Jugend und ihre Sprache // Darstellung-Materialien-Kritik. Berlin, New York: de Gruyter, 1986. XIV. 385 p.
160. Peacham, H. The Garden of Eloquence: Conteyning the Figures of Grammar and Rhetorick, from whence may bee gathered all manner of flowers, coulors, ornaments... [Electronic resource]. London: Imprinted in Fleetestrete, beneath the conduite, at the Signe of Saint John Evangelist, 1577. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?hl=zh-CN&lr=&id=lxYZAQAAMAAJ&oi=fnd&pg=PP7&dq=The+Garden+of+Eloquence&o>

ts=AP3hcUhtsT&sig=lbCdw8X3c8ULBis7RyzvYx1CkJE&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

161. Panther, K. & Radden, G. Introduction // Metonymy in Language and thought. Amsterdam: John Benjamins Publishing company, 1999. С.1–14.

162. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 202–251.

163. Lakoff G. & Johnson M. Metaphors we live by. Chigago: University of Chicago Press, 2003. – 243 p.

164. Nesfield, J. C. Manual of English grammar and composition [Electronic resource]. London: Macmillan, 1908. – Mode of access: <https://archive.org/details/manualofenglishg00nesf/page/n6/mode/1up?q=figure>.

165. Richards, I. A. The Philosophy of Rhetori. New York: Oxford University Press, 1965. – 138 p.

166. Sherry, R. A Treatise of Schemes and Tropes [Electronic resource]. Gainesville, Florida: SCHOLARS' FACSIMILES & REPRINTS, 2009. – Mode of access: https://www.gutenberg.org/files/28447/28447-h/28447-h.htm#scheme_figure.

167. Talmy, L. Toward a cognitive semantics. London: the MIT Press, 2000. – 491 p.

168. Ван Гуошэн. Энциклопедия по фигурам китайского языка / Ван Гуошэн, У Чжэньгуо, Ли Юймин. – Гуанси: Изд-во просвещения Гуанси, 1993. – 715 с. – 汪国胜, 吴振国, 李宇明. 汉语辞格大全. 广西: 广西教育出版社, 1993年. 715页.

169. Ван Инь. Когнитивная лингвистика / Ван Инь. – Шанхай: Изд-во по обучению иностранным языкам Шанхая, 2006. – 675 с. – 王寅. 认知语言学. 上海: 上海外语教育出版社, 2006. 675页.

170. Ван Лэй. Словарь интернет-сленгов Синьхуа. Пекин: Коммерческая пресса, 2012. 277 с. – 汪磊. 新华网络语言词典. 北京: 商务印书馆, 2012年. 277页.

171. Ван Сицзе. Введение в риторику / Ван Сицзе. – Чжэцзян: Изд-во просвещения Чжэцзяна, 2000. – 610 с. – 王希杰. 修辞学导论. 浙江教育出版社, 2000年. 610页.

172. Ван Сицзе. Общая теория риторики / Ван Сицзе. – Нанькин: Изд-во Нанькин. ун-та, 1996. – 533 с. – 王希杰. 修辞学通论. 南京大学出版社, 1996 年. 533 页.

173. Ван Сяньжуй. Пятнадцать лекций по древнекитайской поэтике / Ван Сяньжуй. – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2007. – 352 с. – 王先霏. 中国古代诗学十五讲. — 北京: 北京大学出版社, 2007. 352 页.

174. Гаврилюк, М. Когнитивное исследование метафор животных в русском и китайском языках: дис. ... д-ра филол. наук / М. Гаврилюк. – Ухань, 2017. – 194 с. – GAVRILYUK MARINA (赵琳娜). 俄汉语动物隐喻的认知研究[D]. 武汉大学. 2017. 194 页.

175. Гао Ваньюнь. Развитие риторической мысли Цянь Чжуншу / Гао Ваньюнь. – Цзинань: Шаньдунское изд-во лит. и искусства, 2006. – 303 с. – 高万云. 钱钟书修辞学思想演绎. 济南: 山东文艺出版社, 2006. 303 页.

176. Го Айпин. Психолингвистическое исследование сравнения и метафоры: дис. ... д-ра филол. наук / Го Айпин. – Шанхай, 2010. – 164 с. – 郭爱萍. 明喻和隐喻的心理语言学研究[D]. 上海外国语大学, 2010. 164 页.

177. Го Ясинь. Новое понимание когнитивно-прагматического механизма гиперболы / Го Ясинь, Фань Чжэньцян. – Текст: непосредственный // Вестник Хучжоуского педагогического колледжа. – 2018. – № 40 (11). – С. 84–89. – 郭雅欣, 范振强. 语言夸张的认知语用机制新解[J]. 湖州师范学院学报, 2018, 40(11): 84–89.

178. Гу Юегуо. Классическая риторика и неориторика Запада / Гу Юегуо // Преподавание иностранных языков и исследования. – 1990. – № 2. – С. 13–25. – 顾曰国. 西方古典修辞学和西方新修辞学[J]. 外语教学与研究, 1990 (02): 13–25+80.

179. Гун Дунфэн. Когнитивное исследование олицетворения и овеществления / Гун Дунфэн // Вестник Лоянского педагогического университета. – 2011. – № 30(01). – С. 76–78. – 龚东风. 比拟修辞格的认知机理[J]. 洛阳师范学院学报, 2011(01):76–78.

180. Кон Инда. Комментарии к тексту Шицзина в передаче Мао Хэна: в 3 т. / Кон Инда // «Тринадцатиканоние» с комментариями и толкованиями / под гл. ред. Ли Сюэцинъ. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 1999. – 1518 с. – 孔颖达. 十三经注疏·毛诗正义(上、中、下) / 李学勤主编. 北京: 北京大学出版社, 1999, 1518 页.

181. Ли Жулун. Способ лексической деривации китайского языка и его потоки // Вестник Хэбэйского нормального университета, – 2002. – № 05. С. 68–76. – 李如龙. 汉语词汇衍生的方式及其流变[J]. 河北师范大学学报: 哲学社会科学版, 2002(5): 68–76.

182. Ли Зцехоу. Чтение «Лунь Юй» сегодня / Ли Зцехоу. – Аньхой: Аньхойское изд-во лит. и искусства, 1998. – 467 с. – 李泽厚. 论语今读. 安徽文艺出版社, 1998. 467 页.

183. Ли Ин. Исследование системы фигуры речи в современном китайском языке с когнитивной точки зрения: дис. ... д-ра филол. наук / Ли Ин; Цзинан. ун-т. – Гуандун, 2014. – 153 с. – 李颖. 认知视角下的现代汉语辞格系统研究[D]. 暨南大学, 2014. 153 页.

184. Ли Фуинь. Очерки когнитивной лингвистики / Ли Фуинь. – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2008. – 419 с. – 李福印. 认知语言学概论. 北京: 北京大学出版社, 2008 年. 419 页.

185. Ли Ханьлэй. Когнитивная идентификация семантических фигур / Ли Ханьлэй // Северный форум. – 2014. – № 01. – С. 72–77. – 李晗蕾. 语义辞格的认知鉴别[J]. 北方论丛. 2014(01): 72–77.

186. Ли Юнчжун. Концептуальная суть метонимии и её прагматическая значимость / Ли Юнчжун // Иностранные языки и их преподавание. – 2005. – № 08. – С. 1–4. – 李勇忠. 转喻的概念本质及其语用学意义[J]. 外语与外语教学, 2005(08):1–4.

187. Ло Тянь. Исследование метафорического механизма неологизма года с точки зрения лингвокультуры / Ло Тянь, Се Яцзюнь // Вестник Гуандунского

открытого университета. – 2021. – № 30 (02). – С. 71–74+92. – 罗甜, 谢亚军. 文化语言学视角下的年度新词隐喻机制研究——以近五年“汉语盘点”年度媒体新词为例[J]. 广东开放大学学报, 2021. 30(02): 71–74+92.

188. Лю Се. Комментарии к тексту «Резной дракон литературной мысли» / Лю Се. – Пекин: Из-тво Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1962. – 799 с. – 刘颢. 文心雕龙注. 北京: 人民文学出版社, 1962. 799 页.

189. Лю Хуаньхуэй. Очерк риторики. – Наньчан: Лит. изд-во Байхуа Чжоу, 1997. – 473 с. – 刘焕辉. 修辞学纲要 (修订本). 南昌: 百花洲文艺出版社, 1997. 473 页.

190. Пу Кань. Сравнение различных фигур / Пу Кань. – Аньхой: Изд-во просвещения Аньхоя, 1983. – 178 с. – 濮侃. 辞格比较. 安徽: 安徽教育出版社, 1983. 178 页.

191. Пэн Юйхай. Исследование динамического описания лексической семантики / Пэн Юйхай. – Пекин: Изд-во китайской социальной науки, 2009. – 291 с. – 彭玉海. 语义动态分析方法探索. 北京: 中国社会科学出版社, 2009. 291 页.

192. Пэн Юйхай. Исследование интегративного описания семантики языка / Пэн Юйхай. – Пекин: Изд-во китайской социальной науки, 2013. – 389 с. – 彭玉海. 语言语义的集成描写研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2013. 389 页.

193. Пэн Юйхай. Исследование механизма глагольной когнитивной метафоры русского языка / Пэн Юйхай. – Пекин: Изд-во китайской социальной науки, 2018. – 466 с. – 彭玉海. 俄语动词认知隐喻机制研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2018 年. 466 页.

194. Се Чжицзюнь. Метафора: с риторики до когнитивистики / Се Чжицзюнь // Иностранные языки и их преподавание. – 2000. – № 03. – С. 9–12. – 谢之君. 隐喻:从修辞格到认知[J]. 外语与外语教学, 2000(03): 9–12.

195. Си Цзяньго. Метафорические и метонимические аспекты драмы Цао Юя: дис. ... д-ра филол. наук / Си Цзяньго; Шанх. ун-т иностр. яз. – Шанхай, 2008. –

190 с.– 司建国. 认知隐喻、转喻维度的曹禺戏剧研究[D]. 上海外国语大学, 2008. 190 页.

196. Сунь Фуцин. Сравнительное исследование российских и китайских метафор в политическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук / Сунь Фуцин. – Хэйлуунцзян, 2018. – 212 с. – 孙福庆. 俄汉政治话语隐喻对比研究[D]. 黑龙江大学, 2018. 212 页.

197. Сюй Шэнь. Происхождение китайских иероглифов / Сюй Шэнь. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 1963. – 398 с. – 许慎. 说文解字. 北京: 中华书局出版, 1963. 398 页.

198. Тан Сонбо. Большой словарь фигур / Тан Сонбо, Хуан Цзяньлинь. Китайская международная вещательная пресса, 1989. – 843 с. – 唐松波, 黄健霖. 汉语辞格大辞典. 北京: 中国国际广播出版社, 1989. 843 页.

199. Тан Юэ. Риторические фигуры / Тан Юэ; под гл. ред. Ван Юньбу. – Шанхай: Коммерческая пресса, 1923. – 76 с. – 唐钺. 修辞格 / 王云五主编. 上海: 商务印书馆, 1923. 76 页.

200. Тань Чжэнби. Новые примеры риторики / Тань Чжэнби. – Шанхай: Изд-во Тонгди, 1953. – 194 с. – 谭正璧. 修辞新例. 上海: 棠棣出版社, 1953. 194 页.

201. У Лицюань. Психориторика / У Лицюань. – Гуаньчжоу: Изд-во Цзинан. ун-та, 2013. – 245 с. – 吴礼权. 修辞心理学. 广州: 暨南大学出版社, 2013. 245 页.

202. У Шивэнь. Анализ фигур / У Шивэнь. – Шанхай: Изд-во просвещения Шанхая, 1998. – 256 с. – 吴士文. 修辞格论析. 上海教育出版社, 1988 年. 256 页.

203. Фан Юн. Мо-цзы / Фан Юн. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 2011. – 603 с. – 方勇. 墨子. 北京: 中华书局, 2011. 603 页.

204. Ху Фанфан. Когнитивное исследование метонимии современного китайского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Ху Фанфан; Вост.-Китай. пед. ун-т. – Шанхай, 2008. – 114 с. – 胡方芳. 现代汉语转喻的认知研究[D]. 华东师范大学, 2008. 114 页.

205. Хуан Цзинсюань. Риторика / Хуан Цзинсюань. – Тайвань: Изд-во Саньминь, 2002. – 940 с. – 黄庆萱. 修辞学. 三民出版社, 2002. 940 页.

206. Хуан Цзяньлинь. Словарь фигур китайского языка / Хуан Цзяньлинь. – Нанькин: Изд-во Юго-Восточного университета, 1995. – 608 с. – 黄健霖. 汉语修辞格鉴赏辞典. 南京: 东南大学出版社, 1995. 608 页.

207. Цай Хуэй. Когнитивная интерпретация метонимии в русском языке / Цай Хуэй. – Пекин: Изд-во по преподаванию иностранных языков и научным исследованиям, 2009. – 258 с. – 蔡晖. 俄语转喻的认知阐释. 北京: 外语教学与研究出版社, 2009. 258 页.

208. Цзун Тингху. История китайской риторики: в 3 т. / Цзун Тингху, Чэнь Гуанлэй. – Чанчунь: Изд-во просвещения Цзилинь, 2007. – 1956 с. – 宗廷虎, 陈光磊. 中国修辞史 (上、中、下). 长春: 吉林教育出版社, 2007. 1956 页.

209. Цзун Тингху. Самая ранняя монография в истории современной риторики – «Учебник по риторике» Тан Жэньчана / Цзун Тингху // Современная риторика. – 1990. – № 01. – С. 9–10+21. – 宗廷虎. 现代修辞学史上最早的专著——汤振常的《修词学教科书》[J]. 当代修辞学, 1990(01):9–10+21.

210. Цуй Яньхуэй. Метафора и когниция: дис. ... д-ра филол. наук / Цуй Яньхуэй; Цзилин. ун-т. – Чанчунь, 2015. – 126 с. – 崔艳辉. 隐喻与认知[D]. 吉林大学, 2015. 126 页.

211. Чжао Либо. Исследование китайских неологизмов. дис... д-ра филол. наук / Чжао Либо; Уханьский Ун-т. – Ухань, 2019. – 138 с. – 赵立博. 汉语锐词研究[D]. 武汉大学, 2019. 138 页.

212. Чжу Деси. курс по грамматике / Чжу Деси. – Шанхай: Коммерческая пресса, 1982, 231 с.– 朱德熙. 语法讲义. 商务印书馆出版, 1982. 231 页.

213. Чжэн Юаньхань. Различение фигур / Чжэн Юаньхань. – Хубей: Изд-во Хубей Жэньминь. 1985. – 149 с. – 郑远汉. 辞格辨异. 湖北: 湖北人民出版社, 1985. 149 页.

214. Чэнь Вуандао. Основа риторики / Чэнь Вуандао. – Шанхай: Изд-во просвещения Шанхая, 1997. – 293 с. – 陈望道. 修辞学发凡. 上海: 上海教育出版社, 1997. 293 页.

215. Чэнь Цзясюй. Сравнительное исследование когнитивной метафоры в китайском и английском языках: дис. ... д-ра филол. наук / Чэнь Цзясюй; Вост.-Китай. пед. ун-т. – Шанхай, 2004. – 175 с. – 陈家旭. 英汉隐喻认知对比研究[D]. 华东师范大学, 2004. 175 页.

216. Шао Яньцзюнь. Ключевые слова интернет-культуры, Пекин: SDX изд-во. 2018. 530 с. – 邵燕君. 破壁书: 网络文化关键词. 北京: 生活书店出版有限公司, 2018 年. 530 页.

217. Шу Динфан. Когнитивная семантика / Шу Динфан. – Шанхай: Изд-во по обучению иностранным языкам Шанхая, 2008. – 255 с. – 束定芳. 认知语义学. 上海: 上海外语教育出版社, 2008. 255 页.

218. Шу Динфан. О структурах и когнитивных характеристиках метафоры и сравнения / Шу Динфан // Иностранные языки и их преподавание. – 2003 (02). – С. 102–107+161. – 束定芳. 论隐喻与明喻的结构及认知特点[J]. 外语教学与研究. 2003(02): 102–107+161.

219. Ян Жунсян. Анализ культурных специфик фигур китайского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Ян Жунсян. – Шэньян: Изд-во Сев.-Вост. ун-та, 2015. – 322 с. – 杨荣祥. 汉语修辞格文化特征论析. 沈阳: 东北大学出版社, 2015. 322 页.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Анкета о молодёжной речи в современном мире (для русских студентов)

Дорогие друзья!

Просим Вас ответить на несколько вопросов о речи современной молодёжи. Здесь нет правильных и неправильных ответов, каждый ответ очень важен для исследования. Пожалуйста, долго не задумывайтесь над вопросами, отвечайте первый вариант, который приходит Вам в голову.

Заранее спасибо за участие в опросе!

1. Какие из перечисленных слов Вы часто используете в своей повседневной жизни? (Можно выбрать несколько вариантов):

1. Круто / крутой
2. Бомбово
3. Супер
4. Хайп
5. Респект
6. Кринж
7. Балдёж
8. Топовый
9. Хитовый
10. Дерзкий
11. Атомный
12. Цивильный / цивильно
13. Жирный / жирность (*хороший*)
14. Афишный (*Высокомерный*)
15. Мимимишный
16. В курсе
17. Все в шоколаде
18. (Кому) до лапочки
19. (Кому) фиолетово

20. (Кому) пополам
21. Башня снести
22. Погнали
23. Мониторить
24. Рофдить
25. Собачье дело
26. Сдать мозги (экзамен)
27. Автомат (зачёт)
28. Базар (беседа)
29. Бомба
30. Пушка (это просто пушка)
31. Зажигалка (о девушке)
32. Вешалка (*худощавая девушка*)
33. Алёнушка (*симпатичная девушка*)
34. Арнольд (*Мужчина крепкого телосложения*)
35. Ботаник (*Человек, который больше увлекается учёбой*)

2. Какие еще слова, которые относятся к *молодёжной речи*, Вы часто используете в общении с друзьями и сверстниками (впишите 5 примеров):

3. Пожалуйста, поясните, как Вы понимаете следующие слова или выражения из молодёжного сленга:

1. Дерзкий
2. Топовый
3. Цивильный
4. (Кому) фиолетово
5. Бомба
6. Пушка
7. Зажигалка

4. Укажите, пожалуйста, некоторые данные о себе, которые нужны только для характеристики выборки и будут анализироваться в обобщенном виде:

Ваш пол: _____

Возраст: _____

Образование: _____

Направление обучения / профессия: _____

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Анкета о молодёжной речи в современном мире

(для китайских студентов)

你好！非常感谢能抽出宝贵的时间，回答关于当代青年用语的几个问题。选项没有正确、错误之分，每个回答对研究都非常重要。请不要思考太久，按直觉回答。

感谢你的参与！

1、请问下列哪些词汇您会在生活中经常使用？（多选）：

1. 牛 (бык – ‘круто’)

2、绝绝子 (конец – ‘круто’)

3、硬核 (хардкор – ‘что-то крайне жёсткое, необычное’)

4、赛博 (кибер – ‘виртуальный’)

5、宝藏 (сокровище – ‘что-то ценное’)

6、油腻 (жирный – ‘льстивый, легкомысленный’)

7、睿智 (мудрый – ‘глупый’)

8、给力 (дать силу – ‘круто’)

9、正能量 (положительная энергия – ‘что-то положительное’)

10、大病 (серьёзная болезнь – ‘кто-то крайне странный’)

11、红/烫 (красный / горячий – ‘что-то популярный’)

12、冷 (холодный – ‘что-то непопулярное’)

13、酸 (кислый – ‘ревнивый’)

14、寄 (game over – ‘капец’)

15、作 (делать – ‘искать смерть’)

16、润 (мокрый – ‘выбежать’)

17、鸽 (голубь – ‘не выполнять обещание’)

18、卷 (свернуть – ‘крайне стараться что-то делать’)

19、肝 (печень – ‘напряжённо что делать’)

- 20、摆烂 (поставить – ‘опустить руки, перестать стараться’)
- 21、躺平 (лежать вытянувшись – ‘лежать и перестать стремиться’)
- 22、拿捏 (удержать, сжимать – ‘держат в руках’)
- 23、KFC / CPU / PUA (Pick-up artist – ‘оказать давление на людей и отрицать человека с помощью вербальных техник’)
- 24、甩锅 (бросать кастрюлю – ‘сваливать ответственность’)
- 25、毕业 (окончить (учёбу)– ‘перестать заниматься чем-то’)
- 26、翻车 (опрокидываться – ‘что-то провалилось’)
- 27、EMO (emotional – ‘депрессивный’)
- 28、笑死 (смеяться до смерти – ‘смеяться до слёз’)
- 29、地雷/雷区 (мина – ‘табу’)
- 30、生肉/熟肉 (сырое мясо / готовое мясо – ‘видео без субтитра / с субтитрами’)
- 31、衣服架子 (вешалка – ‘человек с идеальной фигурой’)
- 32、现充 – ‘человек, у которого жизнь насыщена, богата’
- 33、老六 (шестой – ‘обманщик’)
- 34、二极管 (диод – ‘человек крайностей’)
- 35、打工人 (временщик – ‘работающий’)
- 2、除上列词汇外，您和朋友、同龄人交流中还会用到哪些青年用语？（请列举 5 例）：_____

3、请描述您是如何理解下列俚语、流行语词汇：

1. 二极管
2. 卷
3. 酸
4. 硬核
5. 甩锅
6. 地雷

7. 油腻

4、以下是一些关于您的个人信息，仅用于整体研究：

性别： _____

年龄： _____

教育： _____

专业/职业： _____

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица примеров российской молодёжной речи

№.	1. Примеры с новыми производными значениями	
1.	автор	авторитетный человек
2.	акционер	агрессивно настроенный спортивный болельщик
3.	амеба	учитель биологии
4.	амёба	человек невыразительный;
5.	амёба	человек, слабохарактерный, безвольный
6.	антиквар	любитель или продавец антикварных предметов
7.	антиквар	преподаватель античной литературы
8.	антифриз	наркотик в растворе
9.	аппендикс	небольшой закуток, несколько отдалённый от мест скопления людей и кабинетов
10.	аппендикс	человек маленького роста
11.	арбуз	голова
12.	арматура	девушка высокая худая
13.	бабочка	учитель биологии
14.	база	квартира;
15.	база	место для встреч
16.	баклан <i>приморская птица</i>	человек неумный
17.	балдеть	радоваться; испытывать наркотическую эйфорию; пьянеть
18.	балдеть <i>балды бить - бездельничать; калуж.</i>	испытывать наслаждение, получать удовольствие;
19.	банка	бутылка со спиртными напитками
20.	барабан	голова
21.	барабан	предатель
22.	баскет	человек высокий
23.	батон	девушка полная
24.	батон	девушка полная
25.	батон	клавиша на клавиатуре компьютера
26.	батон	нога
27.	батон свежий	девушка красивая привлекательна, хорошо одетая

28.	бацилла	компьютерный вирус
29.	бацилла	сигарета
30.	бацилла	человек худой;
31.	башка <i>голова человека</i>	маковая головка
32.	башня	корпус компьютера
33.	баян	песня
34.	баян	учитель музыки
35.	белая леди	кокаин
36.	белая пудра	кокаин
37.	белый дом	туалет
38.	белый друг	унитаз
39.	блин	винчестер (жёсткий диск компьютера)
40.	блин	грампластинка
41.	блин	дискета (флоппи-диск)
42.	блин	компактный диск (CD)
43.	блин	ударные инструменты
44.	бодрый <i>полный сил, здоровья, энергии</i>	отличный, превосходный
45.	бомба	бутылка 1,5 литра
46.	бомба	грудь большая
47.	бомба	девушка сексуальная
48.	бомба	конопля высококачественная
49.	бомба	отвар конопли на гуще
50.	бомба	сильный наркотик
51.	бомба	сообщение очень большое
52.	бомба	человек вспыльчивый
53.	бомба	человек толстый
54.	бомба	рисунок в стиле граффити
55.	бомба	шпаргалка с полным ответом на большом листе
56.	бомба <i>бомбу бросить</i>	испражнения, кал 'сходить в туалет'
57.	борзый <i>скорый, проворный</i>	ведущий себя вызывающе, наглый, агрессивный
58.	борода	академическая задолженность

59.	браслетки	наручные часы
60.	брат	интимное обращение к другу
61.	бубен	голова
62.	булат	кинжал
63.	булат	нож
64.	булат (сталь)	лезвие
65.	булка	нога
66.	булка	девушка полная
67.	бумага	деньги
68.	бумага	плакат
69.	бык	человек глупый, несообразительный, бестолковый
70.	бык	человек физический крепкий, здоровый;
71.	бык	человек, грубо предъявляющий претензии;
72.	валить	бить, драться
73.	валить	необъективно оценивать знания студентов на зачёте
74.	валить	убегать откуда-л.
75.	велосипед	человек очень худой
76.	вешалка	экзамен
77.	вешалка	очень худая девушка
78.	взлом	нелегальное проникновение в компьютерную систему
79.	виза	лицо человека
80.	висеть	быть в состоянии неисправности неопределённого длгое время
81.	витрина	лицо человека
82.	вмазать	выпить вина
83.	вмазать	сильно ударить, избить
84.	вмазаться	вколоть себе наркотик
85.	вобла <i>рыба семейства карповых</i>	девушка худая
86.	воздух	деньги
87.	воткнуться <i>войти остриём, острым концом во что-л.</i>	задуматься глубоко; разобраться, осознать
88.	врубиться	понять
89.	въехать	понять
90.	вырубить	довести человека до беспомощного состояния

91.	вырубиться	отключиться (о технических устройствах)
92.	гасить	бить до потери сознания
93.	гвоздь	авторучка; шприц
94.	глобус	голова
95.	глобус	учитель географии
96.	гнездо	общежитие
97.	голубая дивизия	милиция
98.	грамотный	умный, эрудированный
99.	грохнуть	умереть
100.	грохнуть <i>издать сильный шум; ударить с силой и шумой</i>	избить, побить
101.	грохнуть <i>издать сильный шум; ударить с силой и шумой</i>	стереть, удалить (компьютер)
102.	грузить	обманывать
103.	грузить	утомлять кого-то неприятным разговором
104.	грузный	сложный
105.	гудеть <i>издавать длительный протяжный низкий звук</i>	пить вино и веселиться
106.	дедушка	военнослужащий-срочникстарослужащий солдат-осведомитель
107.	дедушка	отец
108.	дедушка	старшеклассник
109.	дедушка	студент последнего курса
110.	дикий	невероятный, необычный
111.	дикий	ужасный
112.	динозавр	девушка некрасивая
113.	догнать	понять
114.	доктор	адвокат
115.	долг	академическая задолженность
116.	допрос	экзамен
117.	доска	девушка с плоской, не выразительной фигурой
118.	дрянь	наркотик
119.	дуб	рубль

120.	дуб	человек глупый
121.	дуть	покурить сигарету с марихуаной
122.	дыня	голова
123.	енот	японец
124.	жаба	девушка некрасивая
125.	жбан	голова
126.	железо	компьютер
127.	жираф	человек высокий;
128.	жираф	человек с длинной шеей
129.	жмуриться	умереть
130.	жопа	задняя панель компьютера
131.	жопа	затруднительное положение
132.	завалить	бить, изнасиловать
133.	завалить	замолчать
134.	завалить	изнасиловать
135.	завалить	убить
136.	завалить / завалиться	поставить неудовлетворительную оценку; потерпеть неудачу; не сдать экзамен
137.	завалить <i>покрыть или наполнить что-л.</i>	поставить неудовлетворительную оценку на экзамен
138.	загреметь	потерпеть неудачу
139.	зажигалка	девушка эмоциональная и яркая
140.	зажигать	веселиться
141.	замочить	избить
142.	запара	экзамен
143.	запара великая	сессия
144.	запасть <i>войти, вдаться внутрь</i>	заинтересоваться каким-либо предметом
145.	зверь	учитель биологии
146.	земля	землеведение
147.	зуб	студент стоматологического факультета
148.	извилина	интеллект
149.	инквизитор	экзаменатор
150.	интервью	экзамен
151.	исповедь	экзамен
152.	кадр	человек, мужчина

153.	кактус	человек весёлый, шутник, балагур
154.	кактус	человек с трудным характером;
155.	камель	сигарет марки «Camel»
156.	кантовать	бить, избить
157.	кантовать	грабить
158.	капать	ворить неправду; наушничать; доносить
159.	капуста	деньги
160.	капуста	одежда
161.	карандаш	учитель черчения
162.	карман	человек богатый
163.	карман	вор-карманник
164.	каток	лысина
165.	кекс	обращение к нормальным парню
166.	келья	комната в общижитии
167.	келья	комната для курения;
168.	кенгуру	сумка
169.	корогаз	компьютер
170.	керосин	наркотик для внутривенного введения
171.	керосин	алкоголь
172.	кипеть	нервничать, волноваться
173.	кирпич	кандидатская или докторская диссертация
174.	кирпич	книга
175.	кирпич	толстый учебник
176.	кислота	учительница химии
177.	клубиться	веселиться
178.	клубиться	собираться компанией
179.	книжка	сигарет пачка
180.	кобура	милиционер
181.	коза	девушка красивая
182.	коза	девушка с трудным характером;
183.	коза	комбинация трёх клавиш для перезагрузки компьютера
184.	коза	человек, неправильно, плохо поступивший;
185.	кокарда	милиционер
186.	колба	учительница химии
187.	колбаса	ручная кладь
188.	колбаса	сумка

189.	колеса	вождение автомобиля
190.	колёса	автомобиль
191.	кора	высшее образование
192.	кора	диплом
193.	кора	документ
194.	коробок	наркотика определённая мера
195.	костыль	ноги
196.	котёл	голова
197.	кошара	общежитие
198.	кошелёк	человек богатый
199.	краб	рука
200.	красный	документ об окончании учебного заведения
201.	красный	солдат-пехотинец
202.	крендель <i>булка в форме буквы В</i>	обращение к нормальным парню
203.	крокодил	девушка некрасивая
204.	крыса	девушка некрасивая;
205.	крыса	человек, который крадет у своих
206.	крыса	большая компьютерная мышка
207.	крыша	защита, охрана
208.	курица	девушка ограниченная
209.	курица	женщина с узким кругом интересов и невысоким уровнем интеллекта
210.	левый	выделяющийся чем-л.
211.	левый	неправильный
212.	левый	неучтённый, полученный нелегально
213.	левый	плохой
214.	левый	странный
215.	легавый	полицейский
216.	логово	кабинет директора школы
217.	локаторы	уши
218.	лосина	молодой человек крепкого телосложения
219.	лось	молодой человек крепкого телосложения
220.	лось	молодой человек крепкого телосложения
221.	лютный <i>злой, кровожадный</i>	вредный, злой, красивый, крутой, классный, мощный

222.	лягушка	преподавательница физиологии
223.	макароны	ноги тонкие, длинные
224.	мама	директор школы
225.	мама	научный руководитель
226.	машина	компьютер
227.	медовый месяц	сессия
228.	медуза	девушка некрасивая
229.	менструация словесная	чрезмерная разговорчивость
230.	мигать	мерцает (электронное устройство)'
231.	модель	девушка красивая и привлекательная
232.	мозаика	лицо человека
233.	мозг	учебник
234.	мочалка	девушка, доступная в половом отношении
235.	мочить	убежать
236.	мочить / примочить	бить
237.	мочить / примочить	рассказать смешное, анекдоты, шутить
238.	муравьи	неопытные люди
239.	накрыться	сломаться окончательно (о компьютере)
240.	начальник	отец
241.	обломать	испортить настроение
242.	обломать	помещать кому-л.
243.	обломаться	не хотеть что-либо делать
244.	обломаться <i>обломиться от системы</i>	потерпеть неудачу
245.	обломить	обмануть
246.	обрасти	заразиться компьютерным вирусом
247.	огонь	что-то очень крутое, здоровое, лучшее из всех
248.	окно	большой перерыв
249.	окно	задний карман
250.	окно	оконный интерфейс компьютера;
251.	окно	прямоугольный экран монитора
252.	олень	глупый человек
253.	опустить	убить
254.	орать	громко кричать
255.	орать	смеяться
256.	отвалить	убежать

257.	отвалиться	удивиться сильно, поразиться
258.	откинуться	умереть
259.	отключиться	заснуть
260.	отключиться	потерять сознание
261.	оторваться	принять дозу наркотика
262.	оторваться	развлечься, радоваться, отдыхать
263.	пакеты	карманные часы
264.	папа	директор школы
265.	папа	научный руководитель
266.	парить <i>парить мозги</i>	думать долго
267.	пасти поляну	охранять
268.	пахать, пыхтеть	работать (техническое устройство) ’
269.	педаль	нога
270.	перец	обращение к нормальным парню
271.	персик	девушка красивая
272.	пиджак	студент гражданского вуза
273.	платформа	лысина
274.	плешивый	некачественный
275.	подкованный	умный, эрудированный
276.	понос	чрезмерная разговорчивость
277.	портрет	лицо человека
278.	провалиться	потерпеть неудачу
279.	провалиться	не сдать экзамен
280.	провалиться	потерпеть неудачу при поступлении в вуз
281.	продвинутый	умный, эрудированный
282.	пролететь	потерпеть неудачу
283.	пролететь	не сдать экзамен
284.	просекать	понять
285.	протез	нога
286.	радары	уши
287.	репа	голова
288.	рис	азиат
289.	рыбак	вор
290.	рыбак	грабитель
291.	рычаг	нога;

292.	рычаг	рука
293.	самец	учитель биологии
294.	сапог	военнослужащий
295.	сахар коричневый	героин
296.	сахар чёрный	героин
297.	свалить	отойти от учебной доски
298.	свалить	прогулять урок
299.	свалить	сдать экзамен
300.	свалить	убежать
301.	свисток	губы;
302.	свисток	милиционер;
303.	свисток	молодой человек, юноша,
304.	свисток	нос;
305.	свисток	обманщик;
306.	свисток	окурок;
307.	свисток	рот;
308.	свисток	человек невысокий;
309.	сдирать	списать
310.	сестра сестренка	девушка
311.	сечь фишку <i>сечешь фишку</i>	понимать
312.	сквер	лысина
313.	склеить	облапошить
314.	склеить	умолить
315.	склеить	урезонить
316.	скопываться	прийти в бессознательное состояние
317.	скопываться	умереть
318.	слива зелёная	девушка неопытная
319.	слизать	списать у товарища
320.	слинять	убежать
321.	смолить	курить сигареты
322.	снять	записывать на ноты звучащую мелодию или её отдельную фразу
323.	снять	копировать, воспроизводить знаменитые музыкальные образцы

324.	собака	символ @
325.	срезаться	потерпеть неудачу
326.	ствол	сигарета с наркотиком / марихуаной'
327.	стекло	ампула с наркотиком
328.	стекло	бутылка спиртного
329.	стекло	лекарства в ампулах
330.	стекло	морфин
331.	стекло	украшение
332.	столбы	ноги полные
333.	стрелка	запланированная встреча
334.	табло	лицо человека
335.	таракан	сетевой вирус
336.	таракан	тунеядец, лентяй
337.	таракан <i>с тараканами в голове</i>	неприятные назойливые мысли
338.	тип	молодой человек
339.	топливо	наркотик
340.	тормозить	не понимать работать плохо и медленно
341.	точёный <i>точёная девочка</i>	токий (о человеке)
342.	точить <i>заточить мозги</i>	быть готовым
343.	трава <i>трава дьявола</i>	анаша
344.	трава <i>трава дьявола</i>	наркотик для курения
345.	трава <i>трава дьявола</i>	сигарета с гашишем
346.	трубы	брюки
347.	тупить <i>потупить голову</i>	думать долго
348.	тухлый	спорный
349.	тухлый	скучный
350.	тухлый	не вызывающий доверия

351.	упаковка	одежда
352.	фара	глаза
353.	халат	студент медицинского института
354.	хан	отец
355.	хвост	академическая задолженность
356.	химик	студент химико-биологического факультета
357.	цена	ценообразование
358.	циркуль	учитель черчения
359.	чайник	голова
360.	чайник	малоопытный программист / пользователь
361.	чан	голова
362.	черебушка	голова
363.	череп	голова
364.	череп	единомышленник
365.	череп	отец
366.	череп	приятель, друг
367.	череп	усердный школьник, гений
368.	чума <i>заболевание человека и животных</i>	наркотик
369.	чурбан	голова
370.	швабра	девушка
371.	шеф	командир
372.	шеф	научный руководитель
373.	шеф	руководитель курсовых или дипломных работ
374.	шлак	деньги
375.	шпала	нога;
376.	шпала	человек высокий худой
377.	шпала	человек высокий, худой
378.	шуршать	говорить
379.	шуршать	работать усиленно
380.	шуршать	разбираться в чём-л.
381.	экономист	преподаватель экономических дисциплин
382.	экономист	студент факультета экономики
383.	экран синий	экран Windows о серьёзной ошибке
384.	язык	занятие по языкознанию

№.	2. Примеры с новыми производными значениями и морфологическими изменениями	
1.	адекватный	хороший, здоровый, разумный, качественный
2.	адики	кроссовки фирмы «Адидас»
3.	алик	пьяница
4.	атасник	человек, ищущий экстремальных приключений
5.	атасница	человек, ищущий экстремальных приключений
6.	атомный	вышекачественный
7.	атомный	производящий сильное впечатление
8.	афишной	амбициозный
9.	афишной	высокомерный, кичливый;
10.	аэродром	большая аудитория
11.	базарить	говорить по пусту;
12.	базарить	кричать, ссориться
13.	базарчик	небольшая ссора
14.	базарчик	разговор с выяснением отношений;
15.	базик	рынок
16.	бакланить	говорить еруду, глупости
17.	балдёж	наркотическая эйфория
18.	балдеть	наркотическая эйфория
19.	балдеть	напиться допьяна;
20.	беляк	кокаин
21.	беляшка	кокаин
22.	благодарочка	спасибо (от слова благодарить)
23.	бомбардир	мужчина или парень, нравящийся женщинам
24.	бомбезно	круто, офигенно, очень здорово
25.	бомбезный	классный, невероятный
26.	бомбер	граффитист
27.	бомбила	граффитист
28.	бомбить	грабить, воровать
29.	бомбить	попрошайничать
30.	бомбить	принимать пищу
31.	бомбить	быть граффитистом
		граффитист

32.	бомбовский	классный, невероятный
33.	ботаник <i>от ботаника, наука о растениях, травоведение; ботаник, в 18 веке также ботанист</i>	человек с эрудицией
34.	булькать	говорить
35.	булькать <i>звукоподр. гл., связанный с течением воды</i>	пить спиртное
36.	бычок	автомобиль "BMW"
37.	вброс <i>вбросить</i>	компромат, клеветка, ложь, оскорбление
38.	вбросыш	компромат, клеветка, ложь, оскорбление
39.	висяк	состояние компьютера, когда не реагирует на клавиатуру и мышь
40.	водяра	алкогольный напиток; водка
41.	вписка <i>вписаться к кому в квартиру</i>	тусовка у кого-то дома
42.	вывеска	лицо человека
43.	геморройный	человек, у которого неприятности, проблемы
44.	гнилушка	вино дешевое красное
45.	голяк <i>голый</i>	отсутствие чего-либо
46.	голяк <i>голый</i>	полная неудача
47.	гонка <i>гнать</i>	длинная, несвязанная и малоинформативная устная речь
48.	гонка <i>гнать</i>	ложная информация
49.	горчичник	сто рублей
50.	грядка <i>от гряда, ряд небольших гор, цепь холмов</i>	столик, место в ресторане
51.	грядка	студенческая группа; компания
52.	дудка	сигарета / папироса с наркотиком

53.	дудка	сигарета папироса с наркотиком
54.	дурь	наркотик, травяной наркотик, анаша
55.	дырявый	человек гомик, педик, гей
56.	железо	апаратная часть компа или другой электронной техники
57.	железо	собирабельное название металлических доспехов и оружия
58.	желток	азиат
59.	заготовка	нога
60.	зайка	обращение к девушке
61.	зачётный	девушка мила, красива, сексуальна
62.	зашибись <i>збс</i>	отлично, круто
63.	зелёнка	папироса с наркотиком
64.	зелёное	высококачественный сырец гашиша
65.	зелёные	деньги
66.	зелень	солдат новобранец
67.	игляк	процесс внутривенного введения наркотика
68.	ириска <i>ирис</i>	девушка прилипчивая
69.	капелька	наушник маленький
70.	капелюха	немного
71.	капелюшка	немного
72.	кириешка	автомобиль марки «Kia Rio»
73.	кислое	вино
74.	кисляк	выражение лица хмурое
75.	кисляк	вино
76.	кишкодром	столовая'
77.	корка	опий
78.	коробка	дом
79.	косоглазия	Азия
80.	кофемолка	рот
81.	краснуха	Красная площадь
82.	краснуха	менструация
83.	краснуха	вино
84.	краснушка	вино

85.	красняк	вино
86.	лампово	удобно, комфортно, расслабленно
87.	ламповый	приятный, душевный, невероятно атмосферный и радушный
88.	лапуля <i>лапа</i>	ласкательное обращение к девушке
89.	листик	тетрадь
90.	листовка	сигарет пачка
91.	листок	сигарет пачка
92.	литрович	литровая бутылка водки
93.	мазилка <i>мазать</i>	косметика, макияж
94.	мармеладка	девушка любимая
95.	милаха	девушка миловидная, приятная
96.	милаш	девушка желанная, любимая
97.	милашка	девушка желанная, любимая
98.	милашкаррр	человек милый
99.	милота	что-то забавное, милое, трогательное
100.	мимимишный	трогательный, приятный
101.	мишка медведь	человек, дружеский, любящий, заботливый
102.	мочкать	пить спиртные напитки
103.	мясник	милиционер
104.	напас <i>напасать</i>	конопли, которую хватит только на одну затяжку
105.	натура <i>в натуре</i>	да, действительно
106.	неафишной	застеничивый, скромный
107.	нереалка	отсутствие реальности в человеческом поведении или мироощущении
108.	нереалочка	отсутствие реальности в человеческом поведении или мироощущении
109.	нитяковый	хороший
110.	ништяк <i>ничего себе, ничё так</i>	что-то хорошее, неиссякаемое хорошо, нормально

111.	ништяк <i>ничего себе, ничё так</i>	продукты, еда
112.	няшка	человек милый
113.	обалдевать/ обалдеть	сойти с ума
114.	обалденный	очень хороший, отличный поразительный, необычный
115.	обалдёшники	наушники для прослушивания музыки
116.	откиснуть <i>киснуть</i>	тусить, оторваться, отлично проводить время
117.	откиснуть <i>киснуть</i>	мыться
118.	отпад <i>отпадать, отпасть</i> <i>упасть на землю от удивления</i>	что-то шокирующее, потрясающее
119.	отстой <i>отстаивать, отстоять</i>	что-то плохое, низкокачественное
120.	очуметь <i>чума</i>	одуреть
121.	очуметь <i>чума</i>	испытывать удивление, восторженное восклицание
122.	папаша	глава чего-либо
123.	папаша	полковник
124.	парочка	оценка два
125.	пельмешка	девушка полная
126.	площадка	лысина
127.	пойло	спиртное
128.	поисковик	поисковая систем
129.	понтываться	хвастаться, хвалиться
130.	понтово	круто
131.	понтовый	отличный, крутой
132.	психодром	место, где много нервных'
133.	рисинка	азиатка
134.	свисток	милиционер
135.	симпатяжка	человек милый
136.	синева	алкоголь
137.	синева	водка

138.	синеглазка	полицейская машина
139.	синее	алкоголь
140.	синее	водка
141.	синяк	человек пьющий, алкоголик
142.	слониха	девушка полная
143.	солнышко	дорогой
144.	стеклышко	очки
145.	стекляшка	наркотик в ампулах
146.	стрелкануться	зафиксировать в памяти стрелки часов, которые указывают на время встречи
147.	сынок	новобранец
148.	тараканик	кухня в общежитии
149.	тараканить	быть непорядочным, поступать непорядочно
150.	таракановка	алкогольный напиток некачественный
151.	тёлка	девушка
152.	тётка	девушка, доступная в половом отношении
153.	тормоз	молчун
154.	тормоз	человек глупый; человек, говорящий глупости; думать медленно
155.	тормоз	человек скучный
156.	трёха	три рубля
157.	тухляк	ерунда
158.	убитый	старый, ветхий
159.	угарный	весёлый
160.	угарный	отличный
161.	угарный	пьяный
162.	угорать	веселиться, смеяться
163.	улётный	замечательный;
164.	улётный	приводящий в состояние наркотической эйфории
165.	уродский	плохой
166.	флудить	порождать потоки бессмысленной, а зачастую и вредной информации
167.	форточка	большой перерыв
168.	фотка	лицо человека
169.	фуражка <i>фуражная шапка</i>	милиционер

170.	ханочка	мать
171.	ходуля	нога
172.	хорёк <i>хищный пушной зверек</i>	девушка
173.	хотелка	желание (от слова хотеть)
174.	цыплёнок <i>цып-цыпка-цыточка</i>	девушка
175.	чернуха	африканец
176.	чернушка	африканец
177.	шиза	навязчивая идея
178.	шиза	наркотик
179.	шиза	невменяемость
180.	шиза	ненормальность
181.	шиза	психическая расстройств
182.	шиза <i>шизофрения</i>	весельчак
183.	шоколадить	приставать
184.	шоколадно	хорошо
185.	штукатурка <i>штукатурить</i>	косметика, макияж
186.	штукатурка	слишком накрашенная девушка
№.	3. Примеры образованные морфологическими способами	
1.	автомат	зачёт
2.	адекват	выражение одобрения
3.	азер	азербайджанец
4.	академка	академический отпуск
5.	акк	аккаунт
6.	балдёж	приятное времяпрепровождение;
7.	балдёжник	алкоголик;
8.	балдёжник	бездельник
9.	балдёжный	отличный
10.	бомбить	использовать шпаргалку
11.	братан	интимное обращение к другу
12.	братик	интимное обращение к другу
13.	братишка	интимное обращение к другу

14.	браток	интимное обращение к другу
15.	братуха	интимное обращение к другу
16.	брейк	брейк-данс
17.	бриллиантик	бриллианты
18.	брюлики	бриллианты
19.	бухало	пьянка
20.	бухалово	пьянка
21.	бухло	пьянка
22.	быковать	грубо предъявить претензии; проявлять агрессию
23.	валютчица	торгующая валютой
24.	дед	военнослужащий-срочникстарослужащий солдат-осведомитель
25.	дед	отец
26.	дед	старшеклассник
27.	дед	студент последнего курса
28.	дедан	старик пожилой человек
29.	ДММ	девушка моей мечты
30.	ДОД	давай останемся друзьями
31.	ДР	день рождения
32.	драйв	овердрайв
33.	ЕМНИП	если мне не изменяет память
34.	ЖБ	жалоба
35.	жиза	жизненно
36.	жиза	жизнь
37.	забалдеть	наслаждаться во время досуга;
38.	забалдеть	опьянить немного;
39.	затухлить	вести себя бессовестно
40.	зачётка	зачётная книжка
41.	интернет-бот	робот
42.	клава	клавиатура
43.	контра	контрольная работа
44.	контрабанда	контрольная работа
45.	контроша	контрольная работа
46.	корка	высшее образование

47.	корка	диплом
48.	корка	документ
49.	короб	наркотика определённая мера
50.	корочки	высшее образование
51.	корочки	диплом
52.	корочки	документ
53.	курсовуха	курсовая работа
54.	лп	лучшая подруга
55.	мармеладный	милый, любимый, дорогой
56.	ментяра	милиционер
57.	молодок	молодец
58.	обалдевать/ обалдеть	наслаждаться во время досуга;
59.	отл	оценка отлично
60.	папаша	командир
61.	папаша	спонсор
62.	папаша	старшина, прапорщик
63.	папаша	человек авторитетный
64.	папик	человек уважаемый
65.	папик	спонсор
66.	пед	педагогический институт
67.	ПЖ	пожалуйста
68.	побалдеть	наслаждаться во время досуга;
69.	понтяра	крутости, которые показывают окружающим людям
70.	практичка	практическая работа
71.	прибалдеть	любитель выпить,
72.	прибалдеть	наслаждаться во время досуга;
73.	промежутка	промежуточная аттестация
74.	рэ	рубли, деньги
75.	сёмочка	семинар
76.	серж	сержант
77.	сечка	знания, учёность
78.	СЛПВМ	самая лучшая подруга в мире
79.	СМ	смени мозги
80.	стёпа	стипендия
81.	стипуха/степуха	стипендия
82.	тухлить	лгать

83.	тухляк	скука
84.	уд	удовлетворительная оценка
85.	универ	университет
86.	училка	учительница
87.	филон	студент филологического факультета
88.	фрилавник	сторонник идеи свободной любви
89.	читалка	читательный зал
90.	ЧЯДНТ	что я делаю не так
91.	шампань	шампанское
92.	шефиня	начальница
№.	4. Примеры заимствований	
1.	kranky	раздражительный, капризный
2.	cranky	раздражительный, капризный
3.	luh	love
4.	twizzy	close friend
5.	агриться	злиться
6.	АДК	нанесение урона от атаки (от английского словосочетания attack damage carry)
7.	айз	eyes
8.	айтитичер	IT teacher
9.	аск	ask
10.	аскать	спросить
11.	баг	bug – ‘ошибка или дефект в программе’
12.	бакс	bucks – ‘доллар’
13.	бан	ban – ‘запрет’
14.	бейба	baby
15.	бейбик	baby
16.	бист	best
17.	бест	best
18.	блесс	bless
19.	бойфренд	boy-friend – ‘парень’
20.	бот	bot – ‘интернет-бот’
21.	ботик	интернет-бот
22.	бро	bro
23.	бродилка	browser
24.	брух	bruh

25.	бтв	by the way
26.	буллинг	bullying – ‘травля’
27.	буллить	травля
28.	бэг	bag – ‘сумка’
29.	вай нот	why not
30.	вайб	чувство атмосферы вокруг чего-либо, общее настроение
31.	вау	wow
32.	геймер	gamer
33.	гениус	genius
34.	герла	girl
35.	герлёнок	girl
36.	герлуха	girl
37.	герлушка	girl
38.	гик	geek, человек, чрезмерно увлеченный чем-либо. (комиксами, супер-героями, аниме, муз. группами...)
39.	го	go – ‘идти’
40.	гот	goth – ‘представитель готической субкультуры’
41.	гоу	go
42.	девайс	device – ‘устройство’
43.	дилф	человек с привлекательным внешним видом и сексуальным обаянием
44.	дисс	diss – ‘оскорблять, принижать’
45.	дор	door – ‘дверь’
46.	ДПМ	damage per minute – ‘урон в минуту’,
47.	ДПС	damage per second – ‘урон в секунду’,
48.	дринк / дрынк / дриньк	drink – ‘пить’
49.	дем	damn
50.	дэмн	damn
51.	дэм	damn
52.	зиппер	zipper – ‘молния (застежка)’
53.	изи	easy – ‘легко’
54.	йоу	круто, влево
55.	кек	ироничный смех
56.	коннект	connect – ‘связь (с Интернетом)’
57.	креза	crazy – ‘психбольница’
58.	кринж	cringe – ‘смесь между неловкостью и стыдом’

59.	криповый	creepy
60.	кульный	хороший, отличный
61.	кэш	cash – ‘деньги’
62.	лавер	lover – ‘любимый’
63.	лайк	like – ‘нравиться’
64.	лайтово	light
65.	лайтовый	лёгкий, облегченный
66.	лайф	life – ‘жизнь’
67.	Лакшери	luxury – ‘роскошь’
68.	леди	lady
69.	лединочь	lady's night
70.	лесго	let's go
71.	летс гоу	let's go
72.	лин	lean – ‘наркотический напиток’
73.	ЛОЛ	lol
74.	лузер	loser
75.	мазер	mother – ‘мать’
76.	мани	money – ‘деньги’
77.	мастхэв	must have – ‘обязательно’
78.	Мвп	«Most Valuable Player» — наиболее ценный игрок.
79.	мг	my god
80.	менйстрим	mainstream – ‘основное течение’
81.	млф	привлекательная дама
82.	мониторить	наблюдать, следить
83.	мун	moon
84.	мэн	man – ‘мужчина’
85.	найт	night – ‘ночь’
86.	ОВА	original video animation – ‘тип аниме, которое было выпущено в продажу на тех или иных видеоносителях’
87.	ОМГ	боже мой
88.	ОФК	конечно (от английского словосочетания of course)
89.	панк	punk
90.	прайс	price – ‘цена’
91.	программер	programmer
92.	парент	parents – ‘родители’
93.	паренс	parents – ‘родители’

94.	пэрэнс	parents – ‘родители’
95.	пэрэнт	parents – ‘родители’
96.	РОФЛ	rolling on the floor laughing
97.	рэп	rap
98.	серфинг	перемещение в сети
99.	серфить	просматривать Интернет
100.	слэш	slash (жанр любительских произведений)
101.	смайлик	улыбка (знаки-пиктограммы, создаваемые с помощью скобок, двоеточий, тире и прочих символов)
102.	сорри	sorry
103.	спам	мусорное письмо или сообщение (от английского словосочетания serious pissing-off advertising mail – ‘серьезно задалбывающая рекламная почта’),
104.	стрит	street
105.	тины	teeneger
106.	тинэйджеры	teeneger
107.	токсик	токсичный человек. Произошло от toxic (ядовитый, англ.)
108.	троллинг	процесс размещения в сети провокационной информации с целью нагнетания конфликтной атмосферы
109.	фазе / фазер	father – ‘отец’
110.	фейс / фэйс	face – ‘лицо’
111.	фича	feature – ‘свойство’
112.	флеш/флешка	usb flash-drive – ‘флеш-накопитель’
113.	флешмоб	флеш-накопитель
114.	флоу	flow
115.	френд	friend – ‘друг’
116.	хай	hi – ‘привет’
117.	хаус	house – ‘дом’
118.	хейтер	hater – ‘противник’
119.	хоуми	обращение к другу
120.	хэдлайнер	headliner – ‘известные музыкальные группы и исполнители, которые собирают многотысячную аудиторию’

121.	цуккоми	ツッコミ – ‘человек, который пытается шутливо поддеть собеседника’, ‘сама шутка’
122.	чивин	chewing gum
123.	чиз	cheese – ‘сыр’
124.	чилд	child – ‘дитя’
125.	чилдрёнок	child – ‘дитя’
126.	чиллить	отдыхать, расслабляться
127.	читер	cheater
128.	юзер	user – ‘пользователь (компьютера)’
129.	юзерпик	user-pic
130.	найс	nice
№.	5. Примеры заимствований с новыми производными значениями	
1.	аватар	картинка пользователя Интернета
2.	аватарка	картинка пользователя Интернета
3.	авка	картинка пользователя Интернета
4.	агрошкольник	(агрессивный школьник)
5.	адидас	преподаватель физкультуры
6.	адидас	студент третьего курса военного училища
7.	алкоголик	программист, работающий на языке программирования Алгол
8.	алкмэн /	пьяница
9.	алконовт	пьяница
10.	алкоман	пьяница
11.	анаконда	девушка молодая, привлекательная
12.	аск	страница в социальной сети, где пользователи задают вопросы
13.	атака	агрессивные действия фанатов
14.	атака штыковая	половой акт
15.	атмосферный	вызывающий приятные ощущения
16.	ашелеть	удивиться, впечатлиться
17.	бабочки	деньги
18.	бабулечки	деньги
19.	бабки	деньги
20.	базарить	разговоаривать,
21.	забазарить	заговоривать;
22.	побазарить	поговорить;

23.	базик	разговор;
24.	базар	разговор бестолковый, общий; общение; шутка
25.	бамбук	сигарета
26.	бамбук	человек глупый, несообразительный
27.	бамбуковый	глупый, несообразительный
28.	баттл	драка
29.	баттл	соревнование исполнителей брейк-данса'
30.	баунс	покунуть данную локацию; иметь атмосферу стиля; танцевальное движение (bounc)
31.	безник	день рождения
32.	бёзник	день рождения
33.	блэк	африканец
34.	блэк	кавказец
35.	босс	сильный враг
36.	буська	ласковое обращение к девушке
37.	бусинка	ласковое обращение к девушке
38.	вайбить	находиться в состоянии хорошего настроения
39.	вайбой	расслабляющий, хороший
40.	войснуть	отправить голосовое сообщение
41.	ваушный	удивительный, ошеломляющий, захватывающий дух
42.	гамить	играть (в гейм)
43.	геймить	играть (в гейм)
44.	гамать	играть (в гейм)
45.	герой	главный герой какой-то игры
46.	гоша	поисковая система
47.	грины	деньги
48.	дринчать	пить спиртное
49.	дрынкать	пить спиртное
50.	дринкануть	пить спиртное
51.	дрип	стиль, крутость (drip)
52.	забайтить	спровоцировать (bait наживка)
53.	задонатить	покупать штучки в играх(пожертвовать)
54.	закайфеть	испытывать положительные эмоции; налаждаться чем-л. во время досуга; получать удовольствие;
55.	зомбоящик	телевизор (зомби+ящик)
56.	имба	что-то очень крутое

57.	имба	персонаж или элемент в играх, который превосходит других по каким-либо характеристикам (imbalance)
58.	имбовый	крутой
59.	инсайд	человек, который находится в состоянии эмоциональной и душевной отстраненности
60.	инсайдер инсайд	человек, обладающий внутренней информацией
61.	кайф бычий	алкогольные напитки, водка;
62.	кайф бычий	похмелье, степень опьянения;
63.	кайф	алкогольные напитки, водка;
64.	кайф	похмелье, степень опьянения;
65.	кайф	хорошо, отлично
66.	кайф	наркотическая эйфория; наркотики
67.	кайфа	удовольствие, наслаждение
68.	кафель	удовольствие, наслаждение
69.	кайфешник	удовольствие, наслаждение
70.	кайфулька	удовольствие, наслаждение
71.	кайф	удовольствие, наслаждение
72.	кайфонуть	испытывать положительные эмоции; налаждаться чем-л. во время досуга; получать удовольствие;
73.	кайфовать	испытывать положительные эмоции; налаждаться чем-л. во время досуга; получать удовольствие;
74.	кайфануть	испытывать положительные эмоции; налаждаться чем-л. во время досуга; получать удовольствие;
75.	кайфломный	ленивый
76.	кайфломный	зануда
77.	кайфломщик	зануда
78.	кайфнушка	кафе, где собираются наркоманы
79.	кайфовать	быть пьяным от наркотиков
80.	кайфовочка	любимая; любвица
81.	кайфовщик	гедонист
82.	кайфонуть	быть пьяным от наркотиков
83.	кафовый	доставляющий удовольствие, наслаждение
84.	квест	компьютерная игра (от quest – ‘компьютерная игра’)
85.	кекать	смеяться
86.	кенгуруха	куртка спортивная

87.	кент	человек, который притворяется богачом или крутым
88.	кисляк	ЛСД
89.	кислота	ЛСД (acid)
90.	кислота	музыка в стиле "рейв" (acid house) (rave)
91.	кислотница	фанат данного стиля музыки (acid)
92.	кислотник	фанат данного стиля музыки (acid)
93.	кисляк	наркоман
94.	кошерный	пригодный, хороший, правильный (от иврит, соответствующий канонам)
95.	кряля	красавица, от польск. kral, krala — то же из чеш. král, связанного с королем.
96.	кэш	деньги
97.	лайба	велосипед
98.	лайба	этикетка, ярлык, табличка
99.	лайфхак	совет, который вам пригодится в реальной жизни, сэкономит время и облегчит быт и труд (lifhack)
100.	ламер	новичок (lame)
101.	лэйм	человек скучный, неинтересный (lame)
102.	лэйм	человек, плохо делает что-то (lame)
103.	мажорка	человек, который обладает высоким социальным статусом и много денег (от слова major - большой, важный)
104.	менйстрим	основное течение (mainstream)
105.	мент <i>вероятно, из венгерского, mente - плац</i>	милиционер
106.	мердесец	автомобиль марки «Merседес»
107.	мерзавец	автомобиль марки «Merседес»
108.	мерс	автомобиль марки «Merседес»
109.	мерсюк	автомобиль марки «Merседес»
110.	металлистка	представитель неформальной молодёжной группировки
111.	митинг	собрание
112.	перенайтать	ночевать
113.	найтовать	ночевать
114.	обкайфоваться	запьянеть
115.	окислить	оказывать наркотическое воздействие

116.	покайфовать	испытывать положительные эмоции; наладиться чем-л. во время досуга; получать удовольствие;
117.	раскайфовка	неприятные эмоции
118.	рил ток	серьёзный разговор, информация 100% достоверная (real talk)
119.	самурай	японец
120.	скипнуть	прогулять(skip)
121.	сорян	извините с иронией
122.	спикать	говорить (от слова английского происхождения <i>speak</i>)
123.	супер	прекрасно
124.	топ	успех
125.	укайфоваться	устать от удовольствий
126.	фейсковать	бить по лицу
127.	финансы	деньги
128.	хай	ругань, крики
129.	хайло <i>от слова хай</i>	крик
130.	хайраться / обхайраться	стричься; остричь длинные волосы; облысеть
131.	хипиш	скандал, беспорядок
132.	цент	американец
133.	чика	юная привлекательная девушка
134.	читы	коды к компьютерной игре
135.	аватар	картинка пользователя Интернета
136.	аватарка	картинка пользователя Интернета
137.	авка	картинка пользователя Интернета
№.	6. Другие примеры	
1.	бычок	окурок;
2.	атас	предупреждение об опасности; берегись; тревога
3.	белуга	серебрянный портсигар
4.	виталик water closet (ватерклозет)	туалет
5.	глюк	непонятный сбой в программе
6.	глючить	допускать сбой в работе
7.	головень	голова
8.	егор	программная ошибка
9.	жаба	язык программирования JAVA

10.	жоско	очень сильно, крепко (жёстко)
11.	ио	человек глупый и упрямый
12.	калган	голова
13.	качёвый	живой, энергичный, динамичный
14.	клёвый	отличный, замечательный, прекрасный
15.	кони́на	коньяк
16.	крип	мужчина странный
17.	крип	человек, преследующий других, занимающийся сталкингом, сталкер
18.	лавруха	деньги
19.	лаванда	деньги (близко к произношению арготизма лаве в значении 'деньги')
20.	ловить	зарабатывать
21.	лох	человек слабохарактерный (Loh)
22.	лялька	девушка, доступная в половом отношении
23.	мама	материнская плата
24.	мать	материнская плата
25.	мучебник	учебник
26.	афигенный	чудесный
27.	афигенно	чудесно
28.	офигеть / афигеть	изумиться, удивиться
29.	пахан	отец
30.	паханша	отец
31.	паханка	мать
32.	перестрематься	пугать
33.	понт <i>изначально: море-чёрное море, из краточной игры</i>	крутость, которую показывают окружающим людям
34.	постремать	пугать
35.	стремак	страх
36.	стремалово	страх
37.	стремать	пугать
38.	стрёмно	очень страшно; выражения удивления; стыдно, совестно
39.	удачно	удовлетворительная оценка'
40.	утка	удовлетворительная оценка'
41.	удочка	удовлетворительная оценка'

42.	филки	деньги
43.	фотожаба	вид, жанр сетевого творчества, юмористическая разновидность фотомонтажа
44.	фотошопер	человек, изготавливающий фото
45.	фотожабер	человек, изготавливающий фото
46.	чинарик	окурок;
47.	чичи	деньги
48.	чува	девушка
49.	чувиха	девушка
50.	чувырло	девушка
51.	чудак	молодой человек
52.	пятихатник	пятьдесят рублей;
53.	пятихатник	пятьсот рублей
54.	стрёманный	опытный наркоман
55.	бобик дохлый	разрыв отношений
56.	бобик сдох	устал
57.	всё в шоколаде	всё хорошо
58.	глаз выпал / глаза по семь копеек айзы на лоб лезут	удивиться
59.	забить стрелку	зафиксировать в памяти стрелки часов, которые указывают на время встречи
60.	кайф врубить	приучать к наркотику
61.	кайф ловить	напивать допьяна; напиваться допьяна; быть пьяным от наркотиков
62.	кайф поймать	быть пьяным от спиртного; быть пьяным от наркотиков
63.	кайф словаить	напивать допьяна; быть пьяным от спиртного; получать удовольствие
64.	кинуть понты	вызвать у собеседника уважением и восхищение
65.	кишки наружу	излишнее волнение
66.	курить бамбук	отдыхать, расслабляться
67.	мозг выносить	надоедать
68.	не в кайф	выражение осуждения, неприятия
69.	не по кайфу шуршать	говорить не по существу
70.	печень рассыпалась на атомы	похмелье
71.	по барабану	всё равно
72.	по мозгам ездить	оказывать наркотическое воздействие

73.	под кайфом	быть пьяным от наркотиков, принять наркотик
-----	------------	---

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Таблица примеров китайской молодёжной речи

№.	1. Примеры с новыми производными значениями	
1.	扒 (схватить)	‘вскрыть сплетню’
2.	拔草 (выдёргивать траву)	‘отменить план покупки’
3.	霸道 (принцип управление силой и страхом)	‘жестокий, резкий’
4.	霸气 (принцип управление силой и страхом)	‘о человеке авторитарным, самоуправный’
5.	掰弯 (делать изогнутым)	‘изменить мысли кого-л.’
6.	掰弯 (делать изогнутым)	‘изменить сексуальную ориентацию индивидуума’
7.	白莲 (белый лотос)	‘человек, притворяться ничего не понимающим, наивным’
8.	百度 (Байду, китайская поисковая система)	‘искать в Интернете’
9.	搬砖 (таскать кирпичи)	‘работать’
10.	板砖 (кирпич)	‘телефон, за исключением смартфона’
11.	爆肝 (испортить печень, взрывать печень)	‘напряжённо делать что-л.’
12.	背黑锅 (нести на спине чёрный котёл)	‘отдуваться, нести ответственность за чужие проступки’
13.	毕业 (окончить)	‘перестать делать что-л.’
14.	毙 (убить)	‘отказать от какой-то идеи’
15.	冰山 (айсбург)	‘о человека, который серьёзно относится к всем, не смеяться и не болтать попусту’
16.	菜 (блюдо)	‘тип, вкус’
17.	草 (трава)	‘товар, ожидаемый почитать’
18.	厕所 (туалет)	‘аккуант в соцсетях, где постятся сплетни о ком-чём-л.’
19.	嘲讽 (насмехаться)	‘выполнять забавные движения с целью дразня противника, способность героя игры’
20.	沉 (тонуть)	‘потерпеть неудачу’
21.	沉船 (корабль затонул)	‘потерпеть неудачу’
22.	吃瓜 (есть арбуз)	‘заниматься пустопорожними пересудами’
23.	吃柠檬 (есть лимон)	‘завидовать’

24.	充电 (заряжать)	‘чаевые для стримеров’
25.	充电 (заряжать)	‘освежать’
26.	出警 (выезжать на происшествие (о полиции))	‘критиковать кого-л. в соцсетях’
27.	戳 (проколоть)	‘тронуть, вызывать определённую эмоцию’
28.	戳中泪点 (проколоть на слёзную точку)	‘тронуть’
29.	戳中笑点 (пробило на смех)	‘рассмешить’
30.	刺客 (ассасин)	‘товар с неожиданной ценой’
31.	大大 (дядя)	‘уважаемое обращение к автору фан-работ’
74.	大波 (большие волны)	‘большие груди’
32.	当机 (упасть, зависнуть (компьютер))	‘прекратить функционирование (о мозге)’
33.	倒 (падать)	‘междометие, выражать удивления и разочарования’
34.	地图炮 (открывать огонь по регионам)	‘критика по регионам, отрицание действия определённой группы из-за действий её отдельных представителей’
35.	电量 (электрический заряд)	‘энергия’
36.	钓鱼 (удить рыбу)	‘завлекать кого-л. ответить на свой пост с целью вызывания спора’
37.	钓鱼 (удить рыбу)	‘мошенничество в Интернете’
38.	顶 (наивысший, самый хороший)	‘клёвый’
39.	怼 (толкать ругами)	‘ругаться, опровергать друг друга’
40.	剁手 (резать руку)	‘потратить много денег на покупки’
41.	饿 (голодный)	‘быть в состоянии, когда нехватает фан-работ’
42.	二极管 (диод)	‘человек, придерживающийся чёрно-белого мнения (без оттенков)’
43.	翻车 (повозка опрокинулась)	‘потерпеть поражение’ ‘ссориться,’
44.	翻船 (корабль перевернулся)	(дружба) закончиться’
45.	翻墙 (перелезть через стену)	‘посетить глобальную сеть’
46.	饭 (рис)	‘фан-работа’
47.	非洲人 (авриканец)	‘человек невезущий’
48.	哥哥 (брат)	‘уважаемое обращение к любимым ими мужским идолам’
49.	鸽子 (голубь)	‘человек, невыполняющий слова’
50.	瓜 (арбуз)	‘сплетни’

51.	挂 (зависнуть)	‘вывешивать компромат на кого-л. в соцсетях’
52.	灌水 (обливать воду)	‘флудить’
53.	跪 (стоять на коленях)	‘умереть’
54.	锅 (кастрюля)	‘вина’
55.	好人 (добрый человек)	‘человек неудачный при отношении между полами’
56.	划水 (грести по воде)	‘отлынивать от работы, учёбы’
57.	洁癖 (мизофобия)	‘человек, который только читает фан-работу о любовных отношениях определённого пейринга (пары персонажей)’
58.	姐姐 (сестра)	‘уважаемое или интимное обращение к лицу женского пола’
59.	锦鲤 (карп кои)	‘изображение, привезущее счастье’
60.	锦鲤 (карп кои)	‘человек очень везучий’
61.	开炮 (открывать огонь)	‘критиковать’
62.	考古 (заниматься археологическими исследованиями)	‘поднимать старые темы’
63.	课代表 (ответственный школьник определённого предмета)	‘человек, умеющий обобщить, заметив ключевые пункты’
64.	孔雀 (павлин)	‘человек надменный и самовлюбленный, любящий хвастаться’
65.	恐龙 (динозавр)	‘девушка некрасивая’
66.	口罩 (маска)	‘пандемия’
67.	辣 (острый)	‘сексуальный, красивый’
68.	癞蛤蟆 (жаба)	‘человек некрасивый (обычно мужского пола)’
69.	老板 (начальник)	‘научный руководитель’
70.	老师 (учитель)	‘уважительное обращение к автору фан-работ’
71.	老师 (учитель)	‘уважаемое обращение к автору фан-работ’
72.	凉 (остывать)	‘умереть’
73.	粮 (пища)	‘фан-работа’
74.	粮仓 (зернохранилище)	‘сайт, сохраняющий фан-работу’
75.	亮了 (быть светлым)	‘быть поразительным’
76.	撩 (поднять, приподнять)	‘дразнить’
77.	僚机 (ведомый самолет)	‘напарник пикапа’
78.	裂 (разорваться)	‘разваливаться’
79.	路人 (прохожий)	‘человек, не являющийся фаном’

80.	裸机 (голый компьютер / телефон)	‘компьютер без каких-либо программ или других операционных систем’
81.	裸机 (голый компьютер / телефон)	‘телефон без защищенного стекла и чехла’
82.	妈咪 (мамочка)	‘уважаемое или инмитивное обращение к автору фан-работ’
83.	麻 (онеметь)	‘равнодушно’
84.	慢生活 (медленная жизнь)	‘спокойный, беззаботный’
85.	毛爷爷 (дед Мао)	‘100 юаней’
86.	没电 (разрядиться)	‘устать’
87.	灭 (гасить)	‘убить’
88.	民工 (рабочие-мигранты)	‘работник в определенной сфере’
89.	脑子 (мозг)	‘мышление, способ мышления’
90.	内耗 (внутренние трения)	‘мучиться, страдаться’
91.	内耗 (внутренние трения)	‘разглотиться друг с другом в одной группе’,
92.	内卷 (завёрнуть внутрь)	‘инволюция’
93.	嫩 (о мясо) не слишком поджаренное, мягкое	‘человек неопытный’
94.	女明星 (звёздочка)	‘девушка хорошо одетая, модная, привлекательная’
95.	欧洲人 (европеец)	‘человек очень везущий’
96.	爬墙 (лазить по стене)	‘перенести чувство любви с одной звёзды на другую’
97.	炮灰 (пушечное мясо)	‘жертва ссоры’
98.	喷 (брызгать)	‘критиковать в соцсетях’
99.	喷 (брызгать)	‘прыснуть со смеху’
100.	飘 плавать (в воздухе)	‘быть восторженным, самодовольным’
101.	苹果 (яблоко)	‘продукция (смартфон) компании «Эпл»’
102.	掐架 (драться)	‘ссориться’
103.	墙 (стена)	‘файрволл, система сетевой безопасности’
104.	墙头 (гребень стены)	‘персонаж любимый в аниме, сериалах или фильмах или звёзда, за исключением самой любимой’
105.	青涩 (зеленый и вяжущий)	‘человек неопытный’
106.	锐 (острый)	‘с высокой чёткостью’
107.	睿智 (мудрый)	‘глупый’
108.	上流 (верхнее течение)	‘верхи (общества)’
109.	刷新 (обновить),	‘расширять (кругозор)’
110.	甩锅 (отбрасывать кастрюлю)	‘перекладывать вину’
111.	水 (вода)	‘информация бессмысленная’

112.	撕 (разорвать)	‘опровергать друг друга, ругаться’
113.	死机 (зависеть (о компьютере))	‘перестать работать (голова)’
114.	塑料 (пластик)	‘статуэтка, сделанная из пластика’
115.	塌房 (рухнуть)	‘потерять репутацию (кто-что-то)’
116.	抬杠 (поднимать шест)	‘препираться, спорить по пустякам’
117.	太太 (супруга)	‘уважаемое обращение к автору фан-работ’
118.	糖 (конфеты)	‘работа со сладким, весёлым сюжетом’
119.	糖精 (сахарин)	‘специально подготовленный сюжет, весёлый, но нелогичный’
120.	躺平 (лежать вытянувшись)	‘лежать и перестать стремиться’
121.	套路 (последовательность движений в боевых искусствах)	‘уловка, махинация, приём’
122.	梯子 (лестница)	‘программа для обхода файрволла’
123.	蹄子 (копыто, часто свины)	‘нога’
124.	蹄子 (копыто, часто свины)	‘рука’
125.	天菜 (небесное блюдо)	‘любимый, самый хороший (о человеке)’
126.	天花板 (потолок)	‘что-то наилучшее’
127.	甜 (сладкий)	наслаждаться, радоваться
128.	挖坟 (копать могилы)	‘поднимать старые темы’
129.	弯 (изогнутый)	‘о человеке, который проявляет склонность к гетеросексуализму’
130.	咸鱼 (солёная рыба)	‘человек без мечты’
131.	小丑 (клоун)	‘человек, который роняет свой престиж’
132.	小警察 (полиция)	‘человек, который любит критиковать другого в соцсетях’
133.	修仙 (стремиться стать небожителем)	‘бодрствовать ночью’
134.	炫 (блестеть)	‘обожраться’
135.	炫 (блестеть)	‘похвалиться’ ‘похвалиться’;
136.	雪糕刺客 (морожное-убийца)	‘очень дорогое морожное’
137.	亚克力 (акрил)	‘подвески, фан-работа из акрила’
138.	衣服架子 (вешалка)	‘человек с идеальной фигурой, которому подходит любая одежда’
139.	姨妈 (тётя)	‘ментруация’
140.	阴湿 (темный и сырой)	‘замкнутый, мрачный, неуживчивый (о человеке)’
141.	营业 (вести дело)	‘о идоле, который притворяться перед фанами, демонстрирует лишь хорошую сторону’

142.	油腻 (жирный)	‘льстивый, легкомысленный, неряшливый’
143.	油腻 (жирный)	‘пошное, без вкуса (о произведение)’
144.	有毒 (с ядом)	‘пристращающийся’
145.	鱼饵 (наживка)	‘пост в соцсетях, привлекающий кого-л. к спору’
146.	晕 (падать в обморок)	‘междометие, выражать удивления и разочарования’
147.	杂食 (всеядный)	‘человек, который только читает фан-работу о любовных отношениях самых разных пейрингов (пары персонажей)’
148.	宰 (резать)	‘надуть, обмануть кого-л.’
149.	炸弹 (бомба)	‘алкоголь крепкий’
150.	爪子 (лапа)	‘рука’
151.	直(прямой)	‘о человеке, который проявляет склонность к гомосексуализму’
152.	中毒 (быть отравленным)	‘пристраститься’
153.	种草 (посадить траву)	‘планировать покупать’
154.	自闭 (замкнутый)	‘быть растроеным’
155.	醉 (пьяный)	‘нет слов, выражение неодобрения’
156.	做饭 (подготовить пищу)	‘создать фан-работу’
№.	2. Примеры с новыми производными значениями и морфологическими изменениями	
1.	A4 腰 (талия в форме листа формата A4)	‘талия стройная’
2.	A 货	‘фальсифицированный товар высшего качества’
3.	白菜价 (цена капуста)	‘дешёвый’
4.	白领 (белый воротник)	‘человек, не знающий физическим трудом’
5.	摆烂 (проявить хаос)	‘опустить руки, ничего не предпринимать’
6.	包子脸 (лицо в форме баоцзы)	‘лицо круглое, щёчки пухлые, обычно о малышке’
7.	宝藏店 (магазин-сокровище)	‘магазин, товары которого стоит купить’
8.	宝藏女孩 (девушка-сокровище)	‘привлекательная, талантливая девушка’
9.	冰山脸 (лицо-айсбург)	‘серьёзное лицо’
10.	玻璃心 (сердце-стекло душа ранимая)	‘душа ранимая’
11.	菜鸡 (курица-зелень)	‘человек начинающий, ламер, нуб’
12.	菜鸟 (птица-зелень)	‘человек начинающий, ламер, нуб’
13.	潮店 (магазин-пролив)	‘модный магазин’
14.	潮人 (человек-пролив)	‘модный человек’
15.	吃灰 (есть пыль)	‘что-то давно не используемое’

16.	吃土 (есть глину)	‘не при деньгах’
17.	痴汉脸 (лицо тикана, от японского языка 痴漢 [tikan], ‘развратник’)	‘страстное выражение’
18.	臭脸 (тухлое лицо)	‘неприятное выражение лица’
19.	出柜 (выйти из шкафа)	‘открытое и добровольное признание человеком своей принадлежности к сексуальному или гендерному меньшинству’
20.	出片 (выводить фото)	‘снять довольное фото’
21.	出片 (выводить фото)	‘хороший, довольный (о том, что связанное со снимком)’
22.	出物 (выпускать)	‘продавать’
23.	出戏 (выйти из роли)	‘портить настроение, потерять интерес’
24.	打工狗 (собака подрабатывающая)	‘работник’
25.	大白 (белый защитный костюм)	‘признак человека, в белом костюме’; ‘медицинский сотрудник в белом защитном костюме’
26.	大饼脸 (лицо в форме лепёшки)	‘лицо плоское, мордастое’
27.	大款 (большая сумма денежных средств)	‘человек богатый’
28.	大牛 (большой бык)	‘способный человек’
29.	大神 (большой бог)	‘эксперт, знаток’
30.	大象腿 (ноги слона)	‘нога, бедра широкие (обычно лица женского пола)’
31.	单身狗 (одинокая собака)	‘холостяк / одиночка’
32.	地雷 (минна)	‘табу, что-то неприятное’
33.	点赞 (лайковать)	‘одобрить’
34.	爹味 (папашин вкус)	‘человек самодовольный, всегода преподаёт урок другим’
35.	顶流 (вершина трафика)	‘человек, который принесёт платформе наивысшую посещаемость’
36.	顶楼 (поднимать этаж)	‘ответить на пост в соцсетях в целях повышения узнаваемости данного поста’
37.	顶贴 (поднимать пост)	‘ответить на пост в соцсетях в целях повышения узнаваемости данного поста’
38.	毒鸡汤 (ядовитый куриный бульон)	‘сказка с чёрным юмором о реальности жизни’
39.	剁手党 (партия резания руки)	‘человек, который потратит много денег на покупки’
40.	非 (африканский)	‘невезучий’
41.	佛系 (по-буддийски)	‘быть равнодушным ко всему’

42.	腹诽 (возражение в животе)	‘скрытое недовольство’
43.	腹黑 (живот чёрноват)	‘интриганский, двуличный (о человеке)’
44.	尬讲 (читать неловкую лекцию)	‘читать неловкую лекцию’
45.	尬聊 (беседовать неловко)	‘беседовать неловко’
46.	盖达 (гей-радар)	‘интуиция человека о гей’
47.	肝 ((испортить) печень)	‘приложить усилия’
48.	肝帝 (эмпирия-печени)	‘человек очень трудящий’
49.	肝力 (сила печени)	‘большие усилия’
50.	尴尬症 (синдром неловкости)	‘легкое оказание в неловком положении’
51.	杠精 (призрак рычага)	‘человек, кто участвует в споре, спорщик’
52.	高能 (высокая энергия)	‘импактный, впечатляющий’
53.	工具人 (человек-инструмент)	‘человек, к которому обращаются только когда нужна помощь’
54.	苟 (делать кое-как)	‘перебиваться кое-как, остаться в живых (обычно о гейме)’
55.	狗粮 (корм для собак)	‘публичное проявление романтических отношений передо холостяками и одиночками’
56.	狗头 (собачья голова)	‘объектив фотоаппарата плохого качества’
57.	狗窝 (собачья конкура)	‘комната беспорядочная’
58.	瓜子脸 (лицо в форме подсолнечной семечки)	‘лицо овальное с острым подбородком’
59.	好人卡 (карточка «хороший парень»)	‘вежливый отказ от личных отношений’
60.	和谐 (гармония)	‘заблокировать в целях гармонии в социосетях’
61.	黑科技 (чёрная техника)	‘технология или знание, обогнавшее своё время’;
62.	黑历史 (чёрная история)	‘тёмная страница в истории’
63.	黑料 (чёрный материал)	‘сплетни’
64.	黑名单 (чёрный список)	‘список заблокированных’
65.	黑子 (чёрные)	‘ненавистник, хейтер’
66.	滑产 (скользить и родить)	‘творить фан-работу быстро’
67.	滑跪 (скользить коленом)	‘извиниться быстро’
68.	画手 (рука рисования)	‘человек, хорошо умеющий рисовать’
69.	鸡 (петух, сокращенное от выражения 打鸡血 – сделать вливание петушиной крови)	‘взбодрить’

70.	鸡娃 (цыпленок)	‘ребёнок школьного возраста, весь досуг которого занят учёбой и полезной деятельностью под напором родителей’
71.	姬达 (радар-лесбиянка)	‘интуиция человека о лесбиянстве’
72.	寂寞 (одиночество)	‘напрасно’
73.	剪刀手 (рука в форме ножниц)	‘жест пальцев в виде буквы V’
74.	剪刀手 (рука в форме ножниц)	‘монтажер’
75.	键盘侠 (человек-клавиатура)	‘клавиатурный рыцарь’
76.	键政 (комментировать политику клавиатурой)	‘комментировать текущие события в Интернете’
77.	交肾 (передать почку)	‘заплатить’
78.	胶佬 (человек-клей)	‘моделист-любитель’
79.	洁癖党 (партия мизофобии)	‘человек, который только читает фан-работу о любовных отношениях определённого пейринга (пары персонажей)’
80.	金主爸爸 (папа финансирования)	‘спонсор’
81.	精神力 (духовная сила)	‘критерии оценки, решительность, стойкость’
82.	精神小伙 (бодрый парень)	‘человек, который снимает абсурдные танцевальные видеоролики’
83.	精致白领 (изящный белый воротник)	‘городские жители, которые стремятся к роскошному образу жизни, попадая в ловушку потребительства’
84.	精致女孩 (изящная девушка)	‘девушка, которая наряжается искусно’
85.	客户爸爸 (клиент-папа)	‘клиент’
86.	啃书 (кушать книгу)	‘старательно учиться’
87.	口水战 (слоесная война)	‘словесная перепалка’
88.	筷子腿 (ноги в форме палочки)	‘ноги длинные и стройные’
89.	拉仇恨 (вызывать ненависть)	‘выполнять забавные движения с целью дразня противника, способность героя игры’
90.	拉风 (тянуть ветер)	‘привлекать внимание, зрение’
91.	拉黑 (тянуть в чёрный список)	‘тянуть в список заблокированных’
92.	辣眼睛 ((перец) щипает глаза)	‘смотреть больно’
93.	阑尾人 (человек-аппендикс)	‘человек никчёмный, который умеет только высказывать своё мнение’
94.	懒癌 (рак-лень)	‘патологическая лень; слишком ленивый’
95.	懒狗 (ленивая собака)	‘человек ленивый’
96.	雷 (минна)	‘вызывать неприятное чувство’, ‘шокировать’
97.	雷区 (минное поле)	‘табу, что-то неприятное’

98.	冷圈 (холодный круг общения)	‘непопулярный круг общения с малым количеством участников’
99.	冷笑话 (холодная шутка)	‘неудачная шутка, которая часто вызывает неловкое молчание’
100.	冷知识 (холодное знание)	‘малоизвестное знание’
101.	亮点 (светящееся пятно)	заметное достоинство
102.	迷弟 (фан-брат)	‘фанат (мужеской)’
103.	迷妹 (фан-сестра)	‘фанат (женский)’
104.	秒懂 (понять в секунде)	‘понять быстро, в ту же секунду’
105.	秒了 (в секунде)	‘убить в ту же секунду (в игре)’
106.	秒杀 (убить в секунде)	‘убить в ту же секунду (в игре)’
107.	秒杀 (убить в секунде)	‘купить мгновенно’
108.	拿捏 (удержать, сжимать)	‘держат в руках’
109.	你很狗 (ты просто собака)	‘человек плохой, ненормальный (шут.)’; ‘тебе нормально? (шут.)’
110.	柠檬精 (призрак лимона)	‘завидующий человек’
111.	牛人 (бык-человек)	‘способный человек’
112.	牛头 (быковская головка)	качественный объектив’
113.	虐狗 (мучить собаку)	‘выставлять романтические отношения напоказ перед одиночками и холостяками’
114.	女神 (богиня)	‘красавица’, ‘любимая девушка’, ‘кумир’
115.	女子力 (сила девушки)	‘критерии оценки, женский шарм’
116.	欧 (европейский)	‘везучий’
117.	欧皇 (европейская империя)	‘очень везучий человек’
118.	泡菜国 (страна-кимчхи) –	‘Корея’
119.	泡菜妹 (сестра-кимчхи)	‘корейка’
120.	喷子 (брызгать)	‘интернет-троль, лицо, провоцирующее эмоциональную перепалку в интернете’
121.	捧红 (принимать в обе руки, чтоб стать красным)	‘поддерживать кого-л., чтобы он был популярным и знаменитым’
122.	捧人 (принимать человека в обе руки)	‘поддерживать, захваливать’
123.	捧杀 (принимать и убить)	‘перехваливать’
124.	拼车 (собирать автомобиль)	‘райдшеринг, по очереди подвозить один другого на автомобиле’
125.	拼团 (собирать группу)	‘составить группу с целью покупки со скидкой’

126.	拼桌 (собирать стол)	‘разделять стол с незнакомым’
127.	扑克脸 (покер-фэйс)	‘каменное лицо’
128.	浅尝 (покушать чуть-чуть)	‘неглубоко, немного попробовать’
129.	浅试 (попробовать чуть-чуть)	‘попробовать немного’
130.	枪手 (рука-пистолета)	‘человек, пишущий экзамен, книгу и т.п. за другого человека’
131.	圈粉 (окружать фанатов)	‘привлекать фанатов’
132.	圈钱 (окружать деньги)	‘привлекать деньги’
133.	群嘲	‘насмехаться совместно’
134.	热圈 (жаркий круг общения)	‘популярный круг общения с большим количеством участников’
135.	热搜 (горячий запрос)	‘популярный, с высокой читаемостью’ ‘популярный поисковый запрос’
136.	热帖 (жаркий пост)	‘популярный пост’
137.	锐词 (острые слова)	‘новые, популярные слова’
138.	锐评 (острые комментарии)	‘острые, пронизательные комментарии’
139.	飒 (свест ветра)	‘крутой, красивый’
140.	扫本 (пометать тетрадь)	‘закупить фан-работу’
141.	扫街 (пометать улицу)	‘ходить по улице чтоб снять хорошие фото’
142.	扫楼 (пометать дом)	‘ходить по домам в поисках покупателей’
143.	傻白甜 (глубый, белый, сладкий)	‘человек симпатичный, но наивный (обычно о девушке)’
144.	傻白甜 (грубый, белый, сладкий)	‘человек симпатичный, но наивный (обычно о девушке)’
145.	闪人 (флеш-человек)	‘сбежать’
146.	闪送 (флеш-доставка)	‘очень быстрая доставка’
147.	闪现 (мелькнуть)	‘появиться вдруг’
148.	上头 (покружить голову)	‘воспламениться страстью к чему-л.’
149.	上头 (покружить голову)	‘хмелеть’
150.	社畜 (скот компании)	‘наёмный раб’
151.	社交牛逼症 (болезнь высокой общительности)	‘о человеке, которым легко общаться с другими’
152.	深柜 (глубокий шкаф)	‘гомик, который боится признать свою сексуальную ориентацию’
153.	神仙日子 (день небожителя)	‘клёвый день’
154.	神仙舍友 (друг-небожитель по комнате)	‘добрый, способный друг по комнате’ и др.

155.	手癩 (рак кисти руки)	‘недостатоки человека, которые невозможно исправить’; ‘часто делать опiski’
156.	手残 (рука дефективная)	‘человек криворукий’
157.	手抖 (руки трясутся)	‘совершать промах’
158.	手滑 (руки поскользнутся)	‘совершать промах’
159.	书虫 (книжный червь)	‘заядлый любитель книги’
160.	水货 (водянистый товар)	‘некачественный. плохой’
161.	水军 (военный флот)	‘человек, который постит бессмысленные сообщения, чтобы противник не увидел важное сообщение’
162.	水时长 (флудить время)	‘флудить в целях продлить время видеоролики’
163.	水文章 (флидить статью)	‘флудить статью’
164.	私 (личный)	‘отправить личное сообщение’
165.	私聊 (частная беседа)	‘отправить личное сообщение’
166.	死鱼眼 (глаза мертвой рыбы)	‘глаза потухшие, стеклянные’
167.	塑料师生情 (пластиковое отношение между учеником и учителем)	‘ненадёжное, фальшивое отношение между учеником и учителем’
168.	塑料友谊 (пластиковая дружба)	‘ненадёжное, фальшивое отношение между друзьями’
169.	酸民 (кислый народ)	‘заведующий человек’
170.	糖水片 (фото-послащенная вода)	‘прекрасное фото с хорошей композицией, но без авторского мнения’
171.	烫角色 (горячий персонаж)	‘персонаж мужского пола с высокой популярностью’
172.	烫男人 (горячий мужчина)	‘персонаж, пользующийся популярностью’
173.	烫圈 (горячий круг общения)	‘круг, популярность которого выше, чем 热圈’.
174.	天鹅颈 (лебединая шея)	‘шея с восхитительными изгибами’
175.	天雷 (гроза)	‘табу, что-то неприятное’
176.	甜妹 (сладкая сестра)	‘симпатичная девушка’
177.	铁哥们 (стальной брат)	‘близкий, прочный друг’
178.	铁关系 (отношение-сталь)	‘отношение близкое, прочное’
179.	铁头娃 (мальчик с железной головой)	‘упрямый, бесстрашный человек’
180.	铁直男 (стальной натурал)	‘человек бескомпромиссный, эмоционально глухой’
181.	贴贴 (приклеить)	‘интимное соприкосновение, интимно обниматься’
182.	痛包 (болевая сумка)	‘признак вещи, на которых полны значками, иллюстрациями’
183.	痛车 (болевого автомобиль)	‘признак вещи, на которых полны значками, иллюстрациями’
184.	痛男 (болевого мужик)	‘странный (человек, на которого больно смотреть)’

185.	头版 (головная страница)	‘первая полоса журнала’
186.	头条 (головная полоса)	‘главные новости’
187.	头铁 (голова железа)	‘упрямый, бесстрашный’
188.	土 (земельный)	‘немодный, с низким вкусом’
189.	土鳖 (китайский медицинский таракан)	‘человек с узким кругозором, деревенщина’
190.	团购 (групповая покупка)	‘групповая покупка с низкой ценой’
191.	团战 (групповая война)	‘завоевать вместе в гейме’
192.	拖肾 (затягивать почку)	‘задолжать’
193.	拖延症 (болезнь-прокрастинация)	‘склон к прокрастинации при выполнении какой-то работы’
194.	网虫 (интернетный червь)	‘заядлый любитель Интернета’
195.	网红 (красный в Интернете)	‘пользующееся популярностью в Интернете’
196.	网红 (красный в Интернете)	‘интернет-знаменитость’
197.	微我五十 («Ви» мне 50 юаней)	‘дай мне 50 юаней через Вичат’
198.	文手 (рука писания)	‘человек, хорошо пишущий статьи (часто фан-работы)’
199.	稳如老狗 (опытный, как старая собака)	‘человек опытный’
200.	吸猫 (втягивать кота)	‘тискать кошку’
201.	洗白 (мыть, обелить)	‘обелить репутацию’
202.	洗地 (мыть пол)	‘покрывать неблагоприятные поступки’
203.	洗耳朵 (мыть уши)	‘слушать новую нормальную музыку, чтобы забыть услышанную мелодию или неприятный звук’
204.	洗脑 (мыть голову)	‘что-то очень навязчивое, монотонное’
205.	洗脑 (мыть голову)	‘воздействовать на мысли человека’; ‘промыть мозги’
206.	戏精 (призрак оперы)	‘человек, ведущий себя с преувеличенным драматизмом и эмоциональностью’
207.	下头 (спуститься с головы)	‘портить настроение’
208.	下头 (спуститься с головы)	‘протрезветь после похмелья’
209.	下头 (спуститься с головы)	‘усмирить страсть’
210.	小白 (белизна)	‘неопытный’
211.	小粉红 (розовый)	‘китайский сайт сетевой литературы Цзиньцзян, цветом фона которого является розовый’
212.	小粉红 (розовый)	‘патриот, часто экстремистский’
213.	小黑屋 (чёрный домик)	‘список заблокированных’
214.	小黄(жёлтика)	‘велопрокат марки OFO’
215.	小蓝 (синька)	‘велопрокат марки BLUEGOGO’
216.	小奶狗 (собачонка)	‘человек симпатичный’

217.	小甜饼 (сладкое печенье)	‘работа со сладким, весёлым сюжетом’
218.	校霸 (нязь-гегемон в школе/ университете)	‘человек крайне жестокий, злой, изверг в школе/ университете’
219.	新手 (новая рука)	‘новичок’
220.	星爸爸 (стар-папа)	‘Старбакс’
221.	熊孩子 (медвежонок)	‘ребенок озорной, проказник, озорник’
222.	熊猫妹 (сестра-панда)	‘китаянка’
223.	熊猫眼 (глаза панды)	‘чёрные круги под глазами’
224.	学霸 (нязь-гегемон в учёбе)	‘человек, успешный в учёбе, отличник’
225.	学畜 (скот школы / университета)	‘раб учёбы’
226.	学神 (бог в учёбе)	‘одарённый ученик’,
227.	学生狗 (студент-собака)	‘жалкий студент’
228.	学渣 (отстой в учёбе)	‘отстающий студент’
229.	摇人 (от выражения 摇电话 – звонить по телефону, при котором 摇 описывает движение использования дискового телефона)	‘звать людей’
230.	阳角 (персонаж-Ян)	‘позитивный, открытый, общительный человек’
231.	野 (дикий)	‘необузданный’
232.	一键三连 (один клик, три комбо)	‘выполнение три действия (лайковать, добавлять в избранное и поддерживать автора) в одном клике’
233.	已肾 (уже подал(а) почку)	‘заплатил(а)’
234.	阴角 (персонаж-Инь)	‘пассивный, замкнутый, необщительный человек’
235.	樱花妹 (сестра-сакура)	‘японка’
236.	云 (облака)	‘познакомиться с чем-то засчёт опыта других на Интернетe’
237.	云参观 (облачное посещение)	‘виртуальное посещение’
238.	云聚餐 (облачный обед)	‘виртуальный совместный обед’
239.	云玩家 (облачный игрок)	‘человек, который смотрит, как другой играет в гейм, а сам не играет’
240.	云养猫 (кормить кота на облаках)	‘смотреть кота в Интернетe’
241.	云追星 (преследовать звёзд на облаках)	‘поклонение в Интернетe’
242.	宰客 (резать клиента)	‘надуть клиента’
243.	宰客 (резать клиента)	‘заставить кого-л. угощать в ресторане’
244.	宰人 (резать человека)	‘надуть клиента’
245.	赞 (поставить лайк)	‘одобрить’

246.	赞 (лайк)	‘отлично, хорошо’
247.	赞助爸爸 (спонсор-папа)	‘спонсор’
248.	扎心 (колоть сердце)	‘ранить душу, вызывать грусть’
249.	渣翻 (перевод-отстой)	‘неуклюжий перевод’
250.	渣男 (мужчина-отстой)	‘дрянной человек’
251.	渣作 (работа-отстой)	‘неуклюжая работа’
252.	炸 (взрывающий)	‘буйный, яростный, громкий (о музыке)’
253.	炸街 (бомбить улицу)	‘своим внешним видом обращать всеобщее внимание’
254.	炸街 (бомбить улицу)	‘управлять автомобилем с намеренно громким выхлопом с целью нарушить порядок улицы’
255.	炸毛 (взрываются волосы)	‘встать на дыбы, рассердиться’
256.	炸帖 (бомбить пост)	‘удалить пост, ограничить пост, запретить репостинг, нарушить порядок в интернете’
257.	战 (битва)	‘словесная война между фанатами разных звёзд’
258.	战斗力 (заваевающая сила)	‘критерии оценки, боевая способность, боевая мощь’
259.	长单词恐惧症 (боязнь длинного слова)	‘боязнь длинных слов при изучении иностранных языков’
260.	直女 (натуралка)	‘эмоционально глухая девушка’
261.	纸片人 (бумажный человек)	‘сопутствующие товары, сделанные из бумаги’
262.	纸片人 (бумажный человек)	‘персонаж из компьютерной игры или анимации’
263.	抓狂 (схватить и сбеситься)	‘психануть’
264.	抓瞎 (схватить, хвататься)	‘растеряться’
265.	砖 (кирпич)	‘что-то объёмное, тяжёлое’
266.	砖头本 (тетрадь-кирпич)	‘объёмная, тяжёлая фан-работа’
267.	锥子脸 (лицо в форме шила)	‘лицо овальное с острым подбородком’
268.	嘴 (рот)	‘критиковать, обсуждать’
269.	嘴臭 (тухлый рот)	‘человек, который не стесняется в выражениях’
270.	嘴替 (замена рта)	‘человек, которой произносит голос сердца за других’
№.	3. Примеры образованные морфологическими способами	
1.	996	‘график работы с 9:00 до 21:00 по 6 дней в неделю, принятый в некоторых китайских компаниях’
2.	awsl	‘умру’
3.	nb	‘круто’
4.	no zuo no die (без «zuo» не умереть)	‘если не играете со смертью, не умрёте’
5.	pyq	‘круг друзей в Вичате’
6.	rmb	‘китайский юань’

7.	rwkk	‘дай мне посмотреть’
8.	uls1	‘говорить правду’
9.	V 我 («В» мне)	‘дай мне деньги в Вичате’
10.	wxnl	‘скучаю по тебе’
11.	yyds	‘лучший из существовавших’
12.	yugq	‘саркастический’
13.	zqsg	‘истинное чувство’
14.	摆 (разлагаться)	‘опустить руки, ничего не предпринимать’
15.	吃瓜群众 (человек, еящий арбуз)	‘человек, занимающийся пустопорожними пересудами’
16.	地雷系 (как мина)	‘человек с шокированным характером’
17.	非酋 (африканский вождь)	‘очень невезучий человек’
18.	佛 (будда)	‘быть равнодушным ко всему’
19.	尬 (сокращенный от 尴尬)	‘неловко’
20.	高大上 (высокий, большой, верхний)	‘высочайшего качества, высший класс, классный’
21.	高冷 (высокий и холодный)	‘высокомерный и равнодушный’
22.	卷 (сокращенное от 内卷)	‘конкурендовать недружесвенно’
23.	开喷 (начать брызнуть)	‘начать ругать, критиковать’
24.	开撕 (начать разорвать)	‘начать ругаться’
25.	乐 (сокращенное от 乐子 – предмет для веселья)	‘радоваться’
26.	普信 (обычный и быть уверенным в себе)	‘простой (высокомерный) и самоуверенный (о парне)’
27.	亲 (дорогой)	‘ласкательное обращение к покупателям платформы Таобао; просто ласкательное обращение’
28.	人艰不拆 (жизнь и так сложна)	‘не стоит прояснять’
29.	丧 (от слова 沮丧)	‘подавленный’
30.	闪瞎 (что-то мелькает, чтобы глаза болят)	что-то потрясает человека
31.	社会人 (общественный человек)	‘безработная молодёжь’
32.	社会人 (общественный человек)	‘человек, которого опасно затрагивать’
33.	双标 (двойные стандарты)	‘двойное лого’
34.	躺 (сокращенное от слова 躺平 – ложиться)	‘умереть’
35.	语死早 (мой учитель по филологии рано умер)	‘неумение хорошо говорить, выражать мнение’
36.	炸 (бомбить, взрывать)	‘рассердиться’

№.	4. Примеры заимствований	
1.	AA (all apart)	‘разложить поровну на всех’
2.	ACG (animation, comics, game)	‘аниме, комикс и видеоигра’
3.	ADV (adventure game)	‘приключенческая игра’
4.	AOE	‘область деятельности’
5.	AVG (adventure game)	‘приключенческая игра’
6.	A 游戏 (away from keyboard)	‘перестать играть’
7.	bot (бот)	‘интернет-бот’
8.	brainstorming	‘мозговая атака, мозговой штурм’
9.	brunch	‘бранч’
10.	CB (combination)	‘неромантические отношения между персонажами’
11.	challenge	‘ставить под вопрос’
12.	chill	‘расслабиться’,
13.	city pop	‘сити-поп, жанр поп-музыки’
14.	city walk	‘гулять по городу’
15.	CoC	‘Зов Ктулху’
16.	concall (conference call)	‘совещание по телефону’
17.	cover	‘держат’
18.	cp	‘пейринг, любовное отношение между парой персонажей’
19.	c 位 (center)	‘человек, который находится в центре при выступлении группы’,
20.	c 位 (center)	‘центральная место на сцене’
21.	DDL (deadline)	‘дедлайн’
22.	diss	‘оскорблять, принижать’
23.	DJ (disk jockey)	‘человек, осуществляющий публичное воспроизведение записанных на звуковые носители музыкальных произведений’
24.	DK (男子校生 [danshi Kousei])	‘японский ученик старших классов средней школы’
25.	dm	‘организатор игр DnD’
26.	DnD	‘игра «подземелья и драконы»’
27.	DPS (damage per second)	‘дпс – урон в секунду’
28.	emo	‘эмоциональный, печальный’
29.	fancy	‘отвечающий современным вкусам, отличный’
30.	fashion	‘модный, необычный’
31.	flop	‘провал (о знаменитостях)’

32.	follow	‘подписаться’,
33.	follow	‘следить’
34.	fwb (riends with benefits)	‘друг для секса’
35.	get 到	‘понимать’
36.	get 到了	‘понял’
37.	gm	‘мастер ролевых игр’
38.	hp (hit points)	‘кровь’
39.	JK (女子高校生 [joshi-Kousei])	‘японская ученица старших классов средней школы’
40.	kp	‘Хранитель мифов’
41.	ky (空気を読めない人 [kuuki o yominai hito])	‘человек, у которого отсутствует проницательность’
42.	Lifestyle	образ жизни
43.	MC (microphone controller)	‘эм-си, хип-хоп-музыкант’
44.	mp (magic point)	‘синее, магия’
45.	NPC (non-player character)	‘неигровой персонаж’
46.	NS	‘Нинтендо суитти’
47.	OC (original character)	‘оригинальный персонаж’
48.	offer	‘приглашение на работу / учёбу’
49.	omasake	‘используется посетителями в ресторанах суши и значит «на ваше усмотрение»: клиент оставляет выбор продуктов за шефом’
50.	pk	‘убийство игроко’
51.	po	‘постить’
52.	po	‘постить’
53.	pre	‘делать доклад’
54.	PS (photoshop)	‘фотошоп’
55.	PS5 (PlayStation 5)	‘игровая приставка от японской транснациональной компании Sony Interactive Entertainment’
56.	respect	‘уважаю (исользуется репером)’
57.	RPG (role-playing game)	‘ролевая игра’
58.	rush	‘торопить, спешить’
59.	san (sanity)	‘рассудок персонажей в играх’
60.	T (танк)	‘игрок, отвлекающий в бою внимание противника (монстра) на себя’
61.	title	‘должность’
62.	tricky	‘сложный’,

63.	tufting	‘приготовление изделия с прошивным ворсом самостоятельно’
64.	vibe	‘чувство атмосферы вокруг чего-л.’
65.	VR (виртуальная реальность)	‘виртуальная реальность’
66.	v 圈	‘круг общения о Вокалоиде’, (v является усеченным вариантом Vocaloid – ‘японское программное обеспечение с целью имитации человеческого голоса при создании песен’)
67.	v 主播 (vtuber)	‘виртуальный ютубер’
68.	XSX (Xbox Series X)	‘игровые приставки девятого поколения от американской транснациональной корпорации Microsoft’
69.	艾特/(@)	‘@, используется для упоминания или ответа другим пользователям в соцсетях’
70.	爱特	‘@, используется для упоминания или ответа другим пользователям в соцсетях’
71.	宝	‘дорогой’
72.	宝宝	‘дорогой’
73.	宝贝	‘дорогой’
74.	宝儿	‘дорогой’
75.	冲浪 (сёрфить)	‘сидеть в Интернете’
76.	打 call	‘поддерживать’ (call в данном случае происходит от японского コール [kooru] – ‘ободряющий возглас’)
77.	毒舌 (毒舌)	‘едкие замечания’
78.	断舍离 (断捨離)	‘прекращать, выбрасывать, отдаляться, простой образ жизни’
79.	饭	‘фан, поклонник чего-л.’
80.	粉	‘фан, поклонник чего-л.’
81.	高亮 (выделить ярко)	‘выячивать’
82.	梗 (ギャグ)	‘шутка’
83.	糊 (flope)	‘провал (о знаменитостях)’
84.	控 (コン [kon])	‘человек с определёнными предпочтениями’
85.	蓝	‘очки магии’
86.	萌 (萌え)	‘сильно притягиваться к чему-л.’
87.	魔	‘очки магии’
88.	逆袭 (逆袭)	‘контратаковать, производить вылазку’

89.	庞克	‘панк’
90.	死线	‘дедлайн’
91.	坦克	‘игрок, отвлекающий в бою внимание противника (монстра) на себя’
92.	天然 (てんねん)	‘(человек) наивный, простодушный’
93.	同人志 (додзинси)	‘фан-работа’
94.	吐槽 (цуккоми)	‘шутливо поддевающее собеседника слово’
95.	西皮	‘пейринг, любовное отношение между парой персонажей’
96.	秀	‘человек самобытный, стоящий особняком’
97.	虚拟现实	‘виртуальная реальность’
98.	血 (кровь)	‘очки здоровья’
99.	野区 (джангл)	‘территория между линиями, где обитают лесные нейтральные монстры’
100.	应援 (応援)	‘поддерживать’
№.	5. Примеры заимствований с новыми производными значениями	
1.	AJ (Air Jordan)	‘баскетбольная обувь бренда Air Jordan’
2.	A	‘отфрендить’
3.	align	‘согласоваться’
4.	base	‘стоять в, поселиться в’
5.	battle	‘рэп-баттл’
6.	bug (баг)	‘ошибка в гейме’
7.	bug (баг)	‘ошибка в жизни’
8.	CCD	‘фотоаппарат с ПЗС’
9.	CD (cooldown time)	‘время, которое должно пройти перед возможностью повторно использовать навык, предмет или нечто подобное’
10.	CPU (ЦПУ)	‘голова человека’
11.	crush (краш)	‘человек, который очень нравится, объект наслаждения для души’
12.	gank (Gang bang kill)	‘ганк, способ активного перемещения по карте, целью которого является внезапное нападение на ничего не подозревающего вражеского героя’
13.	GG (game over)	‘игра окончена’
14.	hold 住	‘выдержать’
15.	hook up (подключать, свет, соединение)	‘назначать встречу’

16.	npc (неигровой персонаж)	‘персонаж, не находится под контролем игрока’
17.	po 主	‘владелец блога’ (po является усеченным вариантом post – ‘постить’, 主 – ‘владелец, производитель действия’)
18.	p 图	‘ретушировать фотографию’
19.	up 主	‘автор видеоролика на интернет-сайтах’ (up является усеченным вариантом upload – ‘загружать’)
20.	阿迪 (Ади)	‘баскетбольная обувь бренда Адидаас’
21.	打野 (джанглиТЬ)	‘заниматься сексом на открытом воздухе’
22.	打野 (джанглиТЬ)	‘зарабатывать золото и опыт, убивая нейтральных монстров, встреченных в джунглях’
23.	大 v	‘известный микроблогер’ (v является усеченным вариантом verified – ‘сертификационный (аккаунт)’)
24.	壁咚 (кабэдон)	‘прижать кого-либо спиной к стене, опершись о стену ладонями; при котором, «дон» — это ономатопея, когда колотятся рукой об стену’
25.	墙咚	‘прижать кого-либо спиной к стене’
26.	毒舌	‘человек, произносящий едкие замечания’
27.	副本 (специальная область, которая генерирует новую копию локации для каждой группы игрок)	‘копия жизни, в которой можно жить по-другому’
28.	高 p	‘слишком ретушированное фото’
29.	高亮 (ярко выделяемый)	‘поразительный’
30.	攻略 (гайд по играм)	‘гайд по жизни’
31.	挂 (зависнуть)	‘быть удаленным на Интернете’
32.	挂 (зависнуть)	‘не сдать экзамен’
33.	挂 (зависнуть)	‘умереть’
34.	嗨 (high)	‘крайне возбужденный’
35.	嗨歌 (песня хай)	‘песня крайне возбужденная’
36.	土嗨 (земельный хай)	‘крайне возбужденная песня низкого качества’
37.	自嗨 (хай сам по себе)	‘веселиться сам по себе’
38.	寄 (game over)	‘крахнуть, конец жизни’
39.	热门 (жаркая дверь)	‘что-л. привлекательное’
40.	烫门 (горячая дверь)	‘что-л. очень популярное, привлекательное’
41.	波门 (Бо-мень)	‘выражение симпатии, восхищения кем-л.’
42.	朋克 (панк, стиль рок-музыки)	‘вольный стиль жизни/ поведения’
43.	人设 (дизайн персонажей)	‘имиджи знаменитости’

44.	生肉 (сырое мясо)	‘видеоролик без перевода’
45.	熟肉 (готовое мясо)	‘видеоролик со субтитрами перевода’
46.	赛博 (кибер)	‘виртуальный, нереальный’
47.	同人 (додзин)	‘группа друзей или единомышленников, которые разделяют общие интересы’
48.	吐槽 (цуккоми)	‘шутливо поддеть собеседника’
49.	吐槽 (цуккоми)	‘насмехаться, язвить’
50.	宅 (любитель чего-т.)	‘человек, не общительный, не выходящий из дома’
51.	宅舞 (танцы либителя)	‘кавер-танцы’
№.	6. Другие примеры	
1.	1314	вечно
2.	555	плакать
3.	ktv	руа
4.	阿伟死了 [ā wěi sǐ le] (啊我死了 [ā wǒ sǐ le])	‘я умру’
5.	芭比 q [bā bǐ q] (барбекю)	‘капец’
6.	产品 [chǎn pǐn] (coupling)	‘пейринг’
7.	创 [chuàng] (撞 [zhuàng] – толкать)	‘получить удар’
8.	哒咩 [dā miē] (だめ [dame])	‘отказ; нет’
9.	打咩 [dǎ miē] (だめ [dame])	‘отказ; нет’
10.	带 [dài] (大 [dà])	‘большой’
11.	尬酒 («Га» алкоголь)	‘соревноваться, кто кого перепьет’
12.	尬舞 («Га» танцы)	‘состязаться в танцах’
13.	狗带 [gǒu dài] (go die)	‘крахнуть, конец жизни’
14.	壕 (от выражения 土豪 – богач)	‘богатый’
15.	蓝瘦香菇 [lán shòu xiāng gū] (难受想哭 [nán shòu xiǎng kū])	‘нестерпимо хочется плакать’
16.	李姐 [lǐ jiě] (理解 [lǐ jiě])	‘понять’
17.	南 [nán] (难 [nán])	‘трудно’
18.	牛头人 [niú tóu rén] (寝取られ [netoru])	‘наставить рога кому-л.’
19.	恰饭 (кушать)	‘размещать рекламу или коммерческое продвижение в своём видеоролике или сайте с целью заработка’
20.	恰流量 [qià liú liàng] (吃流量 [chī liú liàng] – есть трафик)	‘зарабатывать за счёт посещаемости (сайта илихоумпэйджа)’
21.	青椒 [qīng jiāo] (青教 [qīng jiào])	‘молодой преподаватель’
22.	秋波 (осенние волны)	‘делать глазки’

23.	秋波 (осенние волны)	‘подмигивать, подавать знаки глазами’
24.	让我康康 [ràng wǒ kāng kāng] (让我看看 [ràng wǒ kàn kàn])	‘подай мне посмотреть’
25.	润 [rùn] (run)	‘сбежать’
26.	蛇精病 [shé jīng bìng] (神经病 [shén jīng bìng])	‘странный человек’
27.	栓 Q [shuān Q] (thank you)	‘спасибо тебе’
28.	虾仁猪心 [xiā rén zhū xīn] (杀人诛心 [shā rén zhū xīn])	‘убить человека, разоблачить его мысли и мотивы’
29.	笑鼠了 [xiào shǔ le] (笑死了 [xiào sǐ le])	‘смеяться до смерти’
30.	修狗 [xiū gǒu] (小狗 [xiǎo gǒu])	‘собачонок’
31.	修猫 [xiū māo] (小猫 [xiǎo māo])	‘кошечка’
32.	亿点点 [yìdiǎn diǎn] (一点点[yīdiǎn diǎn])	‘очень много’
33.	亿口 [yì kǒu] – в сто миллионов уста (一口[yī kǒu])	‘полный рот’
34.	玉玉症 [yù yù zhèng] (抑郁症 [yù yù zhèng])	‘подавленное состояние’
35.	照骗 [zhào piàn] (照片[zhào piàn])	‘слишком ретушированная фотография’